

Мазюк Р.В.

**ИНСТИТУТ
УГОЛОВНОГО
ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
В РОССИЙСКОМ
УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Издательство «Юрлитинформ»

Р.В. Мазюк

**ИНСТИТУТ
УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

**Издательство «Юрлитинформ»
Москва
2009**

УДК 343.119.3(470)
ББК 67.411
М13

Автор:

Мазюк Р.В. — кандидат юридических наук

Научный редактор:

Смолькова И.В. — Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Рецензенты:

Гуськова А.П. — Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Азаров В.А. — Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Мазюк Р.В.

М13 **Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве.** Монография. — М.: Издательство «Юрлитинформ», 2009. — 216 с.

ISBN 978-5-93295-494-2

Книга является комплексным монографическим исследованием уголовного преследования как самостоятельного института уголовно-процессуального права, а также как процессуальной деятельности стороны обвинения на основе его исторического анализа и действующего уголовно-процессуального законодательства. Автором разработан ряд теоретических положений и практических рекомендаций, направленных на совершенствование правового регулирования порядка возбуждения, прекращения, а также порядка осуществления отдельных видов уголовного преследования.

Предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей юридических факультетов, научных сотрудников, а также практических сотрудников органов уголовной юстиции.

УДК 343.119.3(470)
ББК 67.411

ISBN 978-5-93295-494-2

© Мазюк Р.В., 2009
© Издательство «Юрлитинформ», 2009

«...без уголовного преследования
уголовный процесс вообще был бы
невозможен, бесцелен и беспредметен».

Строгович М.С.

Предисловие

В УПК РФ 2001 года законодатель на нормативном уровне закрепил понятие «уголовное преследование». Данное понятие, между тем, не является новым для отечественного уголовно-процессуального права. Впервые оно было использовано в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года (в дальнейшем сокращенно — УУС 1864 г.). Позже оно употреблялось в нормативно-правовых актах советского государства, но с принятием УПК РСФСР 1960 года было отвергнуто законодателем.

В последнее время наблюдается возрождение научного и практического интереса к понятию «уголовное преследование», что не случайно. Предусмотрев в п. 55 ст. 5 УПК РФ его легальное определение как процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, законодатель вызвал очередную волну научной дискуссии по поводу сущности и правового значения данной категории в системе российского уголовного судопроизводства.

Еще А.Ф. Кони писал: «Уголовное преследование слишком серьезная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности. Ни последующее оправдание судом, ни даже прекращение дела до передачи суду очень часто не могут изгладить материального и нравственного вреда, причиненного человеку поспешным и неосновательным привлечением его к уголовному делу»¹. Эти строки, написанные столетие назад, и в настоящее время точно отражают значение уголовного преследования, заключающееся в том, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

¹ Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры // Собр. соч. В 8 т. / А.Ф. Кони. — М.: Юрид. лит., 1967. — Т. 4. — С. 171.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением И.В. Смольковой, полагающей, что «необходимость пересмотра отношения к обеспечению прав и законных интересов личности в современных условиях побуждает к переосмыслению требования о неотвратимости уголовной ответственности, непосредственно связанного с принципом публичности. Реализация идей построения правового государства несовместима с практикой принесения в жертву любых интересов личности ради стремления не оставлять нераскрытым ни одно преступление»².

Законодательная регламентация уголовного преследования, как представляется, должна исходить именно из приоритета прав и свобод личности, вовлеченной в сферу уголовного судопроизводства, над интересами государства в раскрытии и скорейшем расследовании любого преступления. Особую актуальность понятие «уголовное преследование» приобретает в связи с провозглашением российского уголовного судопроизводства состязательным. Уголовное преследование рассматривается законодателем как функция, противоположная функции защиты, а также как процессуальная деятельность стороны обвинения, направленная на изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Но несмотря на наличие нормативного определения данного понятия сегодня, его сущность и содержание продолжают оставаться предметом многочисленных дискуссий и споров в научной литературе.

В настоящее время институт уголовного преследования на теоретическом уровне только формируется. Отдельным отраслям права, а также системе права в целом свойственен «процесс постепенного накопления нормативного материала и распределения его по структурным блокам — институтам»³. Думается, что аналогичный процесс в уголовно-процессуальном праве, начавшийся с Судебной реформы 1864 года и протекавший на протяжении всего советского периода, именно в настоящее время ведет к образованию нового уголовно-процессуального института — института уголовного преследования. Тем не менее, нельзя не согласиться с мнением Е.Г. Мартыничика о том, что «в научно-практических особенностях и тем более тонкостях института уголовного преследования, к сожалению, российские законодатели разобрататься не смогли и в регламентации его допустили серьезные ошиб-

² Смолькова И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе / И.В. Смолькова. — М.: Луч, 1999. — С. 35.

³ Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. — М.: НОРМА — ИНФРА-М, 1999. — С. 321.

ки. Это, пожалуй, одно из красноречивых свидетельств того, как порой трудно теоретические идеи и конструкции материализовать в нормах уголовно-процессуального права»⁴.

Как было отмечено специальной комиссией по мониторингу УПК РФ, все еще очевидно сохранение противоречий «между высоким юридическим и правовым стандартом нового УПК, архаичностью мышления правоприменителей и практикой его реализации»⁵. Безусловно, в этом также есть определенная вина самого законодателя, который 22 ноября 2001 г. принял уголовно-процессуальный закон, в наименьшей степени учитывающий потребности практики. О недоработанности и несовершенстве УПК РФ свидетельствует тот факт, что за 7 лет его действия в Государственную Думу РФ было представлено более 100 законопроектов о внесении изменений и дополнений в него, 36 из которых одобрены законодателем. К сожалению, эти изменения в незначительной степени затронули совершенствование института уголовного преследования.

В частности, в УПК РФ остались не урегулированными отдельные вопросы порядка возбуждения, осуществления и прекращения уголовного преследования, законодателю не удалось должным образом обеспечить защищенность личности от незаконного и необоснованного уголовного преследования. Все вышеизложенное требует глубокого, всестороннего историко-правового анализа с целью разработки нового подхода к оценке правовой природы и значения уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве и, как следствие, формулирования предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего порядок возбуждения, осуществления и прекращения уголовного преследования.

Внесение законодателем изменений и дополнений в УПК РФ, начиная с федеральных законов от 5, 6 июня 2007 г., предопределило изменение характера взаимоотношений участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Прокурор, традиционно являвшийся полноправным руководителем уголовного преследования как в досудебном, так и в судебном производстве, утратил значительную часть

⁴ Мартыничик Е.Г. УПК Российской Федерации: достижения и нереализованные возможности / Е.Г. Мартыничик // Российский судья. — 2002. — № 4. — С. 5.

⁵ Мизулин М.Ю. Уголовно-правовая специализация в рамках когнитивной модели уголовного судопроизводства Российской Федерации / М.Ю. Мизулин // Мониторинг введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. — М.: Исслед. группа РАГС, 2003. — С. 20.

своих полномочий, что не могло не сказаться на качестве осуществляемого стороной обвинения уголовного преследования. Данные изменения, безусловно, можно рассматривать как законодательную стратегию развития уголовного судопроизводства, исходящую из необходимости четкого разграничения таких видов процессуальной деятельности, как уголовное преследование и прокурорский надзор. Однако необходимо отметить, что указанные изменения УПК РФ в незначительной степени повлияли на сущность и правовое значение уголовного преследования как процессуальной деятельности, реализующей функцию обвинения в российском уголовном судопроизводстве.

В целом, проведенное исследование позволило автору выявить исторические закономерности возникновения понятия «уголовное преследование» в дореволюционном уголовном судопроизводстве, особенности его становления и развития в советский период; определить правовую природу уголовного преследования в современном уголовном судопроизводстве; проанализировать логические правила построения законодательного определения уголовного преследования; осуществить классификацию уголовного преследования и рассмотреть особенности осуществления отдельных видов уголовного преследования.

Глава I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ «УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ» В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

§ 1. Возникновение понятия «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве дореволюционного периода

Возникновение любого нового понятия в законодательстве всегда является событием неординарным для ученого-исследователя. Первый вопрос, который возникает при этом, — каковы его корни, какова история? Как представляется, сделать вывод о необходимости и уместности понятия в конкретном законе возможно только после его историко-правового исследования.

Историко-правовое исследование понятия «уголовное преследование» логично начать с Устава уголовного судопроизводства 1864 года, в котором оно впервые было закреплено. Однако прежде чем перейти к подробному анализу норм УУС 1864 года необходимо определить причины, побудившие законодателя использовать новое, до этого ему не известное, понятие. Целью историко-правового исследования понятия «уголовное преследование» является выявление основных закономерностей употребления данного понятия в уголовно-процессуальном законодательстве и научной литературе, приведших в итоге к формулированию современного законодательного определения уголовного преследования как процессуальной деятельности стороны обвинения, осуществляемой в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ).

Наиболее раннее упоминание термина «преследование» в научной литературе встречается у Я.И. Баршева, автора первого теоретического курса российского уголовного процесса «Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству», изданного в 1841 году. В своем труде Я.И. Баршев рассматривал «преследование обвиняемого» как одну из мер процессуального принуждения («предуготовительной меры к исследованию преступления»), сущность которой описывал следующим образом: «Преследова-

ние обвиняемого есть одно из самых надежных и лучших средств, поставить его к следствию и на суд в том случае, когда можно надеяться найти его на известном пути, и когда он по всему вероятно не находится еще в большом отдалении; оно, впрочем, не может простираться за пределы другого государства, разве в случае особенного договора о том. <...> Ежели посланный достигнет обвиняемого и он не даст взять себя, то, избегая, по возможности, драки, должно следовать за ним до ближайшего селения для изловления его при помощи тамошних жителей; но ежели невозможно будет избегнуть насильственного взятия и при этом обвиняемый будет убит по собственному его сопротивлению, то это убийство не ставится в вину»⁶. Очевидно, что лексическая единица «преследование» в полной мере соответствовала категорийному аппарату розыскного типа процесса, существовавшего до Судебной реформы 1864 года.

Понятие «изобличение», точнее, его словоформа «обличение», использовалось в Своде законов Российской империи 1832 года, который предусматривал, что «следствие есть изыскание всех обстоятельств дела или происшествия, составляющего преступление, и собрание доказательств к *открытию* и *обличению* виновного» (Т. XV, ст. 882)⁷. Соответственно, «обличение» виновного (доказывание его виновности) не включало в себя его «открытие» (деятельность по его установлению), что позволяет сделать вывод об употреблении понятия «изобличение» в Своде законов 1832 года как деятельности, направленной на доказывание виновности *конкретного лица*, уже установленного по делу. Данная норма, по-видимому, дала Я.И. Баршеву основания определять цель уголовного судопроизводства в том, «чтобы, собрав материалы, необходимые для верного и справедливого приговора относительно вины или невинности *изобличаемого* в каком-либо преступлении лица, признать его невинным или достойным известного наказания»⁸. Таким образом, употребление словоформы от понятия «изобличение» в данном определении следует считать моментом зарождения самого термина «изобличение» как научной категории, ставшей базисной для российского уголовного судопроизводства на протяжении его последующей полуторавековой истории.

⁶ Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я.И. Баршев. — М.: ЛексЭст, 2001. — С. 66.

⁷ Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / В.А. Линовский. — М.: ЛексЭст, 2001. — С. 121.

⁸ Баршев Я.И. Указ, соч. — С. 35.

Трудно согласиться с мнением О.Д. Жука, который утверждает, что понятие «уголовное преследование» имеет более давнюю историю и сохранилось еще в ст. I главы второй «Краткого изображения процессов или судебных или судебных тяжб» (1715 г.), где отмечалось, что «процесс есть дело судимое, чрез который случающиеся тяжёбые дела основательным представлением и из обстоятельств дел обретенных доказов явны сочиняются, и потом от судей, по изобретению оных причин, решение чинится»⁹. Анализ «Краткого изображения» показывает: в нем не употребляются понятия «уголовное преследование», «преследование», «изобличение», «обличение». Очевидно, что процитированная О.Д. Жуком норма является определением уголовного судопроизводства, однако она не дает оснований для выделения уголовного преследования как самостоятельной функции, так как весь розыскной процесс, по сути, представлял из себя единое публичное преследование лица, как со стороны административных органов государства, так и со стороны суда¹⁰.

Уголовное преследование как самостоятельная процессуальная деятельность могло возникнуть исключительно в рамках функции обвинения, отделение которой от функции разрешения уголовного дела является существенным признаком состязательного типа уголовного судопроизводства, который берет в России свое начало с 1864 года.

20 ноября 1864 г. в результате проведения Судебной реформы были приняты «Судебные уставы», состоявшие из четырех законов: Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства (в дальнейшем сокращенно — УУС 1864 г.), Устав гражданского судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. С.В. Познышев так охарактеризовал итог плодотворной работы российского законодателя: «Судебные Уставы представляют собою законодательный памятник, весьма замечательный по глубине и верности положенных в основу его начал, по систематичности изложения, по

⁹ Жук О.Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования в уголовном процессе России / О.Д. Жук // Законодательство. — 2004. — № 2. — С. 77.

¹⁰ Необходимо отметить, что словоформа понятия «изобличение» — «обличение», «обличать» — встречается в Воинском артикуле 1715 года, где используется в конструкции материально-правовых норм в значении «застигнут в момент совершения преступления» (арт. 24), «объяснить свои слова» (арт. 151), «совершить преступление при свидетелях» (арт. 196) (См.: Российское законодательство X—XX вв. В 9 т. / Отв. ред. А.Г. Маньков. — М.: Юрид. лит., 1986. — Т. 4. — С. 327—365.), а также в Соборном уложении 1649 г. — в 3-х статьях, в том числе в главе X «О суде»: *А кто кабалу полживит, и в том обличен будет, что кабалу лживил не делом, и за то долг взятия на нем исцу вдвое* (ст. 259). В данном случае речь идет о гражданско-правовых отношениях, не касающихся судопроизводства (См.: Российское законодательство X—XX в.в. ... — Т. 3. — С. 83—257).

легкому, простому и вместе с тем изящному языку. В нашем законодательстве нет ни одной части, которая могла бы соперничать с ними в отношении систематичности, простоты и ясности изложения»¹¹. Известный немецкий юрист К. Миттермайер, сравнивая проект Устава уголовного судопроизводства с законодательством Европы, писал, что «он стоит выше даже многих новейших законодательных работ»¹².

Вместе с тем, законы столь высокого правового уровня не могли быть разработаны российскими правоведами исключительно на основе действовавшего в то время российского законодательства, существовавших правовых традиций и юридической практики. Как указывал И. Я. Фойницкий, «в нашем новом процессе есть много сходного с английским и особенно с французским»¹³. Представляется оправданным, не углубляясь в содержание английского и французского уголовного процесса того времени, попытаться установить, в какой части они повлияли на возникновение понятия «уголовное преследование» в отечественном уголовном судопроизводстве.

Что касается заимствований из английского уголовного процесса, то в части регламентации уголовного преследования говорить о каком-либо влиянии на отечественного законодателя сложно, так как институт публичного уголовного преследования под названием «дирекция публичного преследования» был введен в английском процессе только законом Prosecution of offenses Act от 03 июля 1879 г., т.е. уже после вступления УУС 1864 года в действие. До этого Закона уголовное преследование существовало исключительно как прерогатива частных лиц, пострадавших от преступного посягательства. Как отмечал М.А. Чельцов-Бебутов, «неудобства отсутствия органа публичного преследования вызывали все более усилившиеся нарекания. Указывалось на то, что множество преступлений остается нераскрытыми, а с другой стороны, возбуждаемые потерпевшими обвинения нередко прекращаются путем сделок с обвиняемыми, и в то же время ряд обвинений возбуждается без достаточных к тому оснований»¹⁴.

¹¹ Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С.В. Познышев. — М.: Изд-во Г.А. Лемана, 1913. — С. 4.

¹² Цит. по: Шевчук В.Б. Реформирование судебной системы России во второй половине XIX — нач. XX в. (историко-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В.Б. Шевчук. — СПб.: Санкт-Петербург. гуман. ун-т, 2004. — С. 75–76.

¹³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. / И. Я. Фойницкий. — СПб.: АЛЬФА, 1996. — Т. I. — С. 44.

¹⁴ Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М.А. Чельцов-Бебутов. — СПб.: Равена, Альфа, 1995. — С. 410–412.

В основу проекта Устава уголовного судопроизводства был положен французский *Code d'instruction criminelle 1808* (Кодекс уголовного расследования 1808 года, в дальнейшем сокращенно — Кодекс 1808 г.)¹⁵, в котором было «характерно разделение производства на предварительное следствие, негласное, находящееся под сильным влиянием прокурора, и судебное разбирательство, в котором в порядке гласного и устного состязания между прокурором и подсудимым с защитником проводилась проверка судом всех доказательств и выносился приговор»¹⁶. Вместе с тем, как указывал М.А. Чельцов-Бебутов, «составители Устава уголовного судопроизводства внесли в него ряд поправок, смягчивших резко розыскной характер»¹⁷ предварительного расследования французского процесса»¹⁸.

Многие категории и институты, существовавшие в УУС 1864 года, стали заимствованием из Кодекса 1808 года. Однако, по мнению Г.А. Джаншиева, составители судебных уставов «не довольствовались переводом соответственных постановлений европейских кодексов, а придумывали комбинации, которые могли бы обеспечить непреложное и неискаженное исполнение»¹⁹.

Именно в Кодексе 1808 года использовалось понятие «*l'action publique*», ставшее прототипом категории «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве.

Досудебное производство, по Кодексу 1808 года, состояло из трех стадий: дознание, возбуждение уголовного преследования и предварительное следствие»²⁰. Дознание²¹ было направлено на установление

¹⁵ Кодекс уголовного расследования Франции действовал ровно полтора столетия (до 1958 года). Он стал моделью для законодательства многих стран Западной Европы (Италия, Германия, Испания, Португалия, Швейцария, Нидерланды). В Бельгии и Люксембурге он был официально принят как действующий законодательный акт и остается в силе до сих пор. (См.: Головкин Л.В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции / Л.В. Головкин. — М.: СПАРК, 1995. — С. 7; Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник / Отв. ред. докт. юрид. наук, проф. А. Я. Сухарев. — М.: НОРМА, 2003. — С. 92.)

¹⁶ Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. — С. 780.

¹⁷ По мнению А. В. Смирнова данный Кодекс сформировал смешанный (следственно-состязательный тип) уголовного судопроизводства (См.: Смирнов А.В. Состязательный процесс / А.В. Смирнов. — СПб.: Альфа, 2001. — С. 167.)

¹⁸ Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. — С. 780.

¹⁹ Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы / Г.А. Джаншиев. — М.: Статут, 2004. — С. 8.

²⁰ Головкин Л. В. Дознание и предварительное следствие... — С. 17.

²¹ Французский термин «дознание» (*enquête*) происходит от латинского слова «*inquisita*» — одной из форм глагола «*inquire*» (разыскивать, исследовать). Лингвисты отмечают, что «*enquête*» —

события преступления. Данная деятельность осуществлялась полицией и оканчивалась передачей полученных материалов в прокуратуру для решения вопроса о возбуждении уголовного преследования. Как указывает Л.В. Головкин, во французском уголовном процессе «дознание ни при каких обстоятельствах не может иметь место после того, как публичный иск уже возбужден. Прав А.И. Лубенский, называя акт возбуждения уголовного преследования «естественной границей», отделив дознание от предварительного следствия»²².

В данной системе понятие «l'action publique» использовалось для обозначения начатого (возбужденного) уголовного преследования. По мнению Л. В. Головкина, термин «l'action publique» точнее переводить как «публичный иск», что, впрочем, не слишком принципиально²³. Это, действительно, не принципиально, а использование в русском переводе термина «l'action publique» слова «уголовный», а не «публичный» можно объяснить тем, что в тот исторический период «публичный» в России имел значение «народный, общенародный, всенародный, всеобщий». Такое значение рассматриваемого термина содержится в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля, первое издание которого пришлось именно на годы судебной реформы (1863—1866 годы). В этом Словаре приводятся примеры общепринятого употребления слова «публичный» в тот период: «публичные здания, больницы, театры и пр.»; «об этом говорят публично, гласно»²⁴. Соответственно, понятие «публичное преследование», скорее всего, ассоциировалось бы с «народным преследованием», «гласным преследованием», а не «государственным»²⁵. В этом смысле понятие «уголовное преследование» при

переводе термина «l'action publique» семантически в большей степени отражало содержание процессуальной деятельности, осуществляемой от имени и в интересах государства.

Вместе с тем, понятие «уголовный иск» в УУС 1864 года также употреблялось, но только в двух случаях:

- в ст. 5, которая определяла порядок рассмотрения дел частного-публичного обвинения, заключавшийся в том, что «право возбуждения уголовного иска принадлежит потерпевшему лицу, а дальнейшее судебное преследование — прокурору или его товарищу»;
- в ст. 593, которая закрепляла основание прекращения уголовного дела вследствие неявки в судебное разбирательство потерпевшего или его представителя по делу частного обвинения: «Неприбытие в суд частного обвинителя или его поверенного без законных на то причин признается отречением от уголовного иска и имеет последствием прекращение дела».

Таким образом, понятие «уголовный иск» использовалось в УУС 1864 г. исключительно в случаях, предусматривающих реализацию частного начала в уголовном судопроизводстве по делам частного и частного-публичного обвинения.

Необходимо отметить, что в Кодексе 1808 года термин «l'action publique» преимущественно использовался в «Вводных положениях». В остальных частях данное понятие не употреблялось, за исключением ст.ст. 637 и 640, которые регулировали порядок исчисления сроков давности за совершенные преступления. В частности, ст. 637 Кодекса 1808 года предусматривала, что «уголовное преследование (l'action publique) и гражданский иск (l'action civile) по преступлениям, наказуемым смертной казнью или пожизненным заключением... не могут быть возбуждены по истечении десяти лет с момента, когда преступление предположительно было совершено, если в этот период не производились подготовительные действия либо преследование»²⁶. Статья 640 предусматривала, что «уголовное преследование и гражданский иск за правонарушение не могут иметь место по истечении одного года, начиная со дня его совершения». Необходимо отметить, что и приведенных статей, и в «Вводных положениях» понятие «l'action publique» (уголовный иск) использовалось в одних нормах с понятием «l'action civile» (гражданский иск), что позволяет сделать вывод о стремлении французского законодателя подчеркнуть схожую юридическую природу данных категорий, а также их тесную связь в структуре уголовного судопроизводства того времени.

²⁶ Здесь и далее перевод с французского мой — Р. М.

это изучение какого-либо вопроса, осуществляемое с помощью собирания свидетельств и выполнения опытов (См.: Головкин Л.В. Дознание и предварительное следствие... — С. 13).

²² Головкин Л. В. Дознание и предварительное следствие... — С. 11.

²³ Там же. — С. 7.

²⁴ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В. Даль. — М.: Рус. яз., 1989. — Т. 3. — С. 535.

²⁵ В УУС 1864 г. встречается понятие «публично». Во всех случаях оно используется в значении «гласно», «открыто» («Мировой судья разбирает дела изустно и публично» (ст. 88); «Постановив приговор, мировой судья записывает его вкратце и объявляет участвующим в деле лицам публично в том же заседании, в котором разбирательство дела окончено» (ст. 127); «Судебные заседания по делам о преступлениях и проступках происходят публично» (ст. 620); «Частные жалобы и протесты рассматриваются судебной палатой в публичном заседании и разрешаются немедленно по их получении» (ст. 900); «Протоколы по нарушениям сего рода в С.-Петербурге и Москве составляются чиновниками полиции совместно с членом физиката или медицинской конторы в присутствии члена мануфактурного совета и архитектора от управления путей сообщения и публичных зданий» (примечание к ст. 1225)).

Таким образом, прослеживается единая закономерность употребления понятий «*l'action publique*» (уголовный иск) и «*l'action civile*» (гражданский иск) в Кодексе уголовного расследования, 1808 года и Уставе уголовного судопроизводства 1864 года: оба эти понятия использовались французским и российским законодателем в тех положениях, которые касались реализации частных начал в уголовном судопроизводстве, что, очевидно, позволяло на терминологическом уровне разграничивать полномочия потерпевшего, выразившиеся в требовании, с одной стороны, о привлечении лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности (уголовный иск), а с другой — требовании о возмещении материального ущерба, причиненного данным лицом в результате совершения этого преступления (гражданский иск). Такой подход законодателя объяснялся, по утверждению А. Квачевского, неумением, вплоть до Судебной реформы, «отличать частный интерес от общественного, гражданское дело от уголовного», что «усложняло путаницу, происшедшую от неясностей узаконений об уголовном и гражданском иске и расплодило переписку: нередко производились уголовный следствия по делам, имевшим чисто гражданский характер, а истец заводил иск по основаниям уголовным, суды производили гражданским порядком и решали его прежде начатия уголовного производства и дела оканчивались уничтожением всего производства, как неправильного и незаконного»²⁷.

Наравне с понятием «*l'action publique*», в Кодексе 1808 года употреблялось понятие «*poursuite*», которое с французского языка дословно переводится как: «преследование, погоня, судебное преследование»²⁸. Так, ст. 6 Кодекса 1808 года предусматривала, что «судебное преследование (*poursuite*) возбуждается по требованию прокуратуры того места, где находится подследственный либо где он может быть задержан». Статья 61 устанавливала, что «Кроме случаев обнаружения очевидного преступления, следственный судья не производит ни подготовительных действий, ни судебного преследования (*poursuite*), пока он не проинформирует об этом императорского прокурора, который может, более того, затребовать отчет обо всех предпринятых действиях в течение двадцати четырех часов». В целом, понятие «*poursuite*» в

²⁷ Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство / А. Квачевский. — СПб.: Тип. Ф.С. Сушинского, 1866. — Т. 1. — С. 76.

²⁸ Французско-русский словарь активного типа / Под ред. В.Г. Гака, Ж. Триумфа. — 2-е изд., испр. — М.: Рус. яз., 1998. — С. 777.

Кодексе 1808 года употреблялось в значении «преследование» в узком смысле, т.е. осуществления процессуальной деятельности в отношении конкретного лица, привлеченного к рассмотрению»²⁹.

Таким образом, в Кодексе 1808 года для обозначения процессуальной деятельности органов государства использовались различные понятия «*l'action publique*» и «*poursuite*»: первое означало «уголовное преследование» в широком смысле (в значении «уголовный иск»), т.е. возможность применения средств государственного принуждения к лицам, совершившим преступление, посредством уголовного судопроизводства, а второе — «преследование» в узком смысле, т.е. процессуальную деятельность, осуществляемую в отношении конкретного лица.

Составители Устава 1864 года, очевидно, основывались на аналогичном подходе использования дифференцированного значения категории «уголовное преследование», с одной лишь оговоркой, что в УУС 1864 года данное понятие употреблялось в трех разновидностях: «судебное преследование», «уголовное преследование» и «преследование»³⁰.

Понятие «судебное преследование» наиболее часто использовалось в положениях УУС 1864 года. Так, ст. 1 УУС гласила: «Никто не может подлежать судебному преследованию за преступление или проступок, не быв привлечен к ответственности в порядке, определенном правилами сего Устава». Прежде всего, необходимо отметить, что именно данная норма ввела в научный оборот другую категорию, ставшую предметом многочисленных дискуссий в среде процессуалистов, — категорию «привлечение к уголовной ответственности». Анализ положений УУС 1864 года позволяет сделать вывод, что законодатель изначально допустил ошибку, используя для обозначения уголовно-процессуальных отношений (привлечение в качестве обвиняемого) материально-правовой термин (привлечение к уголовной ответственности). Впрочем, данная проблема не является предметом настоящего исследования, поэтому следует исходить из того, что приведенная норма означала запрет подвергать кого-либо судебному преследованию без предварительной процедуры

²⁹ По утверждению Л.В. Головки, теория правоотношений в уголовном судопроизводстве никогда не привлекала французских юристов. Видимо, это является причиной того, что проблема процессуального статуса обвиняемого мало разработана во французской науке. До сих пор не существует даже единого определения процедуры предъявления обвинения. Поэтому в уголовном процессе Франции чаще всего используется категория «лицо, привлеченное к рассмотрению» (См.: Головка Л.В. Дознание и предварительное следствие... — С. 76, 82, 96.).

³⁰ Понятия перечислены в порядке ограничения их нормативного значения, в котором они употреблялись в УУС 1864 г.

привлечения в качестве обвиняемого. При этом, согласно примечанию к ст. 1 УУС 1864 года, «к судебному преследованию не относятся меры, принимаемые полицейскими и другими административными властями для предупреждения и пресечения преступлений и проступков в порядке, установленном законами». Поэтому, например, дознание, осуществляемое полицией в случаях, «когда ни судебного следователя, ни прокурора или его товарища нет на месте» (ст. 252 УУС 1864 г.)³¹, а также «когда признаки преступления или проступка сомнительны или когда о происшествии, имеющем такие признаки, полиция известится по слуху (народной молве) или вообще из источника не вполне достоверного» (ст. 253 УУС 1864 г.), нельзя рассматривать как судебное преследование. В то же время, деятельность полиции в данных случаях носит процессуальный характер, так как направлена на установление признаков преступления и закрепления его следов.

В итоге, к «судебному преследованию» следует относить деятельность:

- 1) прокуроров и их товарищей;
- 2) судебных следователей;
- 3) судебных органов.

Указанные органы и должностные лица, вместе с тем, исходя из их назначения в уголовном судопроизводстве, осуществляли процессуальную деятельность различной функциональной направленности:

- 1) предварительное следствие (исследование) (ст. 249 УУС 1864 г.);
- 2) предание суду и поддержание обвинения в суде (ст.ст. 510–528; 595–749 УУС 1864 г.);
- 3) рассмотрение дела по существу (ст.ст. 42–172; 543–834 УУС 1864 г.).

Поэтому необходимо заключить, что законодатель, объединив перечисленные направления процессуальной деятельности в рамках общей категории «судебное преследование», придал ей *межфункциональное значение* — как публичный механизм в лице специальных государственных органов и должностных лиц, направленный на раскрытие преступлений и признание в судебном порядке виновными лиц, которые их совершили.

Кроме того, в отдельных статьях УУС 1864 года термин «судебное преследование» использовался как синоним понятий «уголовное

³¹ В этом случае «полиция заменяет судебного следователя во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства, как то: в осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках, но формальных допросов ни обвиняемым, ни свидетелям полиция не делает, разве бы кто-либо из них оказался тяжело больным и представилось бы опасение, что он умрет до прибытия следователя» (ст. 258 УУС 1864 г.).

дело», «производство по делу». Так, ст. 2 УУС 1864 года предусматривала, что «судебное преследование возбуждается как должностными, так и частными лицами». Ст. 16 УУС 1864 года в упрощенной форме воспроизводила содержание ст. 24 действующего УПК РФ: «Судебное преследование в отношении к уголовной ответственности обвиняемого не может быть возбуждено, а начатое подлежит прекращению: 1) за смертью обвиняемого; 2) за истечением давности...».

Различие в употреблении данных понятий заключается в том, что понятие «судебное преследование» использовалось законодателем, как уже отмечалось, в процессуальных нормах общего характера, а понятия «дело», «производство по делу» — в специальных нормах.

Наконец, так же, как термин «*l'action publique*» употреблялся преимущественно в «Вводных положениях» Кодекса 1808 года, понятие «судебное преследование» использовалось законодателем чаще всего в «Общих положениях» УУС 1864 года³². На единое значение данных понятий указывал и И.Я. Фойницкий: «Наш устав, как замечено, начальной стадии обвинения усваивает термин возбуждения *судебного преследования* или *уголовного иска*»³³. Таким образом, термин «судебное преследование» в УУС 1864 года и термин «*l'action publique*» в Кодексе 1808 года имели одинаковую смысловую нагрузку.

Термин «*уголовное преследование*» в УУС 1864 года использовался законодателем менее активно — только в трех нормах (ст.ст. 529, 542 и 772 УУС 1864 года). Указанные статьи регулировали порядок приостановления, прекращения или возобновления уголовного преследования. Так, ст. 529 УУС 1864 года определяла, что «судебная палата приступает к рассмотрению обвинительных актов или представлений о *прекращении* или *приостановлении* уголовного преследования не иначе как по письменным предложениям состоящего при ней прокурора». Ст. 542 УУС 1864 года предусматривала основания *возобновления* производства по делу, в том числе «когда после прекращения дела за нерассмотрением гражданским или духовным судом вопросов, обуславливающих уголовное преследование, вопросы те будут разрешены в смысле, допускающем такое преследование». Наконец, «освобожденный от суда без указания его вины может просить, чтобы суд определил его виновность и то наказание, которому он подлежал бы, если бы в деле не оказалось законной причины к *прекращению* уголовного преследования» (ст. 772

³² И в нескольких статьях Книги третьей «Изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства», также имеющих характер общих положений.

³³ Фойницкий И.Я. Указ. соч. — Т.2. — С. 10.

УУС 1864 г.). Следует отметить, что термин «уголовное преследование» использовался при регулировании именно случаев приостановления, прекращения или возобновления производства по уголовному делу, осуществляемого *в отношении конкретного лица*.

В процессуальной литературе конца XIX — начала XX в.в. активно употреблялось понятие «*возбуждение уголовного преследования*». Парадоксальность ситуации заключается в том, что УУС 1864 года не содержал такого понятия³⁴. Оно являлось исключительно теоретическим и рассматривалось правоведами того времени как «обязательное для уголовного суда, к которому оно обращается, требование о судебном исследовании и разрешении данного дела»³⁵. При этом, как указывал И. Я. Фойницкий, «возбуждение уголовного преследования, по смыслу действующего законодательства, слагается из двух процессуальных актов — *предъявления обвинения суду и принятия его судом*. Каждое обвинение, предъявленное уполномоченным на то обвинителем компетентному суду и удовлетворяющее необходимым для того юридическим условиям (материальным и формальным), должно быть принято судом, и в результате такого принятия получается судебное определение о привлечении к суду данного лица в качестве обвиняемого»³⁶.

УУС 1864 года, действительно, не предусматривал возможность привлечения лица в качестве обвиняемого на стадии предварительного следствия. Обвиняемым в нормах УУС 1864 года называлось любое лицо, в отношении которого имелось заявление (или, точнее, — «объявление») потерпевшего либо очевидцев преступления, что само по себе являлось законным поводом для возбуждения производства по уголовному делу (ст. 297), но не основанием для наделения данного лица процессуальным статусом обвиняемого. При этом, ст. 299 УУС 1864 года предусматривала, что «*обвинение* кого-либо в преступном деянии, при котором обвинитель не был очевидцем, не составляет достаточного повода к началу следствия, если обвинителем не представлены *доказательства в достоверности обвинения*». Таким образом, можно утверждать о наличии на данной стадии *фактического обвинения* лица в совершении преступления, но не процессуального³⁷. Вместе с тем, для

³⁴ В УУС 1864 г. содержатся понятия «возбуждение уголовного иска» (ст. 5), «возбуждение судебного преследования» (ст. 16), «возбуждение дела» (ст. 297), «возбуждение следствия» (ст. 479), но не «возбуждение уголовного преследования».

³⁵ Фойницкий И. Я. Указ. соч. — Т. 2. — С. 13.

³⁶ Там же. — С. 10.

³⁷ По мнению комментаторов УУС 1864 г., термин «обвинение», используемый в ст. 299, является неудачным. Более корректным на момент подачи жалобы потерпевшим или

обозначения такого лица составители УУС 1864 года все же использовали термин «обвиняемый», наравне с которым активно употреблялся и термин «подозреваемый». Анализ норм УУС 1864 года позволяет заключить, что понятие «подозреваемый» использовалось для характеристики лица, задержанного полицией на месте преступления (ст.ст. 256, 257), а также лица, на которое не указал потерпевший или очевидцы как на совершившее преступление, но в отношении которого имеются достаточные данные о причастности к совершению преступления (ст.ст. 47, 276, 314). Однако, необходимо признать, что составители УУС 1864 года не предполагали концептуальных различий между понятиями «подозреваемый» и обвиняемый»: «Каждый *обвиняемый* допрашивается порознь, с принятием меры, чтобы *подозреваемые* в одном и том же преступлении не могли иметь стачки между собой» (ст. 407). Понятия «подозрение» и «обвинение» в УУС 1864 года также употреблялись как однопорядковые. Так, ст. 74 предусматривала возможность потребовать мировым судьей от обвиняемого поручительства или залога, «когда *обвиняемый подозревается* в преступном действии, за которое в законе положено заключение в тюрьме или наказание более строгое».

Таким образом, составители УУС 1864 года исходили из того, что лицо не может обвиняться в совершении преступления (а может только подозреваться), пока такое обвинение не будет выдвинуто в официальном порядке. На стадии предварительного следствия такой порядок предусмотрен не был.

В качестве официального порядка выдвижения обвинения, или, используя теоретическую терминологию, — «*возбуждения уголовного преследования*», как представляется, необходимо рассматривать процедуру *предания суду*, ставшую после Судебной реформы новой стадией российского уголовного судопроизводства³⁸. Предание суду по УУС 1864 года состояло из нескольких этапов:

- 1) после окончания предварительного следствия уголовное дело направлялось прокурору, который принимал одно из следующих решений (ст. 510):

очевидцами является термин «объявление» лица в совершении преступления (См.: Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / При участии: сенаторов А. Ф. Кони, В. К. Случевского, Н. С. Таганцева и др.; Под общ. ред. проф. М. Н. Гернета. — Вып. III. — Ст. 249 — 594. — М.: Изд-во А. И. Мамонтова, 1914. — С. 671.).

³⁸ По утверждению исследователей УУС 1864 г., «обряд предания суду есть по всей вероятности та часть уголовного судопроизводства, которая всего более приближает наш Устав к французскому» (Цит. по: Головкин Л. В. Дознание и предварительное следствие... — С. 56.).

- а) подлежит ли дело ведению прокурорской власти;
 - б) произведено ли следствие с надлежащей полнотой и
 - в) следует ли обвиняемого предать суду или же дело о нем должно быть прекращено или приостановлено.
- 2) в случае, если прокурор принимал решение о предании обвиняемого суду, заключение об этом излагалось в форме *обвинительного акта* (ст. 520);
- 3) обвинительный акт направлялся прокурором (ст. 523):
- а) по делам о преступлениях, за которые не могло быть назначено наказание в виде лишения или ограничения прав состояния, — в *окружной суд*;
 - б) по делам о преступлениях, за которые могло быть назначено наказание в виде лишения или ограничения прав состояния, — *прокурору судебной палаты*;
- 4) *окружной суд*, получив дело, незамедлительно приступал к производству по нему (ст. 527);
- 5) прокурор судебной палаты на заседании судебной палаты представлял дело к рассмотрению, по результатам которого «признав следствие достаточно полным и произведенным без нарушения существенных форм и обрядов судопроизводства, палата постановляет *окончательное определение о предании суду*³⁹ или *о прекращении дела, а в противном случае обращает его к доследованию или законному направлению*» (ст. 534).

Таким образом, именно через процедуру предания суду осуществлялось «требование о судебном-уголовном преследовании» лица со стороны прокурора перед органами суда, т.е. возбуждалось его уголовное преследование, или *процессуальное обвинение*, в результате чего такое лицо получало официальный статус обвиняемого⁴⁰. И.Я. Фойницкий,

³⁹ И.Я. Фойницкий по этому поводу справедливо отмечает: «Последний субъект возбуждения уголовного преследования есть суд. Предоставление обвинительной деятельности суду является глубоким отступлением от состязательного порядка процесса, основанного на разделении функций, и потому оно поставлено в узкие рамки» (См.: *Фойницкий И.Я. Указ соч.* — Т. 2. — С. 22.).

⁴⁰ В данном случае речь не идет о делах частного обвинения, на которые стадия предания суду не распространялась. Обвиняемым в процессуальном смысле по делам частного обвинения признавалось лицо, в отношении которого было подано заявление потерпевшим, с момента принятия такого заявления мировым судьей к своему производству (что также является актом возбуждения уголовного преследования). По выражению И.Я. Фойницкого, при возбуждении уголовного преследования у мирового судьи начальное обвинение «непосредственно сливается с обвинением окончательным» (См.: *Фойницкий И.Я. Указ соч.* — Т. 2. — С. 11.).

при этом, уточнял: «Возбуждение преследования не следует смешивать с начатием дела в судебном порядке; начатие дела есть акт судебный, возбуждение преследования — акт обвинителя; иногда в уголовно-судебном порядке дело начинается и при отсутствии обвинения, например для исследования причины пожара»⁴¹.

Обращает на себя внимание позиция И.А. Шевченко, пытающегося соотнести понятия «возбуждение *уголовного преследования*» и «возбуждение *судебного преследования*». По его мнению, «данные понятия имеют одинаковый смысл и значение, но они по своей сути выражают различное содержание процедуры возбуждения производства по уголовному делу. Это различие определяется, прежде всего, существованием двух типов уголовных процессов: состязательного (обвинительного) и следственного (розыскного), т.е. существовало две формы возбуждения производства по уголовному делу. При состязательном процессе уголовное дело возбуждалось непосредственно перед судом, при следственном процессе возбуждение производства по уголовному делу осуществлялось специальным государственным органом»⁴². Данное сравнение представляется спорным. Прежде всего, как было уже установлено, в период существования розыскного процесса в России законодатель еще не использовал понятие «возбуждение уголовного преследования», поэтому сравнивать указанные понятия необходимо в рамках одного типа процесса — состязательного. В рамках данного типа процесса, урегулированного УУС 1864 года, понятие «возбуждение судебного преследования» действительно использовалось для обозначения возбуждения *производства по уголовному делу*, в то время как понятие «возбуждение уголовного преследования» использовалось для обозначения возбуждения *обвинения* в уголовном деле (посредством процедуры предания суду, о чем писалось выше).

Наконец, использовавшийся в УУС 1864 года термин «*преследование*», без определений «судебное» либо «уголовное», встречался только в синтаксических конструкциях, содержавших указание на преступления (проступки) как на объект процессуальной деятельности. В частности, термин «преследование» употреблялся в следующих положениях Устава:

⁴¹ *Фойницкий И.Я. Указ соч.* — Т. 2. — С. 10.

⁴² *Шевченко И.А. Процессуальные и организационно-методические проблемы возбуждения производства по уголовному делу / И.А. Шевченко.* — Саратов: Изд-во ГОУ ВПО Саратов. Гос. акад. права, 2005. — С. 37–38.

- «Мировой судья приступает к разбирательству дел... по непосредственно усмотренным им *преступным действиям*, подлежащим *преследованию* независимо от жалоб частных лиц» (п. 3 ст. 42);
- «Полицейские и другие административные власти сообщают мировому судье о тех обнаруженных ими в круге их действия *проступках*, которые подлежат *преследованию* без жалоб частных лиц» (ст. 49);
- «Следствие, возбужденное жалобой частного обвинителя, представляется прокурору или его товарищу лишь для удостоверения в том, не заключает ли в себе дело *преступления*, подлежащего *преследованию* прокурорской властью» (ст. 479);
- «Если предметом следствия [стало] *преступное деяние*, подлежащее *преследованию* в частном порядке, то обязанности прокурора ограничиваются лишь передачей дела в надлежащее судебное установление» (ст. 511).

Необходимо отметить, что сочетание понятий «преследование» «преступления» противоречит правилам русского языка, так как преступление всегда является ретроспективным событием, имевшим место в прошлом, в то время как преследование может осуществляться только в отношении того, что существует в настоящем. Поэтому категория «преследование преступления», означающая в современной интерпретации «*раскрытие преступления*»⁴³, в *статьях УУС 1864 года* являлась *катахрезой*⁴⁴. Следует также обратить внимание на то, что законодатель не пошел по пути заимствования значения термина «*преследовать*» из розыскного типа процесса, в котором, как указывалось ранее, он использовался применительно к субъекту преступления («*преследование обвиняемого*»).

Сравнительно-правовое исследование УУС 1864 г., думается, было бы неполным без рассмотрения таких понятий, как «*изобличение*», «*обличение*», «*уличение*». Это обусловлено тем, что в современном определении уголовного преследования категория «*изобличение*» является ключевой, посредством которой современный законодатель обозначает цель уголовного преследования. Представляет интерес, каким был подход составителей УУС 1864 года к использованию перечисленных категорий в нормах Устава.

⁴³ В УУС 1864 г., кстати, «*раскрытие*» используется в сочетаниях «*раскрытие обстоятельств дела*», «*раскрытие истины*», что также синонимично понятию «*раскрытие преступления*».

⁴⁴ Катахреза (от *греч.* *katagresis* — злоупотребление, неправильное употребление слова) — соединение противоречивых понятий, употребление слова не в соответствии с этимологическим его значением (Краткий словарь иностранных слов: Ок. 8000 слов / Авт.-сост. Е.А. Гришина. — М.: АСТ, 2005. — С. 274.).

Каждое из перечисленных понятий употреблялось в УУС 1864 года по 4 раза. Понятие «*изобличение*» использовалось как синоним понятия «*доказывание*» (ст.ст. 21, 24, 771, 963)⁴⁵, «*обличение*» преимущественно употреблялось в словосочетании «*обличение пред судом*» (ст.ст. 3—5; 696). Что же касается понятия «*уличение*», то оно всегда употреблялось в конструкции «*обстоятельства, уличающие*» обвиняемого (подсудимого) (ст.ст. 265, 666, 722, 739). Специфика их использования в сочетаниях с различными категориями, по-видимому, объясняется оттенками значений самих понятий. Так, согласно Толковому словарю русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова:

- 1) *изобличить* — доказать чью-нибудь виновность в чем-нибудь⁴⁶;
- 2) *обличать* — высказывая правду, порицая, разоблачать; обнаруживать, показывать, раскрывать⁴⁷;
- 3) *уличить* — открыть доказательства чьей-нибудь виновности⁴⁸.

И, действительно, данные значения полностью соответствуют тем контекстам, в которых употреблялись рассматриваемые понятия в УУС 1864 года. Например:

- «Осужденный отправляется на место казни в арестантском платье с надписью на груди о роде вины его, а если он *изобличен* в убийстве отца или матери, то и с черным покрывалом на лице» (п. 2 ст. 963);
- «По уголовным делам, подведомственным общим судебным установлениям, *обличение обвиняемых пред судом* возлагается на прокуроров и их товарищей» (ст. 4);
- «При производстве следствия судебный следователь обязан с полным беспристрастием приводить в известность как *обстоятельства, уличающие* обвиняемого, так и *обстоятельства, его оправдывающие*» (ст. 265).

Таким образом, рассмотренные понятия в целом характеризовали процесс доказывания в уголовном судопроизводстве, при этом, сам процесс доказывания обозначался посредством категории «*изобличение*», в то время как производные от нее формы («*обличение*» и

⁴⁵ УУС 1864 г. понятие «*доказывание*» не содержит, хотя подробно регулирует данный процесс. Очевидно, что термин «*изобличение*» обозначал именно его.

⁴⁶ Толковый словарь русского языка. В 3 т. / Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Вече, Мир книг. — Т. 1. — С. 460.

⁴⁷ Там же. — Т. 2. — С. 141.

⁴⁸ Там же. — Т. 3. — С. 466.

«уличение») использовались для обозначения отдельных аспектов данного процесса: уличение — доказывание виновности лица в совершении преступления, обличение — поддержание обвинения в суде. Таким образом, следует признать, что понятие «изобличение» не носило обвинительного характера (доказывание только виновности); «изобличение» подразумевало установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Учитывая вышеизложенное, представляется не совсем точным вывод Ю.В. Деришева о том, что «в Уставе уголовного судопроизводства (УУС) Российской империи 1864 года уголовно-процессуальная деятельность описывалась посредством трех, *не различаемых принципиально* (курсив мой — Р. М.) терминов: «уголовное судопроизводство», «уголовное преследование» и «судебное преследование», которые в законе использовались субсидиарно»⁴⁹. Во-первых, термины «уголовное судопроизводство» и «судебное преследование» не являлись идентичными: судебное преследование не включало в себя деятельность полиции по осуществлению дознания (ст.ст. 250—261 УУС 1864 г.), которое, тем не менее, относилось к сфере уголовного судопроизводства. А во-вторых, термин «уголовное преследование» являлся более узким по значению, чем термин «судебное преследование», и включал в себя только предъявление и поддержание обвинения в суде.

В научной литературе конца XIX — начала XX в.в. термин «уголовное преследование» использовался повсеместно, однако авторы исходили из различного понимания данной категории.

А. Квачевский, одним из первых представивший научное исследование российского уголовного судопроизводства на основе УУС 1864 года⁵⁰, называл уголовным преследованием процессуальную деятельность органов прокуратуры, включавшую в себя:

- 1) возбуждение уголовного дела требованием производства следствия;
- 2) наблюдение за производством следствия;
- 3) предание обвиняемого суду, т.е. предъявление обвинения против известного лица в суде;

⁴⁹ Деришев Ю.В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Ю.В. Деришев. — Омск: Ом. акад. МВД России, 2005. — С. 20.

⁵⁰ Привлекает внимание, в первую очередь, название труда А. Квачевского «Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным Уставам 1864 года», исходя из которого, можно предположить равнозначную оценку автором перечисленных категорий, например, как стадий уголовного судопроизводства.

- 4) состязание обвинителя с обвиняемым в судебном следствии и участие в постановлении приговора заявлением предложений о виновности подсудимого и мере взыскания с него;
- 5) обжалование судебных приговоров;
- 6) надзор за исполнением приговора⁵¹.

Важным является указание А. Квачевского на то, что «закон отделяет следствие от иска не только тем, что не предоставляет чинам прокурорского надзора производить следственные действия, но и тем, что выделяет из следствия уголовное преследование и предоставляет его не следователю, а другим лицам, чтобы избежать тех недостатков, которыми страдает наше старое следствие, чтобы поставить следователя в более беспристрастное положение, чем ставился он Сводом законов. Однако же, несмотря на признание за основное начало такого разделения двух несовместимых должностей и властей, закон дал участие в уголовном преследовании и судебному следователю: он, как и мировой судья, возбуждает уголовные дела по непосредственному усмотрению (Уст. угол. суд. ст. 297 п. 5)»⁵². Таким образом, уголовное преследование рассматривалось ученым как ведомственная деятельность, осуществляемая исключительно органами прокуратуры, но с делегацией отдельных полномочий судебному следователю и мировым судьям (в части права на возбуждение уголовного дела по своему усмотрению). В прокурорское уголовное преследование А. Квачевский включал любую деятельность, связанную с реагированием на совершенное преступление, в том числе прокурорский надзор за предварительным следствием.

Н.М. Муравьев считал, что уголовное преследование — это «деятельность, направленная к раскрытию преступления и к изобличению виновного в нем лица, с целью подвергнуть его подлежащему наказанию»⁵³. Тем самым он расширительно толковал значение уголовного преследования как производство по уголовному делу в целом.

В. Случевский, не предлагая определения уголовного преследования, рассматривал его в рамках теории уголовного иска, выделяя 2 стадии его движения: а) возбуждение уголовного иска (преследования); б) обличение виновного пред Судом. В. Случевский справедливо обращал внимание на то, что «при возбуждении преследования может и не обнаружиться еще личность виновника, но в таком случае лич-

⁵¹ Квачевский А. Указ. соч. — Т. 1. — С. 133.

⁵² Квачевский А. Указ. соч. — Т. 1. — С. 155–156.

⁵³ Муравьев Н. Задачи прокурорского надзора / Н. Муравьев // Журнал гражданского и уголовного права. — 1884. — № 7. — С. 1.

ность эта должна обнаружиться при дальнейшем движении уголовного иска, иначе таковой не может разрешиться постановкою приговора»⁵⁴. Вместе с тем, оценивая данное положение, необходимо заключить, что автор придавал понятию «возбуждение уголовного иска» значение возбуждения уголовного дела, не исключавшего возможность отсутствия на момент его возбуждения лица, подозреваемого в преступлении, что явно противоречит смыслу понятия «иск» как требования о применении мер наказания за совершенное преступление к конкретному лицу.

С.И. Викторский также рассматривал уголовное преследование как уголовный иск, но находящийся в тесной взаимосвязи с иском гражданским: «Преступление прежде всего затрагивает публичные интересы, что и вызывает необходимость борьбы с ним со стороны государства; другим последствием преступления является нарушение материальное, т.е. от преступления страдает также и само право или благо, принадлежащее кому-либо, чей-либо интерес. Отсюда во-первых, уголовное преследование — в смысле полномочия государства требовать расследования дела судебным порядком и наказания виновного и, во-вторых, гражданский иск, сводящийся к требованию частных лиц потерпевших восстановить нарушенное материальное или вознаградить за него. Таким образом, цель уголовного преследования или уголовного иска — применение наказания, а иска гражданского — вознаграждение потерпевшего или восстановление вещи в прежнем виде»⁵⁵. Подход С.И. Викторского к пониманию уголовного преследования не как процессуальной деятельности, вытекающей из уголовного иска, а как абсолютного синонима уголовного иска, т.е. как «требования» самого по себе, представляется также менее удачным, чем деятельностный подход.

Для осмысления правовой природы понятия «уголовное преследование» в УУС 1864 года весьма важным является вопрос о соотношении данного понятия с понятием «обвинение». Как уже указывалось, исходя из системного толкования норм УУС 1864 года, возбуждение уголовного преследования влечет предъявление лицу, совершившему преступление, посредством процедуры предания суду процессуально-го обвинения. И.Я. Фойницкий в этой связи писал: «Возбуждением

уголовного преследования открывается уголовный иск, и лицо, против которого оно направляется, становится обвиняемым. На судебную власть оно налагает обязанность приступить к производству дела, если *обвинение* удовлетворяет необходимым для него юридическим условиям, и *уголовное преследование*, раз возбужденное, может быть прекращено только судом (ст. 277 УУС). Оно, таким образом, представляется составной и весьма важной *частью обвинения*, а потому и организация его примыкает к организации публичного обвинения»⁵⁶. Это, по мнению И.Я. Фойницкого, первое («первоначальное») обвинение; второй частью обвинения («окончательным обвинением») является «обличение обвиняемых перед судом»: «каждая из этих частей развивается в самостоятельную процессуальную стадию, более и более обособляющуюся и по органам, и по правилам производства; и чем дело важнее, чем торжественнее процесс, тем расчленение это полнее и глубже, тем более первоначальное обвинение отстает от типа искового требования, сохраняемого для обвинения окончательного»⁵⁷.

Н.В. Муравьев, напротив, считал, что обвинение — это часть уголовного преследования: «Что же касается до «обвинения», однозначного с «обличением», то под тем или другим подразумевается лишь часть или отдел уголовного преследования, один из процессуальных его моментов, ограниченный собственно судебным разбирательством, точнее — преследование перед судом, в судебном его заседании»⁵⁸.

С.И. Викторский указывал, что уголовное преследование «может быть названо и обвинением», при этом «оно равняется не только возбуждению преследования, но и обличению обвиняемых на суде»⁵⁹.

Таким образом, в науке уголовно-процессуального права дореволюционного периода не существовало единого мнения о соотношении понятий «уголовное преследование» и «обвинение».

Наконец, еще одним немаловажным аспектом исследуемой темы является рассмотрение *видов уголовного преследования*. В качестве критериев выделения видов уголовного преследования обычно называли «тот или другой интерес, во имя которого преследование производится, и тот или другой его деятель, субъект или орган»⁶⁰. На основании

⁵⁴ *Случевский В.* Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. 3-е изд., перед. и доп. / В. Случевский. — СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. — С. 501.

⁵⁵ *Викторский С.И.* Русский уголовный процесс / С.И. Викторский. — М.: Казенная железн. тип. Москов. узла, 1911. — С. 159.

⁵⁶ *Фойницкий И.Я.* Указ. соч. — Т. 2. — С. 12.

⁵⁷ Там же. — С. 8.

⁵⁸ *Муравьев Н.В.* Из прошлой деятельности. Статьи по судебным вопросам / Н.В. Муравьев. — СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. — Т. 1. — С. 533–534.

⁵⁹ *Викторский С.И.* Указ. соч. — С. 161.

⁶⁰ *Муравьев Н.М.* Задачи прокурорского надзора... — С. 2.

данного критерия выделялись два основных вида уголовного преследования — *частное и публичное*.

Н.М. Муравьев называл виды уголовного преследования «формами» и рассматривал их следующим образом: частная — «когда преследование это производится частным лицом, реально пострадавшим от преступления и преследующим его единственно в личном своем интересе, для возмещения своей обиды или восстановления своего нарушенного права», и публичная — «когда отвлеченным, идеальным субъектом преследования выступает общество или государство, действующего во имя общего блага и общих, страдающего от преступления интересов, носителем которых оно является по самой природе своей»⁶¹.

А. Квачевский выделял как положительные, так и отрицательные стороны указанных видов уголовного преследования. К положительным сторонам публичного уголовного преследования он относил то, что «закон получает надежную охрану, силу и непоколебимость, интерес общественный и частный всегда находят опору в таком взыскателе нарушений их, который стоит выше личных расчетов, боязни, вражды, владеет достаточными средствами преследовать преступления и притом испытан в этой деятельности, приготовлен к ней самою службою»⁶². С другой стороны, недостатками публичного уголовного преследования, по мнению А. Квачевского, являлось то, что «должностное лицо делается безграничным обладателем уголовного иска: от него зависит, начать иск или нет, он может оставить без преследования беззакония по своему произволу, которым тем легче увлечься, чем выше его власть»⁶³. Достоинством частного уголовного преследования А. Квачевский называл то, что «обвинитель может действовать самостоятельно, добывая сведения о преступлении и виновнике его из первых, а не из вторых и третьих рук: он сам мог быть очевидцем противозаконного действия, находясь вблизи от совершения его, он слышал все разглашаемые о нем подробности от самих очевидцев, он их знает и может верно судить о степени достоверности показаний, ему ближе всего известны источники, из которых может быть добыта уголовная истина во всей ее наготе, простоте и несомненности; сделавшись участником в деле, он может тем легче вести борьбу с обвиняемым, чем живее и сильнее занимает его преступление, чем более им поражены его ум и чувство связью с

⁶¹ Там же. — С. 2–3.

⁶² Квачевский А. Указ. соч. — Т. I. — С. 87.

⁶³ Там же. — С. 87.

жертвой злодеяния»⁶⁴. Однако отрицательная сторона частного обвинения, с точки зрения А. Квачевского, заключалась в том, что, «взявшись за роль обвинителя, нужно пожертвовать услугами, для которых немногие имеют довольно времени и сил»⁶⁵.

Итак, подводя итог всему вышеизложенному, можно предположить, что многообразие научных подходов к пониманию уголовного преследования, а также неоднозначность соотношения данного понятия с понятием «обвинение» обусловлено, в первую очередь, отсутствием законодательного определения терминов «уголовное преследование», «судебное преследование», «преследование», а также их неединообразным использованием в нормах УУС 1864 года. Все это позволило дореволюционным исследователям последнего в своих теоретических изысканиях наделять указанные понятия собственным значением, основанным на имеющихся представлениях об основных принципах состязательного судопроизводства, существовавшего в иностранных государствах того времени.

Выводы:

1. Возникновение в российском уголовном судопроизводстве понятия «уголовное преследование» связано с Судебной реформой 1864 года, в ходе которой отечественным уголовным процессом был заимствован ряд правовых категорий и институтов французского уголовного судопроизводства, в частности, использовавшиеся во французском Кодексе 1808 года категории «*l'action publique*» и «*poursuite*», на основе которых российским законодателем были разработаны и включены в УУС 1864 года такие понятия, как «судебное преследование», «уголовное преследование», «преследование».
2. В системе указанных понятий «уголовное преследование» обозначало процессуальную деятельность в отношении конкретного лица. Употреблявшееся в УУС 1864 года понятие «изобличение» не рассматривалось как цель уголовного преследования, а являлось названием процесса доказывания по уголовному делу. В целом, понятие «уголовное преследование» в УУС 1864 года носило общий характер и использовалось законодателем при регулировании приостановления, прекращения и возобновления производства по уголовному делу.

⁶⁴ Квачевский А. Указ. соч. — Т. I. — С. 86.

⁶⁵ Там же. — С. 86.

§ 2. Становление и развитие учения об уголовном преследовании в советский период и период разработки УПК РФ

УУС 1864 года оставался действующим уголовно-процессуальным законом вплоть до Октябрьской революции 1917 года. За более чем 50 лет своего существования Устав многократно дополнялся, отдельные его нормы претерпевали редакции⁶⁶, но вместе с тем было очевидно, что новые буржуазно-экономические общественные отношения, складывающиеся на основе бурного промышленного роста России в начале XX века, никоим образом не обнаружили необходимости модернизации уголовно-процессуальной системы России.

Революция 1917 года и последовавшее за ней изменение государственного строя, вместе с тем, не могли не сказаться на состоянии действовавшего законодательства. Мировой истории были известны случаи, когда в результате государственного переворота и смены формы правления новая власть предпринимала меры по реформированию национального законодательства⁶⁷, но никогда такое реформирование не носило радикального характера, а тем более характера ликвидации законодательства как такового.

Особенность русской Революции 1917 года заключалась в том, что новая власть стремилась изменить не только форму правления и форму государственного устройства, но и общественную идеологию. Поэтому правосознание, правопонимание и правоотношения как неотъемлемые элементы идеологии являлись первоочередной целью пришедшей к власти партии большевиков. Самым быстрым и легким способом в их изменении оказалась полная ликвидация действующего государственного законодательства и существующих государственных органов. В этом контексте не удивительно воспринимается высказывание Г.Н. Королева о том, что «строительство нового советского государства, как ни парадоксально, началось не с изменения функций государственных органов, а с их ликвидации»⁶⁸.

⁶⁶ По утверждению В. Случевского, таких изменений и дополнений было около 700 (См.: Случевский, В. Указ. соч. — С. 6.).

⁶⁷ Изменение законодательства о государственном устройстве является неизменным результатом, практически, любой революции.

⁶⁸ Королев Г.Н. Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе / Г.Н. Королев. — М.: Юрлитинформ, 2006. — С. 92.

Одним из первых законодательных актов советского государства — Декретом «О суде» № 1 от 22 ноября 1917 г.⁶⁹ предусматривалось:

- упразднение всех действовавших судебных установлений, которые заменялись судами, «образуемыми на основе демократических выборов» (п. 1);
- приостановление (*de facto* — упразднение) института мировых судей (п. 2);
- упразднение институтов судебных следователей, прокурорского надзора, а также институтов присяжной и частной адвокатуры (п. 3).

Вплоть до преобразования всего порядка судопроизводства, в соответствии с п. 4 Декрета, предварительное следствие по уголовным делам возлагалось на местных судей. В роли обвинителей и защитников, в том числе на стадии предварительного следствия, допускались «все неопороченные граждане обоюбого пола, пользующиеся гражданскими правами»⁷⁰.

Пункт 5 Декрета предусматривал, что «местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»⁷¹. «Противоречащие» законы, согласно примечанию к п. 5, признавались отмененными.

Важным являлось указание Декрета на то, что «по частно-уголовным делам стороны могут обращаться к третейскому суду. Порядок третейского суда будет определен особым декретом». Необходимо отметить, что такой декрет появился достаточно скоро — 16 февраля 1918 г. ВЦИК принял Декрет «О третейском суде»⁷², согласно которому «третейский суд образуется, по усмотрению сторон, в составе одного посредника или одинакового числа членов третейского суда с каждой стороны и одного посредника, избранного последними. Соглашение сторон о решении дела

⁶⁹ СУ РСФСР. — 1917. — № 4. — Ст. 50.

⁷⁰ Декрет «О суде» № 2 от 18 февраля 1918 г. предусматривал создание при Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов коллегий лиц, «посвящающих себя правозаступничеству как в форме общественного обвинения, так и общественной защиты» (ст. 24). И только в судебных прениях мог принять участие один «обвинитель и один защитник из присутствующих на заседании» (ст. 28). См.: СУ РСФСР. — 1918. — № 26. — Ст. 420.

⁷¹ Декрет «О суде» № 2 от 18 февраля 1918 г. уже прямо указывал на то, что «судопроизводство как по гражданским, так и по уголовным делам происходит по правилам судебных уставов 1864 года постольку, поскольку таковые не отменены декретами Центрального Исполнительного Комитета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Совета Народных Комиссаров и не противоречат правосознанию трудящихся классов» (ст. 8).

⁷² СУ РСФСР. — 1918. — № 28. — Ст. 366.

третьей судом излагается в третьей записи, на которой подписи должны быть засвидетельствованы» (п. 2). Решения третейского суда могли быть обжалованы в кассационном порядке в местные съезды судей, которые, в случае отмены решения третейского суда, передавали дело на рассмотрение общего по подсудности суда (п. 5). Вышеизложенное является свидетельством того, что советская власть не отказалась от частного порядка уголовного преследования, исключив его, тем не менее, из сферы государственного судопроизводства.

Таким образом, первые шаги советской власти по реформированию уголовного судопроизводства привели не только к ликвидации законодательной основы уголовного преследования (в том смысле, в каком оно понималось в УУС 1864 г.), но и к ликвидации самих органов, его осуществлявших. Предполагалось, что в кратчайшие сроки будет создано новое законодательство и новая судебно-следственная система, которая бы обеспечила осуществление быстрого, эффективного и беспристрастного уголовного судопроизводства. До этого же момента государство фактически делегировало полномочия по осуществлению уголовного преследования всем желающим. Само же преследование фактически осуществлялось на основе таких абстрактных категорий, как «революционная совесть» и «революционное правосознание», ставших правовой основой новой общественной идеологии.

Принятие новых законов, регламентирующих уголовное судопроизводство, являлось осознаваемой необходимостью. Единственным вопросом был вопрос о том, как скоро новый законодатель будет способен разработать такие законы.

Первый советский уголовно-процессуальный закон (УПК) был утвержден постановлением ВЦИК РСФСР от 25 мая 1922 г., а менее чем через год, 15 февраля 1923 г., был принят второй УПК РСФСР⁷³. Следует отметить, что первый УПК РСФСР был достаточно высоко оценен как советскими учеными, так и уехавшими за рубеж российскими правоведами. Например, находящийся в эмиграции Н.С. Тимашев писал, что «с внешней стороны УПК является, вероятно, наиболее совершенным из законодательных актов Советской власти»⁷⁴. Он также обратил внима-

⁷³ В некоторых источниках УПК РСФСР 1923 г. называется уточненной «редакцией» УПК РСФСР 1922 г. И, действительно, структура и подавляющее большинство норм указанных кодексов идентичны.

⁷⁴ Цит. по: Коссов И.А. Судебная реформа 1922 г. и российское уголовно-процессуальное законодательство // Судебная защита прав и законных интересов гражданских и юридических лиц: Доклады и сообщения II Всерос. межвуз. науч.-практич. конф. — Москва, 18 декабря 2001 г. [Электронный документ] // Режим доступа: <http://liber.rsu.ru/Conf/Sudebnaya/kossov.html>, свободный. — Загл. с экрана.

ние на практически полное отсутствие в УПК выражений агитационного характера и деклараций. Что касается пробелов и неточностей, присутствовавших в Кодексе, то они, по мнению Н.С. Тимашева, не превышали технических погрешностей многих законов дореволюционного времени⁷⁵.

Как указывает Г.Н. Королев, «судопроизводство советского государства во многом формировалось под влиянием идей, заложенных в судебных уставах 1864 г.»⁷⁶. Однако, по утверждению В.П. Смирнова, несмотря на то, что «УПК РСФСР 1922, 1923 и 1960 г.г. — восприняли значительную часть положений УУС 1864 г., в том числе и тех, с помощью которых организуется уголовный процесс инквизиционно-состязательной формы... многие положения, касающиеся состязательности, не реализовывались в жизнь. Более того, УПК РСФСР 1922 г. и 1923 г. при производстве по некоторым категориям дел действовали не в полной мере или не применялись вообще. За короткий исторический период огромное число людей подверглось репрессиям без соблюдения каких-либо процессуальных норм на основе постановлений Особого совещания, «троек», «двоек» НКВД и иных внесудебных органов»⁷⁷.

Полное изменение правовой системы государства, на что, по-видимому, рассчитывала новая власть на начальном этапе, оказалось невозможным в столь короткие сроки. Поэтому, не имея возможности разработать новую концепцию права и в то же время не желая возвращаться к старой модели, советский законодатель модифицирует дореволюционную систему уголовного судопроизводства, компилируя ее с теми немногими институтами «социалистического права», которые были созданы за 4 года.

Одним из примеров заимствования из дореволюционной модели уголовного судопроизводства является категория «уголовное преследование». Данный термин использовался в 5 статьях УПК РСФСР 1922 года (ст.ст. 4, 9, 31, 98 и 251)⁷⁸. Так, ст. 4 УПК РСФСР предусматривала, что «уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное не может быть

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ См.: Уголовный процесс. Учебник / Под ред. И.Л. Петрухина. — М.: Проспект, 2001. — С. 29; Королев Г.Н. Прокурорское уголовное преследование... — С. 93.

⁷⁷ Смирнов В.П. История состязательности в науке уголовно-процессуального права / В. П. Смирнов // История государства и права. — 2001. — № 4. — С. 34.

⁷⁸ Также в 2 статьях УПК РСФСР 1922 г. использовалось понятие «дисциплинарное преследование», которое могло быть возбуждено в отношении прокурора или защитника соответствующим учреждением (в котором они состояли) за неисполнение распоряжения председателя судебного заседания (ст. 264) или за неявку на судебное заседание без уважительных причин (ст. 272). Таким образом, советский законодатель стал активнее использовать термин «преследование», распространив его и на ведомственные правоотношения.

продолжаемо и подлежит прекращению во всякой стадии процесса...». Очевидно, что прототипом данной нормы явилась ст. 16 УУС 1864 года, которая приводилась ранее. Необходимо напомнить, что в ст. 16 УУС 1864 года использовался термин «судебное преследование», который в системе норм УУС 1864 года понимался как «производство по уголовному делу». В УПК РСФСР 1922 года, как представляется, таким значением стал обладать термин «уголовное преследование».

Вместе с тем, ст. 9 УПК РСФСР 1922 года устанавливала, что «прокуратура обязана возбуждать уголовное преследование *перед* судебными и следственными органами по всякому совершившемуся и подлежащему наказанию преступлению»⁷⁹, — в данном контексте «уголовное преследование» уже означало процессуальную деятельность прокуратуры, которая на стадии предварительного расследования также предусматривала право прокурора давать обязательные для следователя указания «о направлении и дополнении следствия» (ст. 121 УПК РСФСР 1922 года). В отличие от УУС 1864 года, в УПК РСФСР 1922 года не употреблялись такие категории, как «судебное преследование»⁸⁰ и «преследование». Поэтому следует признать, что использовавшиеся в УУС 1864 года термины «судебное преследование», «уголовное преследование» и «преследование» были переняты советским законодателем в едином варианте — «уголовное преследование», которое имело в УПК РСФСР 1922 года двойное значение: 1) производство по уголовному делу; 2) процессуальная деятельность прокуратуры.

Понятие «*возбуждение уголовного преследования*» использовалось как синоним «возбуждения уголовного дела». Это подтверждается ст. 98 УПК РСФСР 1922 года, находившейся в главе VII «*Возбуждение производства по уголовному делу*». Согласно данной статье, «анонимные заявления могут служить поводом к возбуждению уголовного преследования только после предварительной негласной проверки их органами дознания». Первая же статья данной главы (ст. 96) закрепляла поводы к «*возбуждению уголовного дела*». Как справедливо отмечается в литера-

⁷⁹ По Положению «О прокурорском надзоре» от 28 мая 1922 г. на прокуратуру возлагалось «осуществление надзора... путем возбуждения уголовного преследования *против* виновных» (п. а ст. 2), то есть фактически не предусматривалась возможность возбуждения уголовного дела прокуратурой «по факту» (О прокурорском надзоре: Положение, утв. Постановлением ВЦИК от 28 мая 1922 г. // СУ РСФСР. — 1922. — № 36. — Ст. 424.). Очевидно, что данная формулировка сужала полномочия прокуратуры по сравнению со ст. 9 УПК РСФСР 1922 г.

⁸⁰ Термин «судебное преследование» использовался в Положении «О прокурорском надзоре» от 28 мая 1922 г. — в значении «производство по уголовному делу» (п. а ст. 13).

туре, термины «возбуждение производства по уголовному делу», «возбуждение уголовного дела» и «возбуждение уголовного преследования» использовались в УПК РСФСР 1922 года как идентичные⁸¹.

Понятие «*изобличение*» использовалось в 2-х нормах, регулирующих порядок дознания. Так, ст. 108 УПК РСФСР предусматривала: «В случаях, когда дознанием добыты данные, *изобличающие* кого-либо в совершении преступлений, по которым обязательно предварительное следствие, органы дознания, сообщив о сем немедленно следователю и прокурору, передают весь материал дознания следователю немедленно же, не выжидая конца месячного срока, установленного статьей 107 для производства дознания, принимая до вступления следователя в дело лишь меры, препятствующие уничтожению следов преступления или уклонению подозреваемых от следствия и суда».

Влияние французского типа предварительного расследования на УПК РСФСР 1922 года выразилось в том, что дознание стало первой стадией расследования, осуществляемой, «чтобы до начала предварительного следствия или до разбора дела по существу, если предварительное следствие не производится, были сохранены следы преступления и была устранена для подозреваемого возможность скрыться» (ст. 103 УПК РСФСР 1922 года). Если по истечении срока дознания были установлены данные, изобличающие конкретное лицо в совершении преступления, за которое максимальный размер наказания в виде лишения свободы не превышал 1 года, то материалы дознания направлялись непосредственно в суд (п. 2 ст. 107 УПК РСФСР 1922 года). По иным категориям дел органы дознания передавали материал следователю, который, между тем, мог не производить предварительное следствие, если «признает поступивший к нему материал дознания достаточно полным и дело достаточно разъясненным» (ст. 111 УПК РСФСР 1922 года). Таким образом, «данные, изобличающие кого-либо в преступлении», представляли собой по сути сведения о фактах обвинительного характера, которые сами по себе доказательствами не являлись в силу того, что были получены в результате дознания⁸². Однако в

⁸¹ См., напр: Еникеев З.Д. Уголовное преследование. Учебное пособие / З.Д. Еникеев. — Уфа: Изд-во Баш. гос. ун-та, 2000. — С. 7; Васильев О. Л. Процессуальные средства органов и должностных лиц, осуществляющих дознание и предварительное следствие / О.Л. Васильев // Вестник МГУ. — Серия 11. Право. — 2003. — № 4. — С. 5; Усачев А.А. Возбуждение уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.А. Усачев. — Иркутск: Байкал. гос. ун-т экон-ки и права, 2003. — С. 34.

⁸² Глава IV «О доказательствах» УПК РСФСР 1922 г. в качестве субъекта собирания доказательств в досудебном производстве предусматривала только следователя. Органы дознания

своей совокупности такие сведения были достаточны для утверждения о виновности лица, т.е. для предъявления лицу обвинения, что, тем не менее, сам орган дознания осуществить не мог и для чего передавал собранные данные следователю. Поэтому «изобличающие данные» — это термин, являющийся аналогом термина «доказательства виновности», использовавшийся применительно к деятельности органов дознания.

Независимо от того, проводил ли следователь по поступившему от дознания материалу предварительное следствие или нет, он был обязан: 1) предъявить обвинения обвиняемому; 2) допросить обвиняемого и 3) составить обвинительное заключение. Обвинение предъявлялось следователем при «наличии достаточных данных, дающих основания для предъявления обвинения» (ст. 131 УПК РСФСР 1922 года). Обвинение предъявлялось подозреваемому, т.е., по смыслу статей УПК РСФСР 1922 года, лицу, фактически заподозренному в совершении преступления (ст. 103 УПК РСФСР 1922 года). Самостоятельного процессуального статуса подозреваемого УПК РСФСР 1922 года не предусматривал (не наделял данное лицо ни правами, ни обязанностями), но активно использовал данный термин в главе, регулирующей деятельность органов дознания, которые могли задержать подозреваемого для предупреждения его уклонения от следствия и суда (ст. 105 УПК РСФСР 1922 года). Учитывая, что орган дознания собирал сведения, которые впоследствии использовались следователем для предъявления лицу обвинения, возможно говорить о зарождении *подозрения* как начального, пока еще не процессуального, *этапа уголовного преследования*.

УПК РСФСР 1922 года сохранил деление уголовного преследования на основные виды, существовавшие по УУС 1864 года, изменив только перечень преступлений, по которым производство проводилось в частном порядке⁸³. Также УПК РСФСР 1922 года предусматривал категорию дел, возбуждаемых не иначе, как по жалобе потерпевшего, но не подлежащих прекращению за примирением сторон (ст. 11 УПК РСФСР 1922 года).

В УПК РСФСР 1923 года⁸⁴ были произведены некоторые изменения, касающиеся роли дознания в досудебном производстве. Прежде всего, терминологически дознание было разделено на 2 вида: 1) дознание по

следственные действия не производили и собранные ими сведения доказательствами не являлись.

⁸³ УПК РСФСР отказался от термина «частно-уголовные дела», использовавшегося в Декрете «О суде» № 1 от 22 ноября 1917 г.

⁸⁴ СУ РСФСР. — 1923. — № 7. — Ст. 106.

делам, по которым предварительное следствие обязательно и 2) дознание по делам, по которым предварительное следствие не обязательно⁸⁵. Кроме того, по делам, по которым предварительное следствие было не обязательно, органы дознания получили полномочия производить следственные действия, результаты которых признавались доказательствами (ст. 101 УПК РСФСР 1923 года). В остальной части, с позиций исследуемой проблемы, УПК РСФСР 1923 года не изменился. Термин «уголовное преследование» использовался в тех же нормах, что и в УПК РСФСР 1922 года, у некоторых из которых изменилась только нумерация статей (ст.ст. 4, 9, 29, 93, 247 УПК РСФСР 1923 года).

Дальнейшее развитие советского законодательства об уголовном преследовании связано с процессом, по образному высказыванию А.В. Смирнова, «гибели предварительного следствия» и его превращения в «прокурорское дознание»⁸⁶. Начало этому процессу положило Постановление ВЦИК РСФСР от 16 октября 1924 г., которым на следователя была возложена ответственность за непосредственное руководство дознанием под надзором прокурора. Как верно отмечает А.В. Смирнов, следователь «из «маленького судьи» превратился в «маленького прокурора»⁸⁷. Такой модернизации активно способствовал А.Я. Вышинский, считавший необходимым «отказаться от «старой» точки зрения на предварительное следствие как на судебную деятельность и рассматривать ее как однопорядковую с дознанием»⁸⁸. Результатом данной политики явилось Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 03 сентября 1928 г., ЦИК и СНК СССР от 30 января 1929 г., на основании которых следственный аппарат был передан в подчинение прокуратуры. Именно это, по мнению А.В. Смирнова, повлекло «гибель в советском уголовном процессе предварительного следствия, которое фактически превратилось в прокурорское дознание, наделенное, однако, узурпированными судебными полномочиями. С точки зрения распределения процессуальных функций предварительное расследование окончательно утратило признаки самостоятельности. Это явилось шагом назад по сравнению Уставом уголовного судопроизводства и даже УПК 1922 и 1923 гг.»⁸⁹.

⁸⁵ Необходимо отметить, что такое деление существовало и в УПК РСФСР 1922 года, но кодекс не содержал указанных названий видов дознания.

⁸⁶ Смирнов А.В. Состязательный процесс... — С. 204.

⁸⁷ Там же. — С. 204.

⁸⁸ V Всероссийский съезд деятелей советской юстиции. 10–15 марта 1924 г. Тезисы. — М., 1924. — С. 193–194. (Цит. по: Смирнов А.В. Состязательный процесс... — С. 204.)

⁸⁹ Смирнов А.В. Состязательный процесс... — С. 204.

Неизбежным последствием утраты предварительным расследованием признаков состязательности явилось разрушение концепции уголовного преследования как процессуальной деятельности, отделенной от процессуальной деятельности по исследованию обстоятельств совершенного преступления. Формальным проявлением этого стало прекращение использования советским законодателем термина «уголовное преследование» в нормативно-правовых актах. Как указывает М.С. Шалумов, после 1923 года «понятие «уголовное (судебное) преследование» уже не использовалось, хотя на практике многие следователи при принятии процессуальных решений по уголовным делам и применяли такую форму, как постановление о прекращении уголовного преследования (в отношении отдельных эпизодов преступной деятельности обвиняемого либо в отношении отдельных лиц, причастных к делу)»⁹⁰. Категория «уголовное преследование» на некоторое время осталась лишь предметом научных дискуссий.

В литературе 20—30-х годов XX века стали появляться первые теоретические разработки, которые можно считать началом становления современного учения об уголовном преследовании. Прежде всего, процессуалисты задумались о научном разграничении ситуаций, когда на момент возбуждения уголовного дела известно лицо, совершившее преступление, и когда такое лицо не известно.

Так, например, В. Громов считал, что если такое лицо известно, то необходимо «уже в начале расследования привлечь указанное подозреваемое лицо в качестве обвиняемого, допросить его, а затем уже продолжать дальнейшее расследование в целях проверки выставляемых против подследственного улик и проверки его объяснений и возражений»⁹¹. По тем же делам, по которым подозреваемый не известен на момент возбуждения уголовного дела, В. Громов рекомендовал «задержаться несколько моментом привлечения, в то же время ускорив темп расследования по данному делу, хотя бы в ущерб быстроте расследования других несрочных дел, и, проверив сомнительные или косвенные улики, акт привлечения приурочить к тому времени, когда одна вероятность подозрения против данного

подозреваемого приобретает характер достоверности»⁹². При этом, по мнению автора, предъявление обвинения такому лицу должно осуществляться неотлагательно, что «является и целесообразным, и согласованным с общим духом уголовного процесса»⁹³. Особо следует отметить терминологию, которой оперировал В. Громов. Наиболее интересным в связи с этим представляется следующее утверждение автора: «Нельзя установить никаких общих правил, в какой момент и по каким делам следует признать *заподозренного* достаточно *изобличенным*, чтобы можно было предъявить ему *обвинение* и приступить к его допросу в качестве *подследственного*». Таким образом, автор употреблял в качестве синонимов понятия «подозрение», «обвинение», «изобличение», существовавшие в УУС 1864 года и перенятые советским законодателем. Новым термином явилось понятие «подследственный», которое можно рассматривать как аналог французского «лицо, привлеченное к рассмотрению»⁹⁴, однако необходимость использования такого понятия на практике оказалась сомнительной, что не привело к его включению в уголовно-процессуальное законодательство.

Подобной позиции придерживался и Л.М. Яхнич, который считал, что момент привлечения лица в качестве обвиняемого зависит от особенностей каждого дела: «по одним делам предъявление обвинения может последовать сразу же после возбуждения дела, а по другим, только к концу расследования. Если следователь, возбуждая уголовное дело, уже имеет достаточные данные для предъявления обвинения, он сразу же составляет об этом постановление и привлекает обвиняемого. Ярким примером подобного положения является задержание убийцы на месте преступления»⁹⁵.

М.С. Строгович, отмечая, что в правоприменительной практике «грань между подозреваемым и обвиняемым в значительной мере условна», одним из первых обоснованно обратил внимание на «необходимость установления определенных границ, в пределах которых допускается на следствии постановка того или иного лица в положение подозреваемого. Эти границы должны быть определены достаточно

⁹⁰ Шалумов М.С. Уголовное преследование как функция прокуратуры // М.С. Шалумов // Известия вузов. Правоведение. — 1996. — № 4. — С. 88.

⁹¹ Громов В. Предварительное расследование в советском уголовном процессе. Руководство для органов расследования и пособие для юридических курсов. Изд. 6-е, перераб. / В. Громов; Под ред. Н.В. Крыленко. — М.: ОГИЗ, 1935. — С. 72.

⁹² Там же. — С. 72.

⁹³ Там же. — С. 90.

⁹⁴ См. §1 настоящей главы.

⁹⁵ Яхнич Л.М. Краткое руководство по ведению предварительного следствия. Пособие для народных следователей и слушателей юридических школ / Под ред. М.С. Строговича. — М.: Советское законодательство, 1936. — С. 41.

четко, в противном случае получится то, что подозреваемый станет на место обвиняемого, вытеснит его. На практике это иногда и бывает»⁹⁶.

Таким образом, категория «подозрение», или «заподозренность», еще не рассматривалась как процессуальная. В связи с отсутствием в уголовном процессе самостоятельного статуса у подозреваемого в совершении преступления лица, необходимо признать, что этот статус охватывался процессуальным статусом обвиняемого, который в тот период, как представляется, носил универсальный характер и включал в себя подозрение в современном понимании. Это свидетельствует о предъявлении законодателем того времени более низких требований к обоснованности обвинения, чем в современном учении об уголовном преследовании.

В конце 30-х годов активно обсуждался вопрос о проблемах возбуждения уголовного преследования⁹⁷. Дискуссия велась по поводу необходимости выделения в уголовном судопроизводстве самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела. В этой связи возник вопрос о наименовании процессуального акта, которым начиналось производство по уголовному делу. М. Чельцов в этой связи указывал, что «действующий УПК говорит не о возбуждении уголовного преследования, а о возбуждении производства по уголовному делу или (ст. 91) о возбуждении уголовного дела. Однако оба термина не имеют юридических отличий. В нашей официальной и теоретической литературе они употребляются безразлично в одном и том же смысле»⁹⁸. По мнению М. Чельцова, большинство процессуалистов для обозначения процессуального момента начала производства по уголовному делу «охотно употребляют, как более выразительный, термин — «возбуждение уголовного преследования», в то время как сам автор придавал ему другое значение — «преследование не только индивидуально-определенного уже обвиняемого, но и неизвестного еще в момент возбуждения при наличии возможности определения его в будущем»⁹⁹.

⁹⁶ Строгович М.С. Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде / М.С. Строгович; под. ред. А.Я. Вышинского. — М.: Советское законодательство, 1934. — С. 32—33.

⁹⁷ См.: Голунский С. О возбуждении уголовного преследования / С. Голунский // Социалистическая законность. — 1936. — № 2. — С. 38 — 42; Жгутов В. К вопросу о возбуждении уголовного преследования / В. Жгутов // Социалистическая законность. — 1936. — № 9. — С. 65 — 66; Чельцов М. Возбуждение уголовного преследования и процессуальное положение следователя / М. Чельцов // Социалистическая законность. — 1937. — № 3. — С. 28 — 35.

⁹⁸ Чельцов М. Возбуждение уголовного преследования... — С. 28.

⁹⁹ Там же. — С. 28.

Данное утверждение М. Чельцова стало тем краеугольным камнем учения об уголовном преследовании, который не дает покоя исследователям рассматриваемой проблемы уже более 70 лет. Все это время неизменно существуют как сторонники того, что уголовное преследование является деятельностью, которая может осуществляться в отношении неизвестного лица, так и сторонники того, что уголовное преследование осуществляется только в отношении конкретного лица.

Понятие «возбуждение уголовного преследования» в научной литературе 30-х годов XX века преимущественно использовалось в значении возбуждения производства по уголовному делу, или возбуждения уголовного дела. Наиболее вероятной причиной этого представляется неразработанность в теории уголовного процесса того периода концепции возбуждения уголовного дела «по факту». Соответственно, под возбуждением уголовного преследования, как правило, понималось возбуждение уголовного дела «против конкретных виновников»¹⁰⁰ путем вынесения постановления¹⁰¹, в котором «ясно и четко зафиксировано наличие определенных данных о совершении кем-либо конкретного преступления»¹⁰².

Сторонником точки зрения о том, что уголовное преследование является процессуальной деятельностью, осуществляемой только в отношении конкретного лица, являлся М.С. Строгович. В одном из своих первых учебников он предложил определение уголовного преследования, которое до сих пор можно считать общепризнанным: «Уголовным преследованием называется совокупность процессуальных действий, направленных на изобличение лица, совершившего преступление»¹⁰³. Как представляется, современное законодательное определение уголовного преследования основано именно на нем.

М.С. Строгович первым предложил разграничивать понятия «возбуждение уголовного дела» и «возбуждение уголовного преследования». Под возбуждением уголовного преследования ученый понимал

¹⁰⁰ Жгутов В. Указ. статья. — С. 66.

¹⁰¹ Кстати, именно С. Голунский в 30-е годы впервые предложил, чтобы постановление о возбуждении уголовного дела выносил следователь, а прокурор давал на него санкцию. По утверждению автора, «практика показывает, что там, где прокуроры усвоили такой порядок возбуждения уголовного преследования, они достигают очень хороших результатов» (См.: Голунский С. Указ. статья. — С. 41.).

¹⁰² Голунский С. Указ. статья. — С. 40.

¹⁰³ Строгович М.С. Уголовный процесс... 1940. — С. 86.

привлечение лица в качестве обвиняемого¹⁰⁴, основанием для чего являлось «наличие достаточных данных, указывающих на определенное лицо как на совершителя преступления»¹⁰⁵.

Обвинение, как считал М.С. Строгович, — это «деятельность органа или лица, осуществляющего уголовное преследование, направленная на то, чтобы обеспечить успешность уголовного преследования», при этом понятие обвинения он разграничивал на обвинение в материальном и формальном смыслах. Под обвинением в материальном смысле понималась «совокупность процессуальных действий, направленных на изобличение лица, совершившего преступление, т.е. то же самое, что и уголовное преследование», а обвинение в формальном смысле — это «деятельность специально уполномоченного законом органа или лица (обвинителя), выступающего перед судом и изобличающего на суде лицо, привлеченное к уголовной ответственности. Следовательно, обвинение в формальном смысле есть способ или форма уголовного преследования»¹⁰⁶.

В развитие своих взглядов на категорию «подозрение» М.С. Строгович указывал, что «следует признать совершенно неприемлемой иногда имеющую место практику вызова и допроса органами расследования граждан в качестве подозреваемых только на том основании, что в материале, поступившем в орган расследования, данное лицо подозревается в том или ином преступлении... Иными словами, подозреваемый превращается в какой-то суррогат обвиняемого, в обвиняемого «второго сорта», что не имеет никаких оснований с точки зрения процессуальной теории и практики»¹⁰⁷. В обоснование своей позиции М.С. Строгович ссылался на приказ Прокурора СССР № 41/26 от 02 июня 1937 г., в котором отмечалось: «При допросе граждан, подозреваемых в совершении преступления, не допускать наименования их «подозреваемыми» и вообще устранить из следственной практики фигурирование на следствии того или иного лица в положении «подозреваемого»¹⁰⁸. Необходимо отметить, что не запрещался сам допрос, носящий по сути характер фактического

¹⁰⁴ Следует напомнить, что на тот момент в процессе еще не существовало процессуальной фигуры подозреваемого, поэтому нельзя упрекнуть М.С. Строговича в том, что он исключил подозреваемого из сферы уголовного преследования.

¹⁰⁵ *Строгович М.С. Уголовный процесс...* 1940. — С. 88.

¹⁰⁶ Там же. — С. 91.

¹⁰⁷ Там же. — С. 181-182.

¹⁰⁸ Там же. — С. 182.

уголовного преследования лица, не обладающего процессуальным статусом обвиняемого¹⁰⁹.

В 1951 году в свет вышел фундаментальный труд М.С. Строговича «Уголовное преследование в советском уголовном процессе», в котором автор предложил рассматривать уголовное преследование как *процессуальную функцию*, заключающуюся в деятельности следователя (или органа дознания) и прокурора в отношении определенного лица, привлеченного к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, направленной на то, чтобы «изобличить это лицо в совершении преступления, доказать его виновность, обеспечить применение к нему заслуженного наказания»¹¹⁰. Таким образом, в своем авторском учении об уголовном преследовании М.С. Строгович развил определение, данное им в 1940 году. Наибольший интерес в аспекте исследуемой проблемы в указанном определении представляет разграничение автором терминов «изобличить лицо» и «доказать его виновность». Употреблением данных категорий последовательно, как представляется, автор стремился подчеркнуть, что «изобличение» лица в совершении преступления не всегда подтверждается имеющимися в деле доказательствами, в то время как целью уголовного преследования является не только и не столько его изобличение, то есть установление фактической виновности лица, сколько официальное ее доказывание¹¹¹.

Критикуя позицию М. Чельцова относительно возможности уголовного преследования в отношении неизвестного лица, М.С. Строгович указывал, что если исходить из предложенного понимания уголовного преследования, то «само понятие уголовного преследования делается совершенно неопределенным и по сути дела излишним — оно сливается с расследованием дела, и поэтому проще говорить не об уголовном преследовании, а о расследовании дела»¹¹². Следует признать, что данный аргумент М.С. Строговича более чем убедительно обосновывает самостоятельное и самодостаточное значение категории «уголовное

¹⁰⁹ М.С. Строгович предлагал таких лиц именовать «обвиняемый, в отношении которого возбуждено уголовное преследование, но которому, в изъятие из общего правила, еще не предъявлено обвинение» (См.: *Строгович М.С. Уголовный процесс...* 1940. — С. 183.); В. Житков предлагал название такому положению лица «уголовно-преследуемый свидетель» (См.: *Житков В.О. подозреваемых и обвиняемых и об «уголовно-преследуемом» свидетеле / В. Житков // Советская юстиция. — 1937. — № 9. — С. 16 — 17.*)

¹¹⁰ *Строгович М.С. Уголовное преследование...* — С. 65.

¹¹¹ К сожалению, необходимо отметить, что современный законодатель при формулировании определения уголовного преследования данный нюанс упустил.

¹¹² *Строгович М.С. Уголовное преследование...* — С. 61.

преследование» по отношению к иным, конкурирующим, категориям уголовно-процессуального права.

Развивая критику научных взглядов М. Чельцова о возможности осуществлении уголовного преследования в отношении анонимных лиц, М.С. Строгович справедливо указывал, что при возбуждении уголовного дела «по факту» и установлении совершившего преступление «в положении лиц, в отношении которых ведется уголовное преследование, окажутся все лица, на которых почему-либо пало подозрение, о которых дал показание тот или иной свидетель, хотя данные следствия являются еще совершенно недостаточными для привлечения этих лиц к уголовной ответственности в качестве обвиняемых. Совершенно ясно, что такой порядок абсолютно недопустим в советском уголовном процессе»¹¹³.

Со своей стороны, М.С. Строгович предложил рассматривать деятельность, предшествующую привлечению лица в качестве обвиняемого, как *подготовку уголовного преследования*, целью которой является установление, розыск и обоснование причастности к совершению преступлению конкретного индивидуально-определенного лица. На данном этапе расследования, как указывал автор, не могут осуществляться ни функция уголовного преследования, ни функция защиты¹¹⁴.

Значение функции уголовного преследования, по мнению М.С. Строговича, может быть определено исключительно во взаимосвязи с функциями защиты и судебного разрешения дела: «Уголовное дело без защиты придавало бы уголовному процессу односторонний обвинительный характер, совершенно несовместимый с природой и задачами советского уголовного процесса. О защите без уголовного преследования вообще нельзя говорить, так как такая защита фактически и логически невозможна (некого и не от чего защищать). Судебное же разрешение дает положительные результаты, приводит к осуждению и наказанию лиц, действительно совершивших преступление, лишь тогда, когда уголовное преследование и защита правильно выполнили и исчерпали свои задачи по данному делу»¹¹⁵. На практике, по указанию М.С. Строговича, категория «уголовное преследование» использовалась при прекращении производства по уголовному делу в отношении конкретного лица, «если не подтвердилось обвинение одних обвиняемых, но подтвердилось об-

¹¹³ Там же. — С. 64.

¹¹⁴ Там же. — С. 66.

¹¹⁵ *Строгович М.С.* Уголовное преследование... — С. 58.

винение других»; автор отмечал, что «такая формулировка юридически означает прекращение по этому делу именно уголовного преследования в отношении отдельных обвиняемых»¹¹⁶.

М.А. Чельцов, в свою очередь, продолжал придерживаться собственной точки зрения на значение категории «уголовное преследование» в уголовном судопроизводстве. Так, в своей более поздней работе, разграничивая понятия «обвинение» и «уголовное преследование», он предложил определение уголовного преследования в предельно широком значении: «Понятие уголовного преследования, таким образом, шире понятия уголовного обвинения. В него входят действия, представляющие собою акты *физического* преследования (поймка при переходе границы, задержание лица, заподозренного в совершении преступления)»¹¹⁷. Представляется, что уместна аналогия данного определения с определением «преследования», которое давалось еще исследователями розыскного типа судопроизводства (Я.И. Баршевым, В.А. Линовским)¹¹⁸.

Необходимо отметить, что большинство советских процессуалистов в вопросе понимания уголовного преследования поддержали позицию М.С. Строговича¹¹⁹. Так, например, Р.Д. Рахунов отмечал, что «взгляд проф. М.А. Чельцова представляет собой... неправильное процессуальное толкование понятия уголовное преследование. Преследовать можно кого-нибудь. Чтобы возбудить уголовное преследование, следователю должно уже быть известно лицо, которое он подозревает в совершении преступления. Если же такое лицо следователю не известно, то, стало быть, нет того «субъекта, против которого можно возбудить преследование»»¹²⁰.

¹¹⁶ Там же. — С. 128.

¹¹⁷ *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс / М.А. Чельцов. — Изд. 2-е, перераб. — М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1951. — С. 89.

¹¹⁸ См. §1 настоящей главы.

¹¹⁹ См.: *Рахунов Р.Д.* Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / Р.Д. Рахунов. — М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1954. — С. 21–25; *Кукаров А.С.* Об уголовном преследовании / А.С. Кукаров // Советское гос-во и право. — 1958. — № 11. — С. 106–107; *Панга М.С.* Возбуждение уголовного дела и возбуждение уголовного преследования / М.С. Панга // Вопросы уголовного права и процесса. Сборник статей. — Минск: Изд-во Беларус. гос. ун-та, 1960. — С. 129–145.

Среди сторонников позиции М.А. Чельцова можно назвать только Д.С. Карева (См.: *Карев Д.С.* Вопросы уголовного процесса в связи с проектом УПК СССР / Д.С. Карев // Социалистическая законность. — 1954. — № 2. — С. 28–29.).

¹²⁰ *Рахунов Р.Д.* Возбуждение уголовного дела... — С. 25.

А.С. Кукаров предложил в проекте Основ уголовного судопроизводства СССР ст. 4 назвать «Возбуждение уголовного дела и уголовного преследования» и изложить ее в следующей редакции: «Началом уголовного судопроизводства является постановление прокурора, следователя, органа дознания или определение суда о возбуждении уголовного дела. Прокурор, следователь и органы дознания обязаны возбудить уголовное дело по каждому совершенному преступлению, кроме случаев, специально указанных в законе, когда уголовное дело возбуждается по жалобе потерпевшего. Началом возбуждения уголовного преследования является постановление прокурора, следователя, органа дознания о привлечении лица к уголовной ответственности. Содержание уголовного преследования заключается в деятельности органов суда, прокуратуры, следствия и дознания по изобличению обвиняемого в совершении преступления, установлении его виновности и обеспечении применения к нему мер в соответствии с законом наказания»¹²¹.

М.С. Панга указал на то, что судебно-следственная практика стоит на позиции разграничения понятий «возбуждение уголовного дела» и «возбуждение уголовного преследования», которое, по его мнению, «идентично понятию «привлечение лица в качестве обвиняемого». В подтверждение своих выводов М.С. Панга сослался на практику Верховного Суда СССР за 1946–1954 годы. Более того, по утверждению автора, вынесение на стадии возбуждения уголовного дела «постановлений о возбуждении уголовного преследования в отношении конкретных лиц приводит к многим ошибкам и различным процессуальным осложнениям»¹²².

Таким образом, позиция, выдвинутая М.С. Строговичем, стала доминирующей в теории уголовно-процессуального права. Как указывалось, ее сторонниками были предложены изменения и дополнения в проекты нового общесоюзного уголовно-процессуального закона, потребность в котором была очевидна. Такой закон был принят 25 декабря 1958 г. в виде Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик¹²³, на основе которых 27 октября 1960 г. был принят третий по счету УПК – УПК РСФСР 1960 года¹²⁴.

В УПК РСФСР 1960 года законодатель отказался от использования категории «уголовное преследование», чем, очевидно, попытался внес-

¹²¹ Кукаров А.С. Указ, статья. — С. 107.

¹²² Панга М.С. Указ, статья. — С. 131–132.

¹²³ Ведомости Верховного Совета СССР. — 1959. — № 1. — Ст. 15.

¹²⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. — 1960. — № 40. — Ст. 592.

ти ясность в вопрос об обозначении процессуального акта, которым начиналось производство по уголовному делу. А.Р. Михайленко, оценивая новый подход законодателя, справедливо пришел к следующему заключению: «Вряд ли можно говорить о возбуждении уголовного преследования в смысле возбуждения уголовного дела, поскольку термин «уголовное преследование» исключен из уголовно-процессуального закона»¹²⁵; кроме того, автор этим не ограничился и упомянул также «об этической окраске слова «преследование», не соответствующей духу советского уголовного процесса»¹²⁶.

Единственным «наследием» дореволюционного уголовного процесса в УПК РСФСР 1960 года в части регламентации уголовного преследования остался термин «изобличение», который использовался законодателем для формулирования задач советского уголовного судопроизводства: «Задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден» (ст. 2). Кроме того, данный термин использовался еще в одной статье Кодекса — в ст. 213, которая закрепляла перечень вопросов, подлежащих разрешению прокурором по поступившему делу с обвинительным заключением. В частности, согласно п. «б» ст. 213 прокурору необходимо было установить, «привлечены ли в качестве обвиняемых все лица, которые изобличены в совершении преступления». Не вызывает сомнения, что законодатель пересмотрел подход к пониманию термина «изобличение», по сравнению с УПК РСФСР 1922 года, вместе с тем, думается, он не учел терминологического различия между понятиями «изобличение лица» и «доказанность его вины», на которое обращал внимание М.С. Строгович. Таким образом, в УПК РСФСР 1960 года понятие «изобличение», очевидно, наделялось обоими указанными значениями и в целом понималось как фактическое установление и формальное доказывание вины лица в совершении преступления.

В научной среде после введения в действие УПК РСФСР 1960 года «дискуссии в основном свелись к обсуждению вопроса о том, отожд-

¹²⁵ Михайленко А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / А.Р. Михайленко. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1975. — С. 139.

¹²⁶ Михайленко А.Р. О правовой природе начала уголовного процесса / А.Р. Михайленко // Вопросы уголовного процесса. Межвузовский научный сборник. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. — Вып. 2. — С. 41–46.

дествлять либо размежевать понятия «уголовное преследование» и «обвинение»¹²⁷. Чаще всего данные категории анализировались в аспекте уголовно-процессуальных функций.

П.С. Элькинд выделяла функцию обвинения, которую связывала «только со стадией судебного разбирательства и только с деятельностью обвинителя», в то время как в досудебном производстве осуществляется функция расследования. Что касается «уголовного преследования», П.С. Элькинд, сопоставив точки зрения М.С. Строговича и М.А. Чельцова, пришла к выводу, что «если М.А. Чельцов так безгранично расширяет понятие уголовного преследования, то М.С. Строгович отождествляет его с понятием обвинения»; по ее мнению, «это понятие выражает не столько роль, специальное назначение того или иного участника уголовного судопроизводства, сколько общее направление уголовно-процессуальной деятельности»¹²⁸. Как результат, по ее мнению, «при указанном понимании уголовного преследования оно превращается в нечто неопределенное», а потому становится бесполезным¹²⁹.

Представляет интерес подход к определению функций уголовного судопроизводства В.С. Зеленецкого, который, в зависимости от объема уголовно-процессуальной деятельности, образующей содержание конкретной функции, а также направленности данной деятельности, выделял общие (общесистемные) и частные (отдельных стадий) функции. Применительно к категориям «уголовное преследование» и «обвинение» автор писал, что «уголовное преследование — функция советского уголовного процесса. Она отражает (и в то же время характеризует) наибольший объем названной деятельности», при этом «на деятельности, образующие содержание функции уголовного преследования, не может не отражаться специфика той или иной стадии, где эта деятельность осуществляется... В стадии предварительного расследования названная функция реализуется сначала в деятельности следователя по изобличению лица, совершившего преступление, затем приобретает форму следственного обвинения, а в стадии возбуждения государственного обвинения — форму государственного обвинения»¹³⁰. Таким образом,

¹²⁷ Королев Г.Н. Прокурорское уголовное преследование... — С. 105.

¹²⁸ Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П.С. Элькинд. — Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1963. — С. 61–68.

¹²⁹ Там же. — С. 67–68.

¹³⁰ Зеленецкий В.С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе / В.С. Зеленецкий. — Харьков: Виша школа, 1979. — С. 144 с.

обвинение, по мнению В.С. Зеленецкого, является частной функцией в структуре общесистемной функции уголовного преследования, реализуемой и в досудебном (следственное обвинение), и в судебном производстве (государственное обвинение).

Немалый вклад в развитие учения об уголовном преследовании внес А.М. Ларин, который считал, что «вопрос об уголовном преследовании — одна из наиболее актуальных, сложных и недостаточно выясненных сторон проблемы уголовно-процессуальных функций»¹³¹. А.М. Ларин рассматривал функцию уголовного преследования, с одной стороны, как противоположную функции защиты, а с другой, — как взаимообусловленную функцией защиты. В связи с этим он указывал, что «защита представляет родовое понятие. И это дает логическое основание для конструирования понятия того же уровня, объединяющего отдельные виды деятельности, которые обуславливают потребность и необходимость защиты. Таким соразмерным с защитой родовым понятием и является уголовное преследование»¹³². К «другим видам деятельности» А.М. Ларин, прежде всего, относил подозрение лица в совершении преступления; он считал, что процессуальные акты, на основании которых лицо признается подозреваемым, — «постановление о применении меры пресечения или протокол задержания по своему назначению аналогичны постановлению о привлечении в качестве обвиняемого: они служат актами возбуждения уголовного преследования и обуславливают возникновение права на защиту»¹³³. Законодатель воспринял данную идею А.М. Ларина только спустя 6 лет, в результате чего 23 мая 1992 г. Законом РФ № 2825 в ст. 52 УПК РСФСР были внесены дополнения, предусматривающие право подозреваемого на защиту¹³⁴.

Период разработки УПК РФ, который начался 24 октября 1991 г. с утверждения Верховным Советом РСФСР Концепции судебной реформы¹³⁵, характеризуется возрождением интереса к категории «уголовное преследование» как законодателя, так и ученых-процессуалистов.

¹³¹ Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А.М. Ларин. — М.: Юрид. лит., 1986. — С. 24.

¹³² Ларин А.М. Процессуальные гарантии и функция уголовного преследования / А.М. Ларин // Советское государство и право. — 1975. — № 7. — С. 96–97.

¹³³ Ларин А.М. Расследование по уголовному делу... — С. 39.

¹³⁴ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Закон РФ от 23 мая 1992 г. № 2825 // Российская газета. — 1992. — 17 июня.

¹³⁵ Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1991. — № 44. — Ст. 1435.

Так, в самой Концепции судебной реформы «уголовное преследование» рассматривалось как функция и употреблялось в 2-х значениях: функция прокуратуры и функция уголовного судопроизводства. «Концептуально важно, с одной стороны, признать *уголовное преследование* доминирующей функцией прокуратуры» (ч. 6 разд. 4) и «одновременно суд должен быть освобожден от любых рудиментов функции *уголовного преследования*» (ч. 3 разд. 4).

17 января 1992 г. был принят новый Закон «О прокуратуре РФ»¹³⁶, в котором одним из основных направлений деятельности прокуратуры было названо осуществление уголовного преследования, при этом в ст. 27 Закона было предусмотрено, что, «осуществляя уголовное преследование, прокуратура проводит расследование по делам о преступлениях, отнесенных уголовно-процессуальным законом к ее компетенции». Указанная норма дала новый толчок к рассмотрению в науке уголовно-процессуального права уголовного преследования в значении «производство по уголовному делу».

По данному поводу учеными-процессуалистами были высказаны различные мнения.

Так, В. Савицкий рассматривал уголовное преследование как «стержневую функцию прокуратуры», включающую и надзор за расследованием преступлений, и опротестование незаконных судебных решений¹³⁷. З.Д. Еникеев считал уголовное преследование «главным назначением прокуратуры»; по его мнению, уголовное преследование «начинается с этапа возбуждения уголовного дела, продолжается в течение всего производства по делу до окончательного его разрешения»¹³⁸. В свою очередь, М.С. Шалумов указывал, что уголовное преследование является дополнительной функцией прокуратуры, включающей «и возбуждение процесса расследования, и само расследование обстоятельств преступления, и поимку преступника, и доказывание его виновности в судебном заседании»¹³⁹. Не меньший интерес представляет мнение З.З. Зинатуллина, который отмечал, что «уголовное

¹³⁶ О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Российская газета. — 1992. — 18 февраля. — № 39.

¹³⁷ Савицкий В. Стержневая функция прокуратуры — осуществление уголовного преследования / В. Савицкий // Российская юстиция. — 1994. — № 10. — С. 24–28.

¹³⁸ Еникеев З.Д. Актуальные вопросы уголовного преследования в свете судебно-правовой реформы / З.Д. Еникеев // Известия вузов. Правоведение. — 1995. — №№ 4–5. — С. 84–85.

¹³⁹ Шалумов М.С. Уголовное преследование как функция прокуратуры // М.С. Шалумов // Известия вузов. Правоведение. — 1996. — № 4. — С. 88.

преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела и имеет место на всем протяжении производства по уголовному делу, во всех стадиях уголовного процесса, т.е. до тех пор, пока есть основания считать определенное лицо виновным в совершении преступления и заслуживающим применения к нему подлежащей отбытию той или иной меры уголовного наказания»¹⁴⁰. А.В. Голошапов справедливо обращал внимание на то, что понятия «уголовное преследование» и «уголовная ответственность» необоснованно смешиваются: «В таком случае можно подумать, что уголовная ответственность — это понятие материально-правовое, относящееся к сфере уголовного права, в то время как уголовное преследование — это понятие уголовно-процессуальное, отражающее наименование одной из основных уголовно-процессуальных функций»¹⁴¹.

В научных трудах некоторых ученых того периода категория «уголовное преследование» рассматривалась и в значении «процессуальная деятельность в отношении конкретного лица». Например, А.Б. Соловьев полагал, что «функция уголовного преследования реализуется при возбуждении уголовного дела против конкретного лица, его задержании, применении меры пресечения до и после предъявления обвинения, привлечении к уголовной ответственности, а также при производстве в соответствии с судебным решением следственных действий, ограничивающих конституционные права подозреваемых и обвиняемых»¹⁴². По мнению Ф. Багаутдинова, «возбуждение дела является лишь началом расследования, которое при наличии соответствующих обстоятельств может завершиться и без уголовного преследования»¹⁴³.

Незадолго до принятия УПК РФ в свет вышло второе (после М.С. Строговича) монографическое издание, посвященное уголовному преследованию, — книга З.Д. Еникеева «Уголовное преследование». В своем исследовании автор предложил рассматривать уголовное преследование как правовой институт: «Как институт оно складывается из норм, имеющих отношение к данной деятельности, начиная с

¹⁴⁰ Зинатуллин З.З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Учеб. пособие / З.З. Зинатуллин, Т.З. Зинатуллин. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Ижевск: Детектив-информ, 1997. — С. 7–8.

¹⁴¹ Голошапов А.В. К вопросу о понятии и сущности функции уголовного преследования / А.В. Голошапов // Юридическая наука Сибири. — Кемерово, 1997. — С. 182.

¹⁴² Соловьев А.Б. Указ. статья. — С. 141.

¹⁴³ Багаутдинов Ф. Уголовное преследование и правозащитная функция суда / Ф. Багаутдинов, А. Васин // Российская юстиция. — 2000. — № 8. — С. 28.

возбуждения уголовного дела и кончая последней стадией уголовного процесса, а при определенных условиях даже мерами постпенитенциарного воздействия». При этом, по мнению З.Д. Еникеева в данный институт входят «нормы различных отраслей права: международного, конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, гражданского, прокурорско-надзорного, трудового, семейного и т.д. Отсюда названный институт носит межотраслевой, многоплановый, комплексный характер»¹⁴⁴. Не вступая пока в дискуссию с уважаемым автором относительно содержания института уголовного преследования¹⁴⁵, необходимо отметить заслугу З.Д. Еникеева, который первым из российских процессуалистов осознал системную роль категории «уголовное преследование».

В 1996 году термин «уголовное преследование» был использован законодателем в Уголовном кодексе РФ. Так, ст. 201 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за злоупотребление полномочиями лицом, выполняющим управляющие функции в коммерческой или иной организации. В примечании к данной статье содержится указание на то, что в случае причинения вреда исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, «уголовное преследование осуществляется по заявлению этой организации или с ее согласия». Высказывая свое мнение относительно использования термина «уголовное преследование» в Уголовном кодексе РФ, В.П. Божьев справедливо отметил: «Такой феномен, как «уголовное преследование», действующему УПК РСФСР не известен. По своему содержанию он (термин) носит уголовно-процессуальный характер и до получения им «права гражданства» в уголовно-процессуальном законодательстве внедрять его в другие отрасли законодательства представляется преждевременным»¹⁴⁶.

Термин «уголовное преследование» использовался и в решениях Конституционного Суда РФ — как в значении «процессуальная деятельность в отношении конкретного лица», так и в значении «функция уголовного судопроизводства». Так, Постановлением Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. было предусмотрено, что

¹⁴⁴ Еникеев З.Д. Уголовное преследование. Учебное пособие / З. Д. Еникеев. — Уфа: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 2000. — С. 8–9.

¹⁴⁵ Отдельные положения работы З.Д. Еникеева будут рассмотрены в дальнейших частях настоящего исследования.

¹⁴⁶ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: С постановочными материалами / Под общ. ред. В.М. Лебедева. — М.: СПАРК, 2000. — С. 75.

«решение о возбуждении уголовного дела может указывать на лицо, в отношении которого начинается уголовное преследование, тем самым фактически ставит его в положение подозреваемого»¹⁴⁷. В Постановлении от 14 января 2000 г. №1-П Конституционный Суд РФ указал: «Актом возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием» (абз. 2 п. 4); при этом Конституционный Суд рассматривал «возбуждение уголовного дела как проявление функции уголовного преследования» (абз. 3 п. 6)¹⁴⁸. Кроме того, Конституционный Суд использовал также и понятие «возбуждение уголовного преследования»: «Принцип состязательности в уголовном судопроизводстве предполагает, что полномочиями возбуждать уголовное преследование и формулировать обвинение наделяются только определенные органы и лица, которые, реализуя данные полномочия, преследуют цель защиты либо публичного, либо своего личного интереса, нарушенного преступлением»¹⁴⁹.

Наконец, категория «уголовное преследование» активно использовалась в проектах УПК РФ. Так, проект, подготовленный Государственно-правовым управлением Президента РФ (далее сокращенно — Проект УПК ГПУ), предусматривал определение уголовного преследования, которое, судя по юридической конструкции, легло в основу определения в действующем УПК РФ. В главе 5 «Основания осуществления уголовного судопроизводства» разграничивались основания возбуждения производства по уголовному делу (ст. 49) и основания осуществления уголовного преследования (ст. 53). В частности, ч. 1 ст. 53 закрепляла, что «прокурор, следователь и дознаватель в пределах своей компетенции привлекают в качестве обвиняемого и предъ-

¹⁴⁷ По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно — процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и Общества с ограниченной ответственностью «Монокор»: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 14. — Ст. 1749.

¹⁴⁸ По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобами гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января № 1-П // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 5. — Ст. 611.

¹⁴⁹ По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно — процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края: Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 50. — Ст. 5679.

являют обвинение всякому лицу, которое изобличается **собранными** по уголовному делу материалами в совершении деяния, **запрещенного** уголовным законом»¹⁵⁰.

В другом проекте, разработанном Министерством юстиции РФ (далее сокращенно — Проект УПК Минюста)¹⁵¹, определение уголовного преследования предусмотрено не было. Вместе с тем, глава 3 этого Проекта называлась «Виды уголовного преследования и обвинения», в ней содержались нормы, впоследствии включенные в главу 3 действующего УПК РФ. В этой же главе закреплялись обстоятельства, **исключающие** производство по уголовному делу (ст. 26) и основания **прекращения** уголовного дела с освобождением от уголовной ответственности (ст. 27), некоторые из которых в действующем УПК РФ рассматриваются как основания прекращения уголовного преследования.

Таким образом, учитывая, что Проект Минюста не содержал определения уголовного преследования, а также не использовал данный термин при регулировании прекращения производства в отношении конкретного лица, необходимо заключить, что нормативное закрепление института уголовного преследования в действующем УПК РФ есть результат законодательной компиляции положений обоих проектов УПК, один из которых рассматривал уголовное преследование как процессуальную деятельность в отношении конкретного лица, а другой — как производство по уголовному делу. Именно такое исследовательское регламентирование отдельных частей будущего УПК РФ, как представляется, стало причиной для существующих в настоящее время дискуссий о правовой природе и понятии уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве.

Выводы:

1. Первые шаги советской власти по реформированию уголовного судопроизводства привели не только к ликвидации законодательной

¹⁵⁰ Российская юстиция. — 1994. — № 9. — С. 20–22.

¹⁵¹ При подготовке данного проекта УПК были использованы проекты, разработанные в Институте государства и права РАН и НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ (См.: Новый законопроект // Российская юстиция. — 1994. — № 11. — С. 35). Впоследствии данный Проект был использован как материал для деятельности созданной при Комитете по законодательству и судебной-правовой реформе Государственной Думы РФ рабочей группы по подготовке проекта нового УПК (См.: *Пашин С.А.* Предисловие // Проект Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: научно-практический анализ. Сб. ст. / Под ред. С.А. Пашина. — 2-е изд., доп. — М.: Р. Валент, 2000. — С. 4.).

- основы уголовного преследования (в том смысле, в каком оно понималось в УУС 1864 г.), но и к ликвидации самих органов, его осуществлявших. В новых советских уголовно-процессуальных законах — в УПК РСФСР 1922 года и УПК РСФСР 1923 года, перенявших многие категории и процессуальные институты дореволюционной системы уголовного судопроизводства, понятие «уголовное преследование» было сохранено, однако оно имело двойное значение: 1) производство по уголовному делу; 2) процессуальная деятельность прокуратуры.
2. В УПК РСФСР 1960 года законодатель отказался от использования понятия «уголовное преследование». Единственным «наследием» дореволюционного уголовного процесса в УПК РСФСР 1960 года в части регламентации уголовного преследования остался термин «изобличение», под которым понималось фактическое установление и формальное доказывание вины лица в совершении преступления.
 3. Период разработки УПК РФ, который начался 24 октября 1994 г. с утверждения Верховным Советом РСФСР Концепции судебной реформы, характеризуется возрождением интереса к исследуемой категории. Законодатель использовал данное понятие в принятом в 1992 году Законе «О прокуратуре», употребил его в Уголовном кодексе РФ 1996 г. Кроме того, понятие «уголовное преследование» активно использовалось в решениях Конституционного Суда РФ. В научной литературе предложено рассматривать уголовное преследование в качестве нового межотраслевого института права.
 4. Нормативное закрепление института уголовного преследования в действующем УПК РФ есть результат законодательной компиляции положений основных проектов УПК (Проекта УПК ГПУ и Проекта УПК Минюста), один из которых рассматривал уголовное преследование как процессуальную деятельность в отношении конкретного лица, а другой — как производство по уголовному делу. Именно такое непоследовательное регламентирование отдельных частей будущего УПК РФ, как представляется, стало причиной для существующих в настоящее время дискуссий о правовой природе и понятии уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве.

Глава II

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

§ 1. Правовая природа уголовного преследования

Включение в УПК РФ категории «уголовное преследование» создало предпосылки для оформления в российском уголовно-процессуальном праве нового правового института, регламентирующего порядок изблительной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в отношении подозреваемого, обвиняемого, что предоставило процессуалистам повод начать активно использовать понятие «институт уголовного преследования»¹⁵². Однако еще Л.И. Дембо указывал на то, что в литературе «принято злоупотреблять этим термином, применять его очень широко, к любому правовому явлению, не вкладывая в этот термин по существу какого-либо конкретного содержания»¹⁵³.

В новейших учебниках по уголовно-процессуальному праву все чаще выделяется самостоятельная глава под названием «Уголовное преследование»¹⁵⁴ (очевидно, по аналогии с названием главы 3 УПК РФ).

¹⁵² Еникеев З.Д. Уголовное преследование... — С. 5; Королев Г.Н. Прокурорское уголовное преследование... — С. 6; Мартынич Е.Г. УПК Российской Федерации: достижения и нереализованные возможности / Е.Г. Мартынич // Российский судья. — 2002. — № 4. — С. 3–6; Петрова Н. Наделять потерпевшего правом уголовного преследования / Н. Петрова // Российская юстиция. — 2002. — № 12. — С. 55; Ворончихин М.А. Субъекты уголовного преследования (понятие, виды, правовая культура): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.А. Ворончихин. — Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2002. — С. 6; Картохина О.А. Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.А. Картохина. — СПб.: Санкт-Петербург. ун-т МВД, 2003. — С. 3–4; Деришев Ю.В. Досудебное уголовное преследование по УПК РФ / Ю.В. Деришев // Государство и право. — 2004. — № 12. — С. 45; Шишкина Е.В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве / Е.В. Шишкина, С.Г. Бандурин, Н.А. Громов // Право и политика. — 2004. — № 12. — С. 89.

¹⁵³ Дембо Л.И. О принципах построения системы права / Л.И. Дембо // Советское государство и право. — 1956. — № 8. — С. 93.

¹⁵⁴ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. И.Л. Петрухин. — М.: ТК Велби, 2006. — С. 94; Уголовный процесс: Учеб. для студ. юрид. вузов и фак. / Под общ. ред. В.М. Лебедева. — М.: Дашков и К°, 2004. — С. 93; Уголовно-процессуальное

Несмотря на это, в большинстве из этих учебников уголовное преследование не рассматривается системно, а именно как деятельность, которая должна иметь определенное содержание, взаимосвязь с иными процессуальными институтами и категориями. Таким образом, на уровне учебной литературы уголовное преследование пока не является общепризнанным институтом уголовного процесса.

Правовой институт в теории государства и права рассматривается как элемент системы права. «Система права — это его внутренняя структура, состоящая из взаимосогласованных норм, субинститутов, институтов, подотраслей и отраслей права»¹⁵⁵. Юридическими критериями обособления той или иной совокупности норм в конкретный правовой институт служат следующие признаки:

- юридическое единство правовых норм. Как целостное образование юридический институт характеризуется единством содержания, которое выражается в общих положениях, правовых принципах или совокупности используемых правовых понятий, единстве правового режима регулируемых отношений либо иным способом;
- полнота регулирования определенной совокупности общественных отношений. Правовой институт включает в себя различные виды правовых норм. Это могут быть дефинитивные, управомочивающие, обязывающие, запрещающие и иные нормы права, которые в комплексе содержат все аспекты правового регулирования соответствующей группы общественных отношений. Вследствие этого правовой институт является уникальным, выполняющим только ему присущие функции и не дублируется другими структурными компонентами системы права;
- обособление норм, образующих правовой институт, в главах, разделах, частях и иных структурных единицах законов¹⁵⁶.

На основе указанных критериев в теории государства и права предлагаются следующие определения института права: «Институт права —

право / Отв. ред. В.И. Радченко. — М.: Юристъ, 2005. — С. 57–63; Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. Г.П. Химичевой, О.В. Химичевой. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. — С. 70; Уголовный процесс: Учебник для вузов / Отв. ред. А.В. Гриненко. — М.: Норма, 2004. — С. 53; Уголовный процесс: Учеб. для юрид. высш. учеб. завед. / Под общ. ред. В.И. Радченко. — М.: Юстицинформ, 2003. — С. 75.

¹⁵⁵ Малько А.В. Теория государства и права: Учебник / А.В. Малько. — М.: Юристъ, 2000. — С. 193.

¹⁵⁶ Сырых В.М. Теория государства и права: Учебник / В.М. Сырых. — 2-е изд., стер. — М.: Юстицинформ, 2002. — С. 227–228.

это упорядоченная совокупность юридических норм, регулирующих определенный вид (группу) общественных отношений»¹⁵⁷, или «совокупность однопорядковых норм, регулирующих определенный вид общественных отношений»¹⁵⁸. Кроме того, отмечается, что «каждым институтом права в зависимости от вида и особенностей опосредуемых им отношений охватываются не все, а лишь отдельные, качественно определенные, относительно самостоятельные и автономные совокупности правовых норм»¹⁵⁹; «правовые институты призваны регулировать отдельные участки, фрагменты, стороны общественной жизни»¹⁶⁰.

Очевидно, что существующая тенденция выделения принципов института уголовного преследования связана, прежде всего, с появлением в новом уголовно-процессуальном законе самостоятельной главы, имеющей название «Уголовное преследование». Вместе с тем, содержание данной главы не может свидетельствовать о полноте регулирования процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

В настоящее время институт уголовного преследования на теоретическом уровне только формируется. Отдельным отраслям права, а также системе права в целом свойственен «процесс постепенного накопления нормативного материала и распределения его по структурным блокам — институтам»¹⁶¹. Думается, что аналогичный процесс в уголовно-процессуальном праве, начавшийся с Судебной реформы 1864 года и протекавший на протяжении всего советского периода, именно в настоящее время ведет к образованию нового уголовно-процессуального института — института уголовного преследования, представляющего собой совокупность относительно самостоятельных правовых норм, регулирующих процессуальные отношения между субъектами стороны обвинения и подозреваемым, обвиняемым.

В нормах УПК РФ понятие «уголовное преследование» используется в трех значениях:

¹⁵⁷ Малько А.В. Указ. соч. — С. 198.

¹⁵⁸ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства / В.С. Нерсесянц. — М.: НОРМА — ИНФРА-М, 1999. — С. 430.

¹⁵⁹ Марченко М.Н. Теория государства и права: Учебник / М.Н. Марченко. — 2-е изд., перераб и доп. — М.: ТК Велби, Проспект, 2004. — С. 562.

¹⁶⁰ Матузов Н.И. Теория государства и права: Учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. — М.: Юристъ, 2004. — С. 312.

¹⁶¹ Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Червильова. — М.: НОРМА — ИНФРА-М, 1999. — С. 321.

- 1) как процессуальная деятельность в отношении конкретного лица, состоящая из следственных и иных процессуальных действий, направленных на собирание доказательств причастности лица к совершению преступления и его виновности в совершении данного преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ);
- 2) как наименование функции уголовного судопроизводства, о чем свидетельствует лингвистическое толкование п. 45 ст. 5 УПК РФ, согласно которому «стороны — участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения». В указанной норме заключенное в скобки понятие «уголовное преследование» находится в том же падеже, что и слово «обвинение» (родительный падеж), а потому согласуется только со словом «функция», на основании чего можно заключить, что очевидно использование указанных понятий в качестве абсолютных синонимов, для которых главным словом является термин «функция»;
- 3) как синоним понятия «производство по уголовному делу». В этом значении понятие «уголовное преследование» используется в статьях главы 3 УПК РФ.

Многоаспектность употребления понятия «уголовное преследование» в УПК РФ не позволяет с однозначностью судить о том, из какой правовой природы уголовного преследования исходил законодатель при конструировании модели современного уголовного судопроизводства. В этой связи, выяснение правовой природы уголовного преследования, как представляется, необходимо осуществлять в двух направлениях:

- 1) рассмотрения «уголовного преследования» как функции уголовного судопроизводства и его соотношение с понятием «обвинение»;
- 2) рассмотрение пределов процессуальной деятельности стороны обвинения, обозначенной законодателем как «уголовное преследование».

Учение о функциях уголовного судопроизводства является одним из наиболее противоречивых, а потому дискуссионных в теории российского уголовного судопроизводства. В.В. Шимановский в 1965 году писал, что «среди сторонников концепции уголовно-процессуальных функций отсутствует совпадение точек зрения по целому ряду существенных моментов, например, о самом понятии процессуальных функций, об их сущности, о количестве их в уголовном судопроизводстве и т. п. Более того, в понятие даже одноименных функций (функция обви-

нения, уголовного преследования) разные авторы нередко вкладывают различное содержание»¹⁶².

Не останавливаясь на многообразии мнений относительно понятия уголовно-процессуальной функции, необходимо указать, что господствующим подходом к определению функции в науке уголовного процесса является ее рассмотрение как основного направления уголовно-процессуальной деятельности¹⁶³. Однако некоторые авторы придерживаются точки зрения, согласно которой уголовно-процессуальная функция является самой деятельностью¹⁶⁴.

С.А. Альперт справедливо отмечал, что «термин уголовно-процессуальная функция применяется для характеристики не отдельных процессуальных действий либо роли того или иного субъекта процесса, а более широкого и емкого понятия, каким является направление в процессуальной деятельности. Причем речь идет не о любых направлениях, а основных, то есть таких, которые в своей совокупности непосредственно и в наиболее концентрированной форме выражают сущность уголовного судопроизводства, способствуют реализации его задач»¹⁶⁵.

¹⁶² Шимановский В.В. К вопросу о процессуальной функции следователя в советском уголовном процессе / В.В. Шимановский // Известия вузов. Правоведение. — 1965. — № 2. — С. 175.

¹⁶³ См. подр.: Якуб М.Л. О понятии процессуальной функции в советском уголовном судопроизводстве / М.Л. Якуб // Известия вузов. Правоведение. — 1973. — № 5. — С. 83–84; Нажимов В.П. Об уголовно-процессуальных функциях / В.П. Нажимов // Известия вузов. Правоведение. — 1973. — № 5. — С. 73; Мотовиловкер Я.О. Основные уголовно-процессуальные функции / Я.О. Мотовиловкер. — Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 1976. — С. 5–23; Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / Науч. ред. проф. Л.Д. Кокорев. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. — С. 129; Карташов В. Н. К вопросу о функциях в уголовном процессе / В.Н. Карташов, И.А. Власенко // Категориальный аппарат уголовного права и процесса. — Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1993. — С. 50; Никитин Е.Л. Актуальные проблемы прокурорской деятельности при осуществлении уголовного преследования: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е.Л. Никитин. — СПб.: Санкт-Петербург. юрид. ин-т Ген. прок. РФ, 2000. — С. 61; Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности / Г.П. Химичева. — М.: Экзамен, 2003. — С. 49; Зинатуллин Т.З. Дефиниция уголовно-процессуальной функции в науке российского уголовного процесса / Т.З. Зинатуллин // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Мат-лы Межд. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. В 2 ч. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. — Ч. 1. — С. 339; Картахина О.А. Указ. соч. — С. 16.

¹⁶⁴ См., напр.: Малахова Л.И. Функция уголовного преследования как вид процессуальной деятельности / Л.И. Малахова // Российский следователь. — 2003. — № 7. — С. 25.

¹⁶⁵ Альперт С.А. Обвинение в советском уголовном процессе. Учебное пособие / С. А. Альперт. — Харьков: Вища школа, 1974. — С. 15.

О.Д. Жук исходит из буквального перевода слова «функция» (с лат. — исполнение) и считает, что «говорить о функциях как о «направлениях деятельности» представляется не вполне корректным»¹⁶⁶. Автор предлагает выделять 2 составляющие функции — абстрактную и реальную. Функция в абстрактном плане, т.е. вне связи с конкретным делом, может пониматься и как направление деятельности, и как сама деятельность или ее результат, — это, по мнению автора, «идеальная функция». При производстве по конкретному уголовному делу автор полагает, что «наиболее адекватным представляется обозначение функции в качестве «направленной деятельности»¹⁶⁷. Нельзя не согласиться с О.Д. Жуком в том, что любая функция по конкретному уголовному делу реализуется в рамках процессуальной деятельности.

В связи с этим, наиболее удачным на сегодняшний день представляется следующее определение уголовно-процессуальных функций — «это определяемые нормами права направления, непосредственно раскрывающие предназначение уголовного судопроизводства, ориентированные на разрешение задач, стоящих перед уголовным процессом, определяющие направления деятельности участников процесса, обусловленные их правовым статусом»¹⁶⁸.

В основу новой модели уголовного судопроизводства в УПК РФ законодателем была положена простейшая, но в то же время образцово-состязательная концепция трех уголовно-процессуальных функций. Л.В. Головки по этому поводу справедливо отмечает: «теория функций», прежде имевшая важное, но сугубо доктринальное значение, ныне четко и недвусмысленно закреплена в законе, став основой основ современной российской процессуальной техники. Многолетней общественной полемике в литературе о понятиях и видах уголовно-процессуальных функций положен конец, поскольку законодатель, избрав один из возможных вариантов решения известной доктринальной проблемы, взял на себя роль своеобразного арбитра в давнем научном споре»¹⁶⁹.

¹⁶⁶ Жук О.Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций) / О.Д. Жук. — М.: ИНФРА-М, 2004. — С. 10.

¹⁶⁷ Жук О.Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ... — С. 11–12.

¹⁶⁸ Ефимичев С.П. Функции в уголовном судопроизводстве: понятие, сущность, значение / С.П. Ефимичев, П.С. Ефимичев // Журнал российского права. — 2005. — № 7. — С. 61.

¹⁶⁹ Головки Л.В. Новый УПК РФ в контексте сравнительного уголовного-процессуального права / Л.В. Головки // Государство и право. — 2002. — № 5. — С. 52.

Еще М.С. Строгович указывал на то, что «в уголовном процессе существует три основных уголовно-процессуальных функции: 1) обвинение (уголовное преследование), 2) защита и 3) разрешение дела». По мнению М.С. Строговича, «обвинение как уголовно-процессуальная функция... носит также наименование уголовного преследования. Таким образом, уголовное преследование — это... обвинительная деятельность»¹⁷⁰. То есть, автор рассматривал категории «обвинение» и «уголовное преследование» как синонимичные при обозначении функции, противоположной функции защиты.

Одним из первых современных процессуалистов попытку объяснить название процессуальной функции «уголовное преследование» предпринял И.Л. Петрухин: в случае, когда в уголовном деле появляется подозреваемый, «это означает, что осуществление функции обвинения началось еще до привлечения лица в качестве обвиняемого, и в этом случае ее содержание не вполне соответствует ее названию. Поэтому функцию, о которой идет речь, еще называют уголовным преследованием»¹⁷¹.

Л.В. Головкин считает, что «закрепленная в ст. 15 российского УПК «концепция разграничения процессуальных функций» есть не более чем частная научная теория, не только не являющаяся в правоведении аксиомой, но даже не могущая претендовать на роль универсальной научной теории». Рассмотрев несколько примеров противоречий в действующем УПК РФ («Разве решение следователя или прокурора (органов обвинения по новому УПК РФ) о прекращении уголовного дела не есть форма разрешения уголовного дела? Разве соби́рание следователем доказательств (причем *ex officio*), свидетельствующих об обстоятельствах, смягчающих наказание, исключающих преступность деяния и т. д., не есть реализация процессуальной функции защиты или хотя бы элемент этой функции?»), автор приходит к выводу, что «знаменитая «триада процессуальных функций», будучи превосходным достижением абстрактного метода в процессуальной науке и замечательно чувствуя себя на страницах учебников, где она помогает начинающим изучать уголовное судопроизводство студентам освоить процессуальную материю, никак не годится для конструирования конкретных институтов в том типе процесса, к которому принадлежит процесс отечественный»¹⁷².

¹⁷⁰ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. / М.С. Строгович. — М.: Наука, 1968. — Т. 1. — С. 189.

¹⁷¹ Уголовный процесс. Учебник / Под ред. И.Л. Петрухина. — М.: Проспект, 2001. — С. 88–89.

¹⁷² Головкин Л.В. Новый УПК РФ в контексте... — С. 54–55. О совмещении функций на предварительном следствии также см.: Карпунин А.Д. Уголовное преследование и защита

Как бы то ни было, необходимо исходить из *status quo ad praesens*. Согласно такому положению «функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо» (ч. 1 ст. 15 УПК РФ). Грамматическое толкование данной нормы позволяет заключить, что, если основываться на понимании функции как *процессуальной деятельности*, то следовало бы признать повсеместное нарушение в УПК РФ принципа состязательности сторон, толкование которого было бы таким: «процессуальная деятельность по доказыванию виновности, установлению непричастности лица к совершению преступления и вынесению окончательного решения по делу отделена друг от друга и не может быть возложена на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо» (примеры совмещения такой процессуальной деятельности в УПК РФ приводит Л.В. Головкин).

Напротив, подход к определению уголовно-процессуальной функции как *направлению деятельности* не исключает возможность осуществления каким-либо органом или должностным лицом, выполняющим одну функцию, процессуальной деятельности, отнесенной к содержанию другой функции. В этом случае функции как направления деятельности своим ориентиром имеют идеальные цели, к достижению которых стремятся данные стороны и суд (привлечение лица к уголовной ответственности, признание лица невиновным полностью либо частично, принятие справедливого и обоснованного решения)¹⁷³. Реализация уголовно-процессуальных функций осуществляется посредством конкретной процессуальной деятельности, направленной на достижение перечисленных целей (например, для стороны обвинения — соби́рание обвинительных доказательств). Вместе с тем, общая направленность функции не исключает возможность осуществления в ее рамках процессуальной деятельности, относящейся к иной функции (обязанность стороны обвинения соби́рания также оправдательных доказательств). Данная обязанность, как представляется, обусловлена назначением уголовного судопроизводства: «Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их

на предварительном следствии / А.Д. Карпунин // Российский следователь. — 2003. — № 2. — С. 17–19.

¹⁷³ Данная точка зрения разделяется И.Л. Петрухиным (См. подр.: Петрухин И.Л. От инквизиции — к состязательности / И.Л. Петрухин // Государство и право. — 2003. — № 7. — С. 31–32.).

от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию» (ч. 2 ст. 6 УПК РФ). Поэтому полномочие следователя прекратить уголовное дело (уголовное преследование) при наличии к тому достаточных оснований, как представляется, не противоречит назначению уголовного судопроизводства, для которого не должно составлять принципиального различия, какой орган (с какой уголовно-процессуальной функцией) вынесет законное и обоснованное решение в виде постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования)¹⁷⁴.

Учитывая, что в УПК РФ используются понятия «функция уголовного преследования» и «функция обвинения» (п. 45 ст. 5 УПК РФ), представляется необходимым проанализировать соотношение указанных понятий в системе норм российского уголовного судопроизводства.

В уголовно-процессуальной литературе сформировалось 2 основных подхода к вопросу соотношения категорий «уголовное преследование» и «обвинение»: уголовное преследование — более широкое понятие, чем обвинение¹⁷⁵; уголовное преследование — обвинение в широком (процессуальном) смысле¹⁷⁶. Однако встречаются мнения и о том, что

¹⁷⁴ Как отмечает И. Дикарев, такой же позиции придерживается Верховный Суд РФ, который исходит из того, что «прекращение уголовного дела при установлении предусмотренных законом оснований является *обязанностью* суда» (См.: Дикарев И. К. вопросу о дискреционных основаниях прекращения уголовного дела (уголовного преследования) / И. Дикарев // Уголовное право. — 2007. — № 1. — С. 82.).

И.Л. Петрухин справедливо рассматривает такие действия стороны обвинения как «неизбежные издержки принципа состязательности в стране, которая много лет принадлежала к континентальной системе права (Петрухин И. Л. От инквизиции — к состязательности... — С. 32.).

¹⁷⁵ Жук О.Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования... — С. 78; Сухарева Н.Д. О понятии «уголовное преследование» / Н.Д. Сухарева // Российский следователь. — 2002. — № 10. — С. 24; Тушев А.А. Осуществление прокурором функции уголовного преследования в судебном разбирательстве / А.А. Тушев // Российская юстиция. — 2005. — № 12. — С. 21; Малахова Л.И. Функция уголовного преследования... — С. 26; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Отв. ред. И.Л. Петрухин. — М.: ТК Велби; Проспект, 2006. — С. 94; Ревенко Н.И. Обеспечение следователем всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела при осуществлении уголовного преследования: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.И. Ревенко. — Омск: Ом. акад. МВД России, 2005. — С. 105.

¹⁷⁶ Петрова Н.Е. Частное и субсидиарное обвинение / Н.Е. Петрова. — Самара: Самар. ун-т, 2004. — С. 26; Уголовно-процессуальное право / Отв. ред. В.И. Радченко. — М.: Юристъ, 2005. — С. 57; Андреева О.И. Соотношение функции обвинения и уголовного преследования по УПК РФ / О.И. Андреева // Судебная реформа и становление правового государства в Российской Федерации (по материалам научно-практической конференции) / Под общ. ред. В.С. Комаровского, М.Ю. Мизулина. — М.: ДиАр, 2003. — С. 137; Лавдаренко Л.И.

«понятие «обвинение» — родовое понятие, которое шире понятия «уголовное преследование», являющегося одним из видов обвинения»¹⁷⁷. Как справедливо отмечает Ю.В. Деришев, «системный анализ отдельных норм УПК РФ (п.п. 22 и 45 ч. 1 ст. 5, ч. 1 ст. 20 и др.) позволяет утверждать, что понятия «уголовное преследование» и «обвинение», с одной стороны, для законодателя тождественны, с другой — первое представлено шире второго, так как начинается раньше выдвижения обвинения *ex officio*»¹⁷⁸.

Соотнесение указных категорий осложнено тем, что, по сути, речь идет о сравнении не 2-х, а 5-ти понятий:

- 1) уголовное преследование как функция (п. 45 ст. 5 УПК РФ);
- 2) уголовное преследование как процессуальная деятельность (п. 55 ст. 5 УПК РФ);
- 3) обвинение как функция (п. 45 ст. 5, ч. 2 ст. 15 УПК РФ);
- 4) обвинение как процессуальная деятельность (ч. 1 ст. 20 УПК РФ);
- 5) обвинение как утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом (п. 22 ст. 5 УПК РФ)¹⁷⁹.

Нельзя не согласиться с высказыванием Ф. М. Ягофарова относительно непоследовательности законодателя в использовании указанных научных терминов в тексте уголовно-процессуального закона: «Как видно, законодательство не содержит стройных мыслей по поводу разграничения понятий «обвинение» и «уголовное преследование». Конечно, с данным положением можно смириться, если принять к сведению, что задачей законодателя не является формулирование стройных теоретических концепций. Данная задача, безусловно, может стоять только перед наукой. Но если законодатель

Функция следователя в российском уголовном процессе: проблемы реализации, перспективы развития: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Л.И. Лавдаренко. — Владивосток: Дальневост. гос. ун-т, 2001. — С. 7; Дорноступ И.П. Нереабилитирующие основания прекращения уголовного преследования в деятельности органов предварительного расследования МВД России: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И.П. Дорноступ. — СПб: Санкт-Петерб. ун-т МВД, 2003. — С. 19.

¹⁷⁷ Аширбекова М.Т. О соотношении понятий «обвинение» и «уголовное преследование» / М.Т. Аширбекова // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Мат-лы Меж. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. В 2 ч. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. — Ч. 1. — С. 63.

¹⁷⁸ Деришев Ю.В. Уголовное досудебное производство... — С. 20.

¹⁷⁹ Все значения «обвинения» перечислял еще М.С. Строгович: 1) обвинительная деятельность; 2) деятельность обвинителя в суде; 3) предмет обвинения — обвинительный тезис, утверждение о виновности обвиняемого в совершении преступления; 4) сторона обвинения (См.: Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса... 1968. — Т. 1. — С. 190.).

решился на использование в тексте нормативного акта **каких-либо** спорных положений, то, по крайней мере, он должен **быть** в этом последователен. Закон, как нам представляется, не **научный журнал**, и на его страницах не должны присутствовать различные **толкования** одного и того же понятия. Если нормативный акт наводит на **противоположными** идеями, то это не может не отразиться на его **качестве**. К сожалению, качество нормативных актов в подобных случаях чаще всего ухудшается, и понятно, что ущемляются в конечном итоге **всегда** только права человека и гражданина»¹⁸⁰.

В связи с этим, наибольшим просчетом законодателя представляется использование «уголовного преследования» и «обвинения» как названий одной и той же уголовно-процессуальной функции (п. 45 ст. 5 УПК РФ). Результатом такой неудачной регламентации явились предложения называть функцию обвинения функцией уголовного преследования. Например, О.Д. Жук предложил изменить наименования функций обвинения и защиты, соответственно, на «функция уголовного преследования» и «функция защиты от уголовного преследования», в связи с тем, что уголовное преследование и защита охватывают не только обвиняемого, но и подозреваемого¹⁸¹. Соглашаясь с автором относительно распространения данных функций и на подозреваемого¹⁸², следует, тем не менее, указать, что название функций «обвинение» и «защита» являются традиционными для отечественной (и не только отечественной) теории уголовного процесса, и поэтому подобное «оперативное вмешательство» в действующий организм российского уголовного судопроизводства, как представляется, не принесет опутимой пользы для теории уголовно-процессуальных функций.

По утверждению Г.Н. Королева, «рассмотрение генезиса научных категорий «уголовное преследование» и «обвинение» в контексте отечественного уголовно-процессуального права приводит к выводу о том, что в основу модели нынешнего российского уголовного процесса положены идеи двух различных концепций, взятые в разной

¹⁸⁰ Ягофаров Ф.М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ф.М. Ягофаров. — Оренбург: Оренб. гос. аграрн. ун-т, 2003. — С. 34.

¹⁸¹ Жук О.Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования... — С. 79.

¹⁸² Такое предложение также вносилось А.П. Кругликовым: «Пониманию терминов «обвинение» и «уголовное преследование» в их надлежащем значении способствовало бы исключение законодателем из п. 45 ст. 5 УПК РФ слова «обвинения»» (См.: Кругликов А.П. К вопросам о сущности и соотношении понятий «обвинение» и «уголовное преследование» / А.П. Кругликов // Российская юстиция. — 2005. — № 12. — С. 47.).

пропорции»¹⁸³. Одна из этих концепций — рассмотрение обвинения как деятельности и отождествлении его с уголовным преследованием (п. 45 ст. 5 УПК РФ). Другая — концепция уголовного иска (обвинение как требование обвинителя, обращенное к суду, признать наличие уголовно-процессуального отношения между государством и лицом, предположительно совершившим деяние, запрещенное уголовным законом) (п. 22 ст. 5 УПК РФ). При этом, по мнению Г.Н. Королева, попытка рассматривать обвинение в широком или узком смысле (как процессуальное или материальное) «осложняет применение и без того несовершенных норм действующего УПК РФ», поэтому «единственно правильным решением в данной ситуации является наполнение «терминов «уголовное преследование» и «обвинение» подлинным их содержанием», которое, как считает автор, раскрывается именно в концепции обвинения как уголовного иска: «Обвинение является определенным итогом уголовного преследования, ради которого оно, собственно, и осуществляется»¹⁸⁴. Соглашаясь с позицией Г.Н. Королева в том, что в УПК РФ обвинение используется в нескольких значениях, необходимо указать на то, что еще в УУС 1864 года, в основу которого была заложена концепция уголовного иска, обвинение рассматривалось и как «утверждение» («уголовный иск»), и как «процессуальная деятельность» («процессуальное обвинение»)»¹⁸⁵, что само по себе не является противоречием.

В контексте всего вышеизложенного, следует согласиться с утверждением Е.В. Шишкиной о том, что «при анализе суждений, высказанных в литературе, не трудно увидеть, что функцию обвинения подменяют функцией уголовного преследования»¹⁸⁶. Между тем в законе (ч. 2 ст. 15 УПК) речь идет о таких уголовно-процессуальных функциях, как обвинение, защита и разрешение уголовного дела»¹⁸⁷. При таком подходе уголовное преследование необходимо рассматривать в значении процессуальной деятельности, осуществляемой для реализации функции

¹⁸³ Королев Г.Н. Прокурорское уголовное преследование... — С. 53.

¹⁸⁴ Там же. — С. 56.

¹⁸⁵ См. подробнее §1 гл. I настоящей работы.

¹⁸⁶ А в некоторых источниках встречаются даже такие высказывания: «уголовное преследование — это одна из функций уголовного процесса, осуществляемая носителями обвинительной функции» (См.: Уголовный процесс: Учебник / Под ред. В.П. Божьева. — М.: Высшее образование, 2005. — С. 23.).

¹⁸⁷ Шишкина Е.В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве / Е.В. Шишкина, С.Г. Бандурин, Н.А. Громов // Право и политика. — 2004. — № 12. — С. 84.

обвинения, то есть «уголовное преследование есть реализация функции обвинения»¹⁸⁸. Функция обвинения сама по себе направлена на достижение идеальной цели — полного изобличения лица в совершении преступления. Достижения указанной идеальной цели, или реализация функции обвинения, осуществляется посредством процессуальной деятельности: на стадии досудебного производства — подозрение лица в совершении преступления и выдвижение против него обвинения, на стадии судебного производства — поддержания данного обвинения государственным обвинителем¹⁸⁹, что в целом и составляет содержание уголовного преследования¹⁹⁰. Уголовное преследование характеризует динамику процессуальной деятельности стороны обвинения: от обладания минимальными данными о причастности подозреваемого к совершению преступления при возбуждении уголовного преследования до полноценной доказательственной базы, подтверждающей виновность лица в совершении преступления, при направлении уголовного дела в суд¹⁹¹. Поэтому обвинение как процессуальная деятельность является элементом (этапом) уголовного преследования, следующим за этапом подозрения лица в совершении преступления.

Придание понятию «уголовное преследование» в п. 45 ст. 5 УПК РФ значения уголовно-процессуальной функции представляется не совсем

¹⁸⁸ Уголовный процесс России: Учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Науч. ред. В.Т. Томин. — М.: Юрайт-Издат, 2003. — С. 35; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко; научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. — М.: Юрайт-Издат, 2004. — С. 50.

¹⁸⁹ Указанная точка зрения также разделяется А.Г. Халиулиным (См. подр.: Халиулин А. Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России / А. Г. Халиулин. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. — С. 29). Ю.Е. Ежова высказала подобное утверждение, назвав обвинение на стадии судебного производства все же «функцией» (Ежова Ю.Е. Уголовный иск и новый Уголовно-процессуальный кодекс / Ю.Е. Ежова // Вестник Московского ун-та. — Серия 11. Право. — 2002. — № 6. — С. 78.).

¹⁹⁰ Таковую же позицию занимает и Конституционный Суд РФ: «выполнение функции обвинения заключается в возбуждении уголовного преследования, формулировании обвинения и отстаивании его в суде» (См.: Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 104-О [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Электрон. поисковая прогр. — М.: КонсультантПлюс, 2003. — Магнитный жесткий диск (HDD), емкость 20 Гб. — Систем. требования P-II-300; 32 Мб ОЗУ; Microsoft Windows 2000/XP. — Загл. с экрана.).

¹⁹¹ На динамику как неотъемлемое свойство уголовного преследования также указывал З.Д. Еникеев (См.: Еникеев З.Д. Механизм уголовного преследования: Учебное пособие / З.Д. Еникеев. — Уфа: Изд-во Баш. гос. ун-та, 2002. — С. 7.).

удачным и с позиций юридической техники, а именно: использование терминов «обвинение» и «уголовное преследование» как названий одной и той же уголовно-процессуальной функции нарушает требование обозначения одного явления только одним термином. Чтобы исправить данный недостаток, законодателю необходимо исключить из п. 45 ст. 5 УПК РФ либо категорию «обвинение», либо категорию «уголовное преследование». При таком условии, оставление в данном качестве термина «функция обвинения» представляется более предпочтительным, как уже отмечалось, в силу традиционности его использования в уголовно-процессуальной науке и законодательстве. В результате, за категорией «уголовное преследование» в нормах УПК РФ останется единственное значение — процессуальная деятельность, посредством которой реализуется функция обвинения. На основании изложенного предлагаю из п. 45 ст. 5 УПК РФ исключить слова «(уголовного преследования)»: «45) стороны — участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения или защиты от обвинения».

Следующим аспектом в определении правовой природы уголовного преследования является установление *начального момента* данной процессуальной деятельности и ее *процессуальных пределов*, в частности, выяснение вопроса, входит ли в содержание уголовного преследования установление события преступления (времени, места, способа и других обстоятельств совершения преступления).

Со времен дискуссии между М.А. Чельцовым и М.С. Строговичем по вопросу определения начального момента уголовного преследования в науке уголовно-процессуального права существует 2 основных точки зрения. Сторонники первой считают, что уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела¹⁹². Сторонники второй полагают, что уголовное преследование может осуществляться

¹⁹² См.: Еникеев З.Д. Уголовное преследование... — С. 67; Зинатуллин З.З. Общие проблемы обвинения и защиты... — С. 7; Картохина О.А. Начало и прекращение уголовного преследования... — С. 29; Донской Д.Д. Функция уголовного преследования на этапе досудебного производства: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Д.Д. Донской. — Ростов н/Д, 2005. — С. 57; Сухарева Н.Д. Прекращение уголовного преследования на стадии предварительного расследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.Д. Сухарева. — Иркутск: Байкал. гос. ун-т экон.-ки и права, 2002. — С. 21; Шманатова В.Е. Публичное начало как основа уголовного преследования в уголовном процессе РФ: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.Е. Шманатова. — Самара: Самар. гос. ун-т, 2004. — С. 34; Баев О.Я. Прокурор как субъект уголовного преследования. Научно-практическое пособие / О.Я. Баев. — М.: Юрлитинформ, 2006. — С. 13; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Отв. ред. И.Л. Петрухин. — М.: ТК Велби; Проспект, 2006. — С. 94; Ворончихин М. А. Указ. соч. — С. 16.

только в отношении конкретного лица, обладающего процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого¹⁹³. Отдельные авторы придерживаются мнения, что уголовное преследование начинается «независимо от формального процессуального статуса привлекаемого к ответственности лица, с момента применения принудительных мер, ограничивающих свободу и личную неприкосновенность, включая свободу передвижения»¹⁹⁴. Кроме того, некоторые авторы полагают, что понятием «уголовное преследование» также охватывается и процессуальная деятельность на стадии возбуждения уголовного дела¹⁹⁵, а также оперативно-розыскная деятельность в отношении лица, заподозренного в совершении преступления¹⁹⁶. В этой связи представляют

¹⁹³ См.: Деришев Ю.В. Досудебное уголовное преследование... — С. 47; Дорностун И.П. Указ. соч. — С. 20; Жук О.Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования... — С. 80–81; Мартыничук Е.Г. Указ. статья. — С. 5; Володина Л.М. Уголовное преследование / Л.М. Володина // Современные проблемы уголовного права и уголовного процесса: Мат-лы Межд. науч.-практ. конф. В 2 т. — Красноярск: ИЦ Красноярского гос. ун-та, 2003. — Т. 2. — С. 90; Волынская О.В. Начало и окончание уголовного преследования / О.В. Волынская // Российский следователь. — 2006. — № 2. — С. 11; Азаров В.А. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России / В.А. Азаров, Н.И. Ревенко, М.М. Кузембаева. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. — С. 192–193; Татьяна Л.Г. Предварительное расследование в системе функций уголовного процесса / Л.Г. Татьяна // Ученые записки: сб. науч. трудов юрид. фак-та Оренбург. гос. ун-та. — Вып. 3. — Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2006. — С. 51; Яковенко В.В. Спорные вопросы осуществления прокуратурой функции уголовного преследования / В.В. Яковенко // Российский следователь. — 2005. — № 10. — С. 41–43; Уголовно-процессуальное право / Под ред. Г.П. Химичевой, О.В. Химичевой. — М.: ЮНИТИ-ДАНА. Закон и право. — 2004. — С. 70; Белоусова Е.А. Прекращение уголовного преследования в стадии предварительного расследования: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е.А. Белоусова. — СПб.: Санкт-Петербург. юрид. ин-т Ген. прок. РФ, 2004. — С. 21.

¹⁹⁴ Горлова С.В. Уголовное преследование как проявление публичности в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / С.В. Горлова. — Челябинск: Южно-Урал. гос. ун-т, 2006. — С. 12.

¹⁹⁵ Малахова Л.И. Функция уголовного преследования... — С. 25; Усачев А.А. Указ. соч. — С. 162; Наумов А. Уголовное преследование на стадии возбуждения дела / А. Наумов // Законность. — 2005. — № 3. — С. 50–51; Букша Н.Ю. Назначение института прекращения уголовного дела и уголовного преследования: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.Ю. Букша. — Краснодар: Краснодар. акад. МВД России, 2005. — С. 43; Бубнов Р.Г. Взаимоотношение субъектов уголовного преследования по делам публичного и частно-публичного обвинения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Р.Г. Бубнов. — Самара: Самар. гос. ун-т, 2006. — С. 11.

¹⁹⁶ Кучин А.Ф. Правовой механизм публичного уголовного преследования: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Ф. Кучин. — Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД РФ, 2004. — С. 50–51; Жук О.Д. О понятии и содержании оперативно-розыскного преследования / О.Д. Жук // Законность. — 2004. — № 5. — С. 39–42; Королев Г. Начальный момент уголовного преследования / Г. Королев // Законность. — 2005. — № 5. — С. 22–24.

интерес результаты анкетирования по данному вопросу сотрудников правоохранительных органов. Так, 44% опрошенных ответили, что уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, а 56% — что с момента приобретения лицом процессуального статуса подозреваемого, обвиняемого.

М.С. Строгович в свое время справедливо указывал, что «нельзя смешивать возбуждение уголовного преследования, которое всегда производится в отношении конкретного лица (*in personam*), с возбуждением уголовного дела, которое производится в отношении факта, события преступления (*in rem*)»¹⁹⁷.

Развивая данную идею, Л.В. Головкин предлагает рассматривать уголовное преследование и производство по уголовному делу в виде двух систем координат: «первую составляют некие индивидуально-определенные фактические обстоятельства или события, подпадающие под признаки уголовно-правовой квалификации... В уголовно-процессуальном языке данная система координат определяется латинскими словами *in rem*. Вторая система координат, определяющая пределы производства по делу, связана с кругом лиц, в отношении которых ведется уголовное преследование, т.е. речь идет о пределах производства по делу *in personam*. Ясно также, что пределы производства по делу могут в какой-то момент существовать *in rem*, не будучи определены *in personam* (есть эпизод преступления, но не установлено лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности), но никогда не могут существовать *in personam*, не будучи определены *in rem*»¹⁹⁸.

Безусловно, данные системы координат есть не более чем *идеальная модель*, элементы которой проблематично соотнести с конкретными следственными и иными процессуальными действиями прокурора, следователя, дознавателя. Как правило, в рамках отдельного следственного действия устанавливаются обстоятельства, относящиеся как к квалификации деяния (*in rem*), так и к установлению виновности лица в его совершении (*in personam*). Более того, по некоторым видам преступлений начало производство *in rem* и *in personam* может совпадать. Например, при возбуждении уголовных дел по преступлениям, которые, исходя из их специфики, могут быть совершены только каким-то конкретным лицом, установление которого, в связи с этим, является необходимым условием для возбуждения самого дела. Как

¹⁹⁷ Строгович М.С. Уголовное преследование... — С. 65.

¹⁹⁸ Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головкин. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. — С. 291.

правило, такие составы в диспозициях статей УК РФ содержат указание на особенности субъекта преступления (специальный субъект; субъект, не исполнивший обязанность и т.п.). Одним из таких преступлений является состав, предусмотренный ст. 198 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица». Очевидно, что для возбуждения уголовного дела по данному составу преступления необходимо, в первую очередь, установить факт уклонения лица, имевшего обязанность уплатить налог и (или) сбор, от его уплаты. Установление факта неуплаты *de facto* и *de jure* означает установление самого лица, уклонившегося от уплаты налога и (или) сбора, так как данная обязанность является индивидуальной. Соответственно, возбуждение уголовного дела должно осуществляться именно в отношении такого лица (а не «по факту»), что означает начало производства по уголовному делу *in rem* и *in personam* одновременно¹⁹⁹.

Вместе с тем, обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, с достаточной степенью определенности можно разделить на устанавливаемые в рамках процессуальной деятельности *in rem* и в рамках процессуальной деятельности *in personam*. Так, основываясь на законодательном перечне обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), к обстоятельствам, подлежащим доказыванию *in personam*, следует отнести:

- 1) виновность лица в совершении преступления, форму его вины и мотивы;
- 2) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- 3) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (относящиеся к субъективным признакам состава преступления²⁰⁰);
- 4) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (относящиеся к личности обвиняемого²⁰¹).

Остальные обстоятельства, перечисленные в ч. 1 ст. 73 УПК РФ, подлежат доказыванию в рамках процессуальной деятельности *in rem*.

¹⁹⁹ Данный вопрос подробнее (в аспекте обязанности органа уголовного преследования возбуждать уголовное дело в отношении конкретного лица) будет рассмотрен в главе 3 настоящей работы.

²⁰⁰ В уголовном праве принято классифицировать обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, на: относящиеся к объективным признакам состава преступления (объекту и объективной стороне) и относящиеся к субъективным признакам (субъекту и субъективной стороне) (См.: Курс уголовного права. В 5 т. / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. — М.: Зерцало-М, 2002. — Т. 2. — С. 241.)

²⁰¹ Например, освобождение от наказания в связи с болезнью (ст. 82 УК РФ).

С практической точки зрения такое вычленение перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию *in personam*, означает то, что они могут быть установлены только при наличии в деле подозреваемого или обвиняемого. Однако целью уголовного преследования является не доказывание всех вышеперечисленных обстоятельств, а, как уже отмечалось, изобличение²⁰² лица в совершении преступления, что включает в себя только доказывание виновности лица в совершении преступления, формы его вины и мотивов²⁰³. Данные обстоятельства, таким образом, составляет *предмет изобличения* подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Таким образом, уголовное преследование является процессуальной деятельностью, по своим целям и предмету доказывания отличной от процессуальной деятельности по установлению события преступления и связанных с ним обстоятельств. Необходимо отметить, что с данным выводом согласны 47% опрошенных в ходе настоящего исследования сотрудников органов прокуратуры и внутренних дел.

В уголовно-процессуальной литературе высказывается мнение о том, что «вся процессуальная деятельность следователя, дознавателя до появления названных субъектов является как бы беспредметной, «нефункциональной»²⁰⁴. Не вступая в дискуссию о наличии какой-либо функции на данном этапе расследования (в литературе чаще всего указывается на осуществление «функции расследования»²⁰⁵), следует отме-

²⁰² Подробный анализ значения термина «изобличение» в определении уголовного преследования будет произведен в §2 настоящей главы.

²⁰³ Остальные обстоятельства, доказываемые *in personam*, носят не изобличительный характер, а предусматривают возможность освобождения лица от уголовной ответственности или наказания, а также на индивидуализацию наказания в случае признания лица виновным.

²⁰⁴ Ковтун Н.Н. Сущность и содержание функции уголовного преследования в уголовном процессе России / Н.Н. Ковтун, А.П. Кузнецов // Российский судья. — 2004. — № 6. — С. 30.

²⁰⁵ Функцию расследования выделяли: Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности / Р.Д. Рахунов. — М.: Госюриздат, 1961. — С. 48; Элькин П.С. Указ. соч. — С. 53–66; Шимановский В.В. Указ. статья. — С. 175; Даев В.Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве / В.Г. Даев // Известия вузов. Правоведение. — 1974. — № 1. — С. 72; Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве / В.М. Савицкий. — М.: Наука, 1975. — С. 43–44; Выдря М. М. Расследование уголовного дела — функция уголовного процесса / М.М. Выдря // Сов. гос-во и право. — 1980. — № 9. — С. 78–82; Зинатуллин З.З. Сущность и социальное назначение уголовно-процессуальных функций / З.З. Зинатуллин // Категориальный аппарат уголовного права и процесса: Сборник научных трудов. — Ярославль: Изд-во Ярославского ун-та, 1993. — С. 44.

туть, что процессуальная деятельность до появления **и уголовном деле** подозреваемого, обвиняемого отнюдь не «беспредметна». Предметом ее деятельности являются обстоятельства, подлежащие **доказыванию** in rem, к которым, прежде всего, относится событие преступления (время, место, способ и иные обстоятельства), а также **характер и размер** вреда, причиненного преступлением (п.п. 2, 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ)²⁰⁶. Как правило, установление указанных обстоятельств **позволяет** выдвигать версии относительно личности преступника и, **в конечном итоге**, должно привести к его установлению и задержанию, что **является** началом процессуальной деятельности in personam.

В этой связи значение уголовного преследования заключается в невозможности доведения до конца производства по **уголовному делу** (in rem) без возбуждения уголовного преследования (in personam). Так, в случае неустановления следователем достаточных данных для **возбуждения** уголовного преследования, он, согласно п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, приостанавливает процессуальную деятельность по **уголовному делу** в целом, «ибо бессмысленно продолжать ее в отсутствие **конкретного** субъекта до бесконечности»²⁰⁷. А при истечении сроков давности уголовного преследования по приостановленному **уголовному делу**, оно подлежит прекращению²⁰⁸.

Итак, уголовное преследование — это процессуальная деятельность, осуществляемая в отношении конкретного лица. Однако при **нормативной** регламентации уголовного преследования как процессуальной деятельности законодатель также проявил концептуальную **непоследовательность**. В ст. 21 УПК РФ, названной «Обязанность осуществления уголовного преследования», законодатель установил, что «в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь,

Вместе с тем, следует согласиться с мнением тех процессуалистов, которые данную функцию обозначают как «исследование обстоятельств дела» (См.: Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе / А.П. Гуляев. — М.: Юрид. лит.-ра, 1981. — С. 23; Ларин А.М. Расследование по уголовному делу... — С. 12; Донской Д.Д. Указ. соч. — С. 22.).

²⁰⁶ Аксиоматичным, в связи с этим, является утверждение: «Естественно, что выяснению вопроса о виновности обвиняемого должно быть предпослано установления события преступления» (См.: Горский Г.Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, П.С. Элькинд. — Воронеж :Изд-во Воронежского ун-та, 1978. — С. 73–74.).

²⁰⁷ Володина Л.М. Указ. статья. — С. 91.

²⁰⁸ О порядке прекращения по истечении сроков давности уголовных дел, приостановленных за неустановлением лиц, совершивших преступления: Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 5 мая 2004 г. № 12 // Законность. — 2004. — № 7. — С. 61–62.

орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, избличению лица или лиц, виновных в совершении преступления» (ч. 2 ст. 21). Как справедливо отмечает Г. Н. Королев, «новый УПК РФ содержит много противоречий. Одно из них наглядно проявляется при сопоставлении указанной нормы с п. 55 ст. 5 УПК РФ, в котором дано понятие уголовного преследования», в связи с чем автор предлагает устранить данное противоречие «путем приведения нормы п. 55 ст. 5 УПК в соответствие со ст. 21 УПК, который следовало бы изложить в такой редакции: «Уголовное преследование — процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях установления события преступления, избличения лица или лиц, виновных в его совершении»²⁰⁹. А. П. Рыжаков, напротив, толкует ст. 21 УПК РФ буквально и считает, что «в ч. 2 ст. 21 УПК РФ нет даже упоминания об уголовном преследовании. А поэтому, как минимум, редакция соответствующей нормы позволяет нам отказаться от утверждения, что законодатель в п. 55 ст. 5 УПК РФ противоречит ч. 2 ст. 21 УПК РФ»²¹⁰.

Прибегая к подобному толкованию отдельных положений ст. 21 УПК РФ, А.П. Рыжаков, очевидно, игнорирует название статьи, а также название главы УПК, в которой данная норма закреплена. Обозначенное Г.Н. Королевым противоречие есть один из многочисленных примеров реализации в УПК РФ положений *двух различных моделей уголовного судопроизводства*. Данные модели были разработаны в основных проектах УПК²¹¹. Так, определение уголовного преследования, предусмотренное п. 55 ст. 5 УПК РФ, было заимствовано из Проекта УПК ГПУ, в котором уголовное преследование рассматривалось как процессуальная деятельность стороны обвинения. В то время как ст. 21 и другие положения главы 3 УПК РФ были заимствованы из Проекта УПК Минюста, в котором уголовное преследование использовалось как синоним производства по уголовному делу.

Таким образом, в действующем УПК РФ правовая регламентация института уголовного преследования осуществляется исходя из

²⁰⁹ Королев Г.Н. Прокурорское уголовное преследование... — С. 45.

²¹⁰ Рыжаков А.П. Виды уголовного преследования. Комментарий к статье 20 УПК РФ. Подготовлен для Системы КонсультантПлюс / А.П. Рыжаков // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Электрон. поисковая прогр. — М.: КонсультантПлюс, 2002. — Магнитный жесткий диск (HDD), емкость 20 Гб. — Систем. требования P-II-300; 32 Мб ОЗУ; Microsof Windows 2000/XP. — Загл. с экрана.

²¹¹ Подробнее о проектах УПК см. §2 главы 1 настоящей работы.

двойственной правовой природы уголовного преследования. Рассматривая правовую природу как юридическое выражение сущности института уголовного преследования, необходимо указать, что у одного явления может быть только одна сущность, или внутреннее предназначение. В противном случае, данное явление теряет свое предназначение и становится абстрактным понятием, не обладающим каким-либо практическим значением в системе правового регулирования. Поэтому, оценивая правовую природу уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве, единственным методом познания сущности данной категории представляется определение ее практического значения в системе действующих уголовно-процессуальных институтов и категорий. Таким значением категория «уголовное преследование» обладает в рамках института прекращения уголовного преследования²¹².

Посредством категории «уголовное преследование» законодатель разграничивает 2 возможных варианта прекращения производства по уголовному делу: прекращение уголовного дела (производства по уголовному делу в целом) и прекращение уголовного преследования (процессуальной деятельности в отношении конкретного лица). Исходя из такого, единственного на данный момент практического значения категории «уголовное преследование», необходимо заключить, что юридическая сущность уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве связана исключительно с процессуальной деятельностью в отношении конкретного лица, что законодатель и отразил в определении уголовного преследования, закрепленном в п. 55 ст. 5 УПК РФ²¹³.

²¹² Из 32 статей УПК РФ, в которых используется понятие «уголовное преследование», 13 статей (что составляет 40%) регулируют порядок прекращения уголовного дела (уголовного преследования). При этом, во всех бланках процессуальных документов, являющихся приложениями к УПК РФ, данное понятие используется исключительно для оформления порядка прекращения уголовного дела (уголовного преследования).

²¹³ В науке предпринята попытка исследовать также криминалистическую сущность уголовного преследования: «уголовное преследование с криминалистической точки зрения есть познавательная деятельность, осуществляемая в рамках, определяемых уголовно-процессуальным законодательством, в целях принятия законного и обоснованного решения по делу, право на которую возникает с момента совершения преступления, а обязанность — с момента получения информации о нем лицами, уполномоченными на то законом, сущность которой составляют отыскание, собирание и использование информации о преступлении и иных имеющих значение для дела обстоятельствах»; при этом «важными составляющими частями методики уголовного преследования следует признать криминалистическую характеристику преступления соответствующей категории, криминалистическую характеристику уголовного преследования как познавательной деятельности, перечень обстоятельств, подлежащих исследованию, выделенные и систе-

Таким образом, в целях нормативного выражения правовой природы уголовного преследования как процессуальной деятельности в отношении конкретного лица необходимо внесение изменений и дополнений в отдельные положения УПК РФ. В частности, наиболее целесообразным представляется приведение содержания главы 3 УПК РФ в соответствие с указанным пониманием уголовного преследования. Кроме того, представляется логичным перенести из главы 4 УПК РФ в главу 3 УПК РФ нормы, относящиеся к институту прекращения уголовного преследования (ст. 27 и 28 УПК РФ); при этом, главу 4 УПК РФ переименовать в «Производство по уголовному делу»²¹⁴. В результате этого в УПК РФ будет существовать 2 самостоятельных главы, одна из которых будет регулировать вопросы производства по уголовному делу в целом, а другая — производство в отношении конкретного лица (т.е. уголовное преследование)²¹⁵.

Выводы:

1. В действующем УПК РФ правовая регламентация института уголовного преследования основывается на двойственной правовой природе уголовного преследования: 1) как процессуальной деятельности в отношении конкретного лица и 2) как производства по уголовному делу в целом. Вместе с тем, у одного явления может быть только одна сущность, или правовая природа. В противном случае, оно теряет свое предназначение и становится абстрактным понятием, не обладающим каким-либо практическим значением в системе правового регулирования.

материзированные типичные ситуации и разработанные применительно к ним рекомендации по организации уголовного преследования, особенности подготовки, организации и производства отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также участия в судебных действиях» (Коршунова О. Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы уголовного преследования: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / О. Н. Коршунова. — М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Ген. прок. РФ, 2006. — С. 7, 34.). Как представляется, данный подход есть не более чем попытка адаптации термина «уголовное преследование» к существующим положениям криминалистической методики, что влечет, с одной стороны, лишение его процессуального значения и, с другой, подмену данным термином такого понятия, как «методика расследования отдельных видов преступлений».

²¹⁴ Изменения и дополнения в отдельные статьи глав 3 и 4 УПК РФ будут рассмотрены в следующих частях настоящей работы.

²¹⁵ Безусловно, в УПК РФ логичнее было главу «Производство по уголовному делу» поместить ранее главы «Уголовное преследование». Однако, в целях минимизации изменений в действующем уголовно-процессуальном законе, считаю необходимым оставить главу «Уголовное преследование» под номером 3.

2. Практическим значением в российском уголовном судопроизводстве категория «уголовное преследование» обладает в рамках института прекращения уголовного преследования, исходя из чего, можно утверждать, что юридическая сущность уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве связана исключительно с процессуальной деятельностью в отношении конкретного лица.
3. Правовая природа уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве заключается в реализации функции обвинения посредством уголовно-процессуальной деятельности в отношении конкретного лица, по своим целям и предмету доказывания отличной от процессуальной деятельности по установлению события преступления и связанных с ним обстоятельств.

§ 2. Понятие уголовного преследования

Законодательное определение понятия «уголовное преследование», как уже указывалось, основано на определении «данной категории, содержащемся в проекте УПК ГПУ, п. 28 ст. 12 которого предусматривал, что под «уголовным преследованием» понимается «процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях установления виновности определенного лица в совершении преступления либо применения к лицу, совершившему запрещенное уголовным законом деяние, принудительных мер помимо наказания». Очевидно, что законодатель в п. 55 ст. 5 УПК РФ сохранил предложенную конструкцию определения, заменив некоторые термины и исключив одну из целей уголовного преследования — применение принудительных мер помимо наказания.

В Модельном УПК стран СНГ²¹⁶ понятие «уголовное преследование» раскрыто в рамках другой концепции, в соответствии с которой «уголовное преследование — процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях установления деяния, запрещенного уголовным законом, и совершившего его лица, виновности последнего в совершении преступления, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания или других принудительных мер (п. 22 ст. 6). Таким образом, в Модельном УПК категория «уголовное преследование»

²¹⁶ Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств — участников СНГ. Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 года. — М.: Изд-во Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 1996. — 374 с.

охватывала всю процессуальную деятельность по уголовному делу, т.е. использовалась в значении «производство по уголовному делу». Данный вывод подтверждается также тем, что глава 4 Модельного кодекса, предусматривающая виды уголовного преследования (частное и публичное), имеет название «Публичный и частный порядки производства по уголовным делам».

Понятие «уголовное преследование» активно используется в уголовно-процессуальных законах стран СНГ, законодатели большинства из которых основывались именно на положениях Модельного УПК. Так, УПК Республики Казахстан²¹⁷ определяет «уголовное преследование» как процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях установления деяния, запрещенного уголовным законом, и совершившего его лица, виновности последнего в совершении преступления, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания или иных мер уголовно-правового воздействия (п. 13 ст. 7)²¹⁸. Думается, казахский законодатель также не до конца разобрался с правовой природой уголовного преследования, отождествив его с обвинением и включив тем самым в деятельность по обвинению лица «установление деяния, запрещенного уголовным законом». Некоторой оригинальностью отличается определение уголовного преследования, закрепленное в УПК Республики Армения²¹⁹, в котором предусмотрено, что «уголовное преследование — всякие процессуальные действия, осуществляемые органами уголовного преследования, а в установленных настоящим Кодексом случаях — потерпевшим в целях установления личности совершившего запрещенное Уголовным кодексом деяние, виновности последнего в совершении преступления, а также обеспечения применения к такому лицу наказания или других мер принуждения» (п. 17 ст. 6). Таким образом, уголовное преследование по уголовно-процессуальному законодательству стран СНГ рассматривается как процессуальная деятельность не только в отношении конкретного лица, но и по установлению события преступления, а также установлению самого лица, совершившего преступление.

²¹⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 г. № 206-1 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://law.vl.ru>, свободный. — Загл. с экрана.

²¹⁸ Указание на установление деяния, запрещенного уголовным законом (события преступления), как на одну из целей уголовного преследования содержится в УПК Республики Беларусь 1999 г. (п. 48 ст. 6), УПК Азербайджанской Республики 2000 г. (п. 7.0.4), УПК, а также в проекте УПК Туркменистана (п. 34 ст. 6).

²¹⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.base.spinform.ru>, свободный. — Загл. с экрана.

В международных правовых актах определение уголовного преследования не содержится; сам термин используется в значении «производство в отношении конкретного лица». Так, в одной из старейших международных конвенций, Европейской конвенции о выдаче²²⁰, закреплено, что «когда описание преступления, в совершении которого предъявлено обвинение, изменяется в ходе судопроизводства, возбуждение уголовного преследования в отношении выдаваемого лица или вынесение ему приговора возможно лишь постольку, поскольку новое описание преступления образует элементы преступления, позволяющего осуществить выдачу» (ч. 3 ст. 14). В Римском статуте Международного уголовного суда (далее сокращенно — Статут) данный термин противопоставляется термину «расследование преступления» как установление обстоятельств дела. В частности, п. в ч. 1 ст. 17 Статута предусматривает, что дело не может быть принято к производству Международного уголовного суда, если «дело расследовано государством, которое обладает юрисдикцией в отношении него, и это государство решило не возбуждать в отношении лица, которого это касается, уголовного преследования, за исключением случаев, когда это решение стало результатом нежелания или неспособности государства возбудить уголовное преследование должным образом»²²¹. В одной из последних Конвенций, подписанных Россией, Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма²²², «уголовное преследование» также используется, как понятие, отличное от понятия «расследование преступления»: «Государства-участники оказывают друг другу максимальную помощь в связи с расследованиями, уголовным преследованием или процедурами выдачи» (ч. 1 ст. 14)²²³.

²²⁰ Европейская конвенция о выдаче ETS № 24 (Париж, 13 декабря 1957 г.). Российская Федерация подписала Конвенцию 07 ноября 1996 г. // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 23. — Ст. 2348.

²²¹ Римский статут международного уголовного суда: принят 17 июля 1998 г. (г. Рим). Российская Федерация подписала Статут согласно распоряжению Президента РФ от 8 сентября 2000 г. № 394-рп [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Электрон. поисковая прогр. — М.: КонсультантПлюс, 2003. — Систем. требования P-11-300; 32 Мб ОЗУ; Microsoft Windows 2000/XP. — Загл. с экрана.

²²² Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма: принята резолюцией № A/Res/59/290 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 апреля 2005 г. Российская Федерация подписала Конвенцию 14 сентября 2005 г. [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Электрон. поисковая прогр. — М.: КонсультантПлюс, 2003. — Систем. требования P-11-300; 32 Мб ОЗУ; Microsoft Windows 2000/XP. — Загл. с экрана.

²²³ В значении «производство в отношении конкретного лица» термин «уголовное преследование» также используется в: Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях

В литературе неоднократно приводилось *общеупотребительное значение* слова «преследовать»²²⁴: 1) следовать, гнаться за кем-нибудь с целью поимки, уничтожения; 2) неотступно следовать за кем-нибудь; 3) (перен.) не оставлять в покое, мучить; 4) (перен.) подвергать чему-нибудь неприятному, донимать чем-нибудь; 5) угнетать, притеснять, подвергать гонениям; 6) стремиться к чему-нибудь²²⁵. В этой связи, следует согласиться с Д.Д. Донским, что в общеупотребительном аспекте «разночтения в понимании указанного понятия несущественны»²²⁶. В целом, слово «преследование» характеризует активную деятельность по отношению к какому-либо лицу, которое выступает объектом такой деятельности, с целью ущемления его прав или интересов. С указанных позиций, преследование «факта» или «события» преступления не соответствует общепринятому значению данного слова, что является дополнительным аргументом против рассмотрения уголовного преследования как деятельности, включающей установление события преступления.

Юридическое значение слова «преследование» предусмотрено только в Словаре русского языка Академии наук СССР, согласно которому «преследовать» означает «привлекать к суду, предавать суду. *Преследовать по суду. Преследовать судебным порядком*»²²⁷. Данное значение, очевидно,

по гражданским, семейным и уголовным делам: заключена в г. Кишинев, 07 октября 2002 г. // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. — 2003. — № 2(41). — С. 82—130; Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 20 декабря 1988 г.). СССР ратифицировал Конвенцию Постановлением ВС СССР от 09.10.1990 г. № 1711-1) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. — М.: Международные отношения, 1994. — Вып. XLVII. — С. 133—157; Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам ETS № 030 (Страсбург, 20 апреля 1959 г.). Российская Федерация ратифицировала настоящую Конвенцию Федеральным законом от 25 октября 1999 г. N 193-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 23. — Ст. 2349.

²²⁴ См.: Еникеев З.Д. Актуальные вопросы уголовного преследования... — С. 86; Шалунов М. С. Указ. статья. — С. 88; Мартынич Е.Г. Указ. статья. — С. 5; Ворончихин М.А. Указ. соч. — С. 136—137; Донской Д.Д. Указ. соч. — С. 55—56; Картохина О.А. Указ. соч. — С. 105; Жук О.Д. Уголовное преследование... — С. 19; Малахова Л.И. Функция уголовного преследования... — С. 25; Асанов В. О содержании уголовного преследования / В. Асанов // Уголовное право. — 2000. — № 4. — С. 3.

²²⁵ Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. — 18-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1986. — С. 505; Даль В. Толковый словарь живого... — Т. 3. — С. 395.

²²⁶ Донской Д.Д. Указ. соч. — С. 56.

²²⁷ Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1983. — Т. 3. — С. 384.

сохранилось еще со времени действия УУС 1864 года. **Вместо с тем,** необходимо заключить, что легальное значение термина «уголовное преследование» в УПК РФ является *узкоспециальным* и не основано ни на общеупотребительном, ни на юридическом значении данного понятия.

Как справедливо отмечает Е.И. Тишковец, «законодательное определение уголовного преследования обоснованно лаконично, ибо пространственные дефиниции затрудняют уяснение положений закона гражданами. В то же время в научных исследованиях не только допустимо, но и необходимо более глубокое определение признаков, характеризующих содержание той или иной уголовно-процессуальной категории»²²⁸. По мнению Л.В. Головки, «новый УПК РФ не стал вникать в детали, что, пожалуй, правильно, и сконструировал некое обобщенное понятие уголовного преследования, никоим образом не опровергающее понятия доктринальные... При таком определении ученые могут продолжить свои дискуссии, наполняя его различным содержанием и предлагая его различное понимание, но для нас это уже не суть важно»²²⁹.

Таких, авторских, определений существует значительное множество. Несмотря на то что законодательное определение основано на указании цели уголовного преследования как процессуальной деятельности, авторские определения сформулированы, преимущественно, путем перечисления процессуальных действий, составляющих содержание уголовного преследования²³⁰.

Е.Л. Никитин указывает на «трудности, которые неизбежно возникнут при попытке дать доктринальное определение понятия «уголовное

²²⁸ Тишковец Е.И. Указ. соч. — С. 17.

²²⁹ Головка Л.В. Альтернативы уголовному преследованию... — С. 336.

²³⁰ См.: Лобанов А.П. Функции уголовного преследования и защиты в российском судопроизводстве: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / А.П. Лобанов. — М.: Науч.-исслед. ин-т МВД России, 1996. — С. 12; Халиулин А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (проблемы осуществления в условиях правовой реформы): Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / А.Г. Халиулин. — М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Ген. прок. РФ, 1997. — С. 39; Соловьев А.Б. Указ. статья. — С. 144; Савицкий В.М. Уголовный процесс: Словарь-справочник / В.М. Савицкий, А.М. Ларин. — М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 1999. — С. 180; Соловьев А. К вопросу о статусе прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса по УПК РФ / А. Соловьев, М. Токарева // Уголовное право. — 2002. — № 3. — С. 86; Козубенко Ю.В. Уголовное преследование: деятельность по реализации норм права или одна из форм такой деятельности? / Ю.В. Козубенко // Известия вузов. Правоведение. — 2005. — № 3. — С. 109; Петрикова С. В. Понятие уголовного преследования / С.В. Петрикова // Состояние и перспективы развития юридической науки: Мат.-лы Межд. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Удм. гос. ун-та. Ижевск, 30–31 марта 2006 г. — Ижевск: Детектив-Информ, 2006. — Ч. 2. — С. 61; Шманатова В.Е. Указ. соч. — С. 37.

преследование» и предложить возможный вариант его легальной формулировки»²³¹. Поэтому он считает возможным понимать «уголовное преследование» в узкоюридическом и широком смысле: в узкоюридическом смысле данное понятие подразумевает «деятельность должностных лиц прокурорского надзора (прокуроров и их помощников) и, в исключительных, установленных Законом, случаях — частных лиц (потерпевших) по изобличению перед органами правосудия лиц, совершивших преступления, и обращенном к суду требовании о признании их вины и назначении им справедливого наказания». В широком смысле, по его мнению, оно означает «сложную последовательную процессуальную деятельность государственных органов и их должностных лиц (органа дознания, следователя, начальника следственного отдела, прокурора) по раскрытию преступлений и изобличению лиц, совершивших преступления, сбору уголовно-судебных доказательств в отношении виновных, формулированию и доказыванию обвинения, обращении к суду с требованием о признании вины этих лиц, назначении им справедливого наказания, убеждении в этом суд и деятельность частных лиц (потерпевших от преступления) по реализации прав на уголовно-судебную защиту»²³². Очевидно, что Е.Л. Никитин предложил определения уголовного преследования, соответствующие различным концепциям его понимания: узкоюридическое — концепции уголовного иска, а широкое — концепции процессуальной деятельности. В то же время, как уже указывалось, в целях сохранения практической значимости данного понятия, необходимо исходить только из какой-либо одной сущности уголовного преследования.

Представляет интерес точка зрения Ю.Г. Хорищенко, который предлагает разграничивать понятия «уголовное преследование» и «уголовно-процессуальное преследование». Так, «уголовное преследование, по его мнению, необходимо понимать «как комплекс всех мер, предпринимаемых государством для обеспечения защиты прав и законных интересов граждан и организаций от преступного посягательства». В свою очередь, «уголовно-процессуальное преследование» автор предлагает рассматривать как процессуальную деятельность по изобличению лица в совершении преступления»²³³. Как представляется, понятие

²³¹ Никитин Е.Л. Указ. соч. — С. 66.

²³² Там же. — С. 84.

²³³ Хорищенко Ю.Г. Уголовное преследование как многоаспектное понятие: сущность и пределы / Ю.Г. Хорищенко // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Мат.-лы Межд. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. В 2 ч. — Екатеринбург: Изд.-во Урал. гос. ун-та, 2005. — Ч. 1. — С. 365–366.

«уголовное преследование» само по себе является процессуальным, и подмена понятий только приведет к образованию еще одного дополнительного значения у данной категории, в то время как обозначенный автором «комплекс мер» по своему содержанию охватывается понятием «правоохранительная деятельность».

Нельзя не согласиться с утверждением о том, что, «раскрывая главное в предмете, определение позволяет выделить данный предмет, отличить его от других предметов, предостерегает от смешения понятий, от путаницы в рассуждениях. И в этом огромная ценность определений в познании и практической деятельности»²³⁴. Между тем «огромная ценность» определения зависит от того, насколько полно и ясно оно раскрывает содержание соответствующего понятия. В науке логики разработаны специальные правила определения понятий, неукоснительное соблюдение которых позволяет образовывать предельно точные дефиниции²³⁵.

Представляется необходимым проанализировать дефиницию уголовного преследования, закрепленную в п. 55 ст. 5 УПК РФ, для установления ее соответствия логическим правилам построения определений.

Наиболее распространенным способом образования определений является определение через *род и видовое отличие*, при котором производится:

- 1) подведение определяемого понятия под более широкое по объему *родовое понятие* (род) и
- 2) указание *видового отличия*, т.е. признака, отличающего определяемый предмет (вид этого рода) от других видов, входящих в данный род²³⁶.
Логическими требованиями к определению понятий являются:
 1. Определение должно быть *соразмерным*, т.е. объем определяемого понятия должен быть равен объему определяющего.
 2. Определение *не должно заключать в себе круга*, т.е. при определении нельзя прибегать другому понятию, которое, в свою очередь, определяется при помощи первого.
 3. Определение должно быть *ясным*, т.е. указывать на известные признаки, не нуждающиеся в определении и не содержащие двусмысленности.

²³⁴ Кириллов В.И. Логика: Учебник для юрид. вузов / В.И. Кириллов, А.А. Старченко. — М.: Юристъ, 1998. — С. 47–48.

²³⁵ Дефиниция — суждение, раскрывающее содержание понятия (Кириллов В.И. Указ. соч. — С. 47.).

²³⁶ Кириллов В.И. Указ. соч. — С. 49.

4. Определение *не должно быть отрицательным*.

Согласно п. 55 ст. 5 УПК РФ под уголовным преследованием понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Очевидно, что данное определение образовано через род и видовое отличие, где:

- 1) *родовым понятием* выступает «*процессуальная деятельность*»;
- 2) *видовыми отличиями (признаками)* являются:
 - а) субъект процессуальной деятельности — сторона обвинения²³⁷;
 - б) цель процессуальной деятельности — изобличение в совершении преступления;
 - в) объект процессуальной деятельности — лицо, обладающее процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого.

Не останавливаясь на рассмотрении таких признаков определения, как субъект и объект процессуальной деятельности²³⁸, следует, вместе с тем, указать, что данное определение не отвечает, по крайней мере, одному из требований, указанных выше, а именно, требованию *ясности* определения. В частности, в нем в качестве цели процессуальной деятельности указано понятие, которое само по себе требует определения, — понятие «изобличение».

²³⁷ Точнее — «участники со стороны обвинения», так как сама «сторона» осуществлять процессуальную деятельность явно не может. Однако использование в УПК РФ именно первого понятия объясняется стремлением законодателя соблюсти одно из главнейших требований юридической техники к разработке нормативно-правовых актов — требование краткости и компактности изложения правовых норм при достаточной глубине и всесторонности отражения их содержания (См. подр.: Денисов Г.И. Юридическая техника: теория и практика / Г.И. Денисов // Журнал российского права. — 2005. — № 8. — С. 91.).

²³⁸ Считаю возможным не останавливаться на рассмотрении данных признаков, а также рассмотрении понятий «деятельность», «процессуальная деятельность» в связи с тем, что они достаточно подробно проанализированы в литературе (См.: Еникеев З.Д. Механизм уголовного преследования... — С. 37–45; Малахова Л.И. Уголовно-процессуальная деятельность: понятие, предмет и структура / Л.И. Малахова. — Воронеж: Истоки, 2003. — 134 с.; Жук О.Д. Субъекты уголовного преследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации / О.Д. Жук // Законодательство. — 2004. — № 5. — С. 71–76; Мельников Н. Уголовное преследование как самостоятельная государственно-властная деятельность прокуратуры / Н. Мельников // Уголовное право. — 2004. — № 4. — С. 109–111; Шишкина Е.В. Понятие, содержание и значение института уголовного преследования / Е.В. Шишкина, С.Г. Бандурин // Следователь. — 2005. — № 9. — С. 9–10; Белоусова Е.А. Указ. соч. — С. 17–19; Букина Н. Ю. — Указ соч. — С. 55–58; Ворончихин М.А. Указ. соч. — С. 21–27; Тишковец Е. И. Указ. соч. — С. 19–28; Шманатова В.Е. Указ. соч. — С. 18–20.).

Требование ясности, в частности, подразумевает, что «каждый применяемый в праве термин в идеале должен иметь свое, и только свое, оригинальное и притом единственное значение. Как правило, неясный термин появляется в законодательстве в результате механического переноса этого термина в его общелингвистическом значении в нормативный акт (т.н. модель лексико-семантического образования термина) и игнорирования законодателем разницы между общеязыковым и специально-правовым значениями данного термина. Вследствие этого обычно возникают логические нарушения в тексте нормативного акта»²³⁹. Таким образом, законодатель должен был не только дать определение термину «уголовное преследование», но и определить значение понятия «изобличение».

Необходимо отметить, что по проекту УПК ГПУ уголовное преследование должно было осуществляться «в целях установления виновности определенного лица в совершении преступления» (п. 28 ст. 12). Можно предположить, что законодатель, формулируя определение уголовного преследования в УПК РФ, заменил словосочетание «установление виновности» термином «изобличение», исходя из тождественности их значения. Но в чем тогда, по мнению законодателя, выражается семантическое преимущество использования термина «изобличение», а не «установление виновности»?

В толковых словарях «изобличать» означает «обличать, уличать, доказывать или обвинять уликой, доказательствами»²⁴⁰; «обнаруживать, показывать»²⁴¹; «сделать явной виновность кого-либо; выявить причастность к чему-либо предосудительному»²⁴². В Комментариях УПК РФ, составленном разработчиками Кодекса, указывается, что «слова «изобличение подозреваемого, обвиняемого» означают здесь доказывание виновности, обвинение уликами, доказательствами обвинительного свойства»²⁴³.

Н.Н. Китаев, исследовавший криминалистический аспект понятия «изобличение виновных», утверждает: «Семантика термина «изобли-

²³⁹ Картухин В.Ю. Отдельные аспекты использования юридической терминологии как средства законодательной техники в правотворчестве субъектов РФ / В. Ю. Картухин // Государственная власть и местное самоуправление. — 2005. — № 8. — С. 26.

²⁴⁰ Даль В. Толковый словарь... — Т. 2. — С. 31.

²⁴¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка... — С. 210.

²⁴² Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР.. — Т. 1. — С. 651.

²⁴³ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. — М.: Юристъ, 2003. — С. 56. См. также: Белоусова Е. А. Указ. соч. — С. 17.

чать» в русском языке изначально проста и однозначна: «винить доказательно» (Даль В.И. Т. 2. С. 596). Другими словами, вину предполагаемого преступника необходимо в каждом случае доказать. Сначала доказать (!) и лишь потом утверждать, что он изобличен»²⁴⁴. Данный вывод, кстати, соответствует первоначальной формулировке определения уголовного преследования в законопроекте УПК РФ, принятого Государственной Думой РФ 6 июня 1997 г. в первом чтении: «уголовное преследование — деятельность, осуществляемая прокурором, следователем, органом дознания, дознавателем с целью изобличения на основе собранных доказательств подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления» (п. 17 ст. 5)²⁴⁵. В действующем УПК РФ, как представляется, формулировка «в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого» подразумевает именно окончательный результат процесса доказывания виновности лица, при котором оно считается изобличенным, но еще не признано виновным в предусмотренном законом порядке.

Далее, Н.Н. Китаев указывает на то, что «термины «доказывание» и «изобличение», хотя и относятся к одному синонимическому ряду, но не идентичны, поскольку в настоящее время несут разную смысловую нагрузку, имеют различные оттеночные характеристики. Если понятие «доказывание» и его производные (доказательность, доказательство и др.) и в логике — науке о законах правильного мышления, и в доказательственном праве имеют логически выверенные и научно обоснованные содержание и объем, то «изобличение» — термин в значительной степени беллетризированный; на уровне логических определений и строгих научных дефиниций у него нет эквивалента»²⁴⁶. Н.Н. Китаев в своей работе приводит примеры определения термина «изобличение» в криминалистической литературе²⁴⁷, анали-

²⁴⁴ Китаев Н.Н. Вопросы теории и практики изобличения лиц, совершивших умышленное убийство: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.Н. Китаев. — Иркутск: Ирк. гос. ун-т, 1993. — С. 21.

²⁴⁵ О проекте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Государственной Думы РФ от 6 июня 1997 г. № 1498-П ГД // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 25. — Ст. 2895.

²⁴⁶ Китаев Н.Н. Указ. соч. — С. 21–22.

²⁴⁷ Н.Н. Китаев обобщает и реферировал их следующим образом: «В ситуациях, когда доказательств вины подозреваемого «недостаточно» (В. В. Донцов), т.е. когда вина подозреваемого не доказана, а лишь предполагается, следователю предписывают сделать все возможное, чтобы этого человека «изобличить». Для этого необходимо спланировать и осуществить соответствующую тактическую операцию — «изобличение» (А.В. Дулов). Суть такой операции — допрос подозреваемого с использованием «сильного психологического давления» (Н.И. Порубов)» (См.: Китаев Н.Н. Указ. соч. — С. 24.).

зирует их и, в результате, приходит к следующему выводу: «Изобличение виновных — категория оперативно-тактического мастерства следователя, отражающая соответствующий профессиональный аспект его процессуальной деятельности по раскрытию преступлений, в основном, в условиях конфликтной следственной ситуации, путем установления (доказывания) обстоятельств и фактов, релевантных в уголовно-правовом отношении... оно не должно использоваться в тексте процессуального закона, поскольку по своей эмоциональной насыщенности и с учетом трансформации своего изначального смыслового содержания выступает в настоящее время в качестве рудимента обвинительного уклона в расследовании»²⁴⁸.

В тексте действующего уголовно-процессуального закона данный термин, как представляется, не диссонирует, а, напротив, раскрывает основное направление деятельности стороны обвинения. По своему смыслу оно ближе к значению, в котором употреблялось в УУС 1864 года, а именно «доказывание виновности», чем к определению, приведенному Н.Н. Китаевым. Представляет интерес также тот факт, что по результатам проведенного анкетирования 55% опрошенных признали термин «изобличение» комплексным (процессуально-криминалистическим), который по своему значению охватывает не только процесс доказывания виновности лица, но и получение иных непроцессуальных криминалистически значимых данных о подозреваемом, обвиняемом.

Таким образом, понятие «изобличение» в законодательном определении уголовного преследования используется как тождественное термину «установление виновности», употребление которого для обозначения цели уголовного преследования, как представляется, противоречило бы принципу презумпции невиновности, согласно которому виновность лица в совершении преступления может быть установлена только вступившим в законную силу приговором суда (ч. 1 ст. 14 УПК РФ).

Это, как представляется, и является ответом на вопрос, почему законодатель при определении уголовного преследования отказался от использования категории «в целях установления виновности», предусмотренной Проектом УПК ГПУ. Другой причиной замены термина «установление виновности» на термин «изобличение» может являться то, что, поскольку уголовное преследование осуществляется как в отношении обвиняемого, так и в отношении подозреваемого, использование термина «установление виновности» по отношению к подозрева-

²⁴⁸ Китаев Н.Н. Указ. соч. — С. 27–28.

емому представляется некорректным²⁴⁹. Процессуальная деятельность по изобличению подозреваемого направлена на доказывание причастности лица к совершению преступления, а в результате — на установление «достаточных доказательств, дающих основания обвинения лица в совершении преступления» (ч. 1 ст. 171 УПК РФ). Это значит, что при подозрении «доказывание виновности» не осуществляется. Доказывание виновности в процессуальном смысле (то есть «собрание, проверка и оценка доказательств в целях установления виновности лица в совершении преступления, формы его вины и мотивов», что следует из системного толкования ст. 85 и п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) начинается с появлением у лица статуса обвиняемого. В этом отношении понятие «изобличение» является более подходящим. По своему содержанию оно охватывает как цель установления достаточности данных для обвинения лица в совершении преступления (привлечения его в качестве обвиняемого), так и цель установления виновности данного лица.

Категория «виновность», в свою очередь, также является достаточно дискуссионной. Как справедливо отмечает В.Г. Петропавловский, «если в материальном законе есть понятие вины, то закон процессуальный прямого определения виновности не содержит, как бы предполагая, что оно само собой известно»²⁵⁰. Т.Л. Сергеева, одна из первых предпринявшая попытку соотнести указанные понятия, основываясь на практике Верховного Суда РФ, указывала, что «пользуется термином «виновность» для обозначения общего основания уголовной ответственности и термином «вина» для обозначения субъективного ее основания»²⁵¹ и включала в содержание виновности такие элементы,

²⁴⁹ Необходимо отметить, что сочетание «виновность подозреваемого» впервые было употреблено в Постановлении Верховного Суда РФ (См.: О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1996. — № 2. — С. 1–5.) и после этого в решениях судебных органов не фигурировало. Несколько раз оно упоминалось в периодической литературе (См.: Куссмауль Р. Всякое прекращение уголовного преследования — реабилитирует / Р. Куссмауль // Российская юстиция. — 2000. — № 9. — С. 45; Воронин В. Порядок действий судьи при решении вопроса о заключении под стражу / В. Воронин // Российская юстиция. — 2002. — № 12. — С. 46; Чернов Р.П. Свидетельские показания как источник доказательств / Р.П. Чернов // Адвокат. — 2005. — № 5. — С. 98.). Однако, в целом, данное сочетание понятий не является общепринятым и не используется учеными-процессуалистами).

²⁵⁰ Петропавловский В.Г. Основные вопросы присяжных требуют уточнения / В.Г. Петропавловский // Российская юстиция. — 2006. — № 2. — С. 36.

²⁵¹ Сергеева Т.Л. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам / Т.Л. Сергеева. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — С. 11.

как общественная опасность, противоправность деяния и вину лица в его совершении; при этом «для установления виновности лица в совершении преступления необходимо установление всех признаков состава преступления»²⁵². В.Г. Даев разграничил понятия «вина» и «виновность» как материально-правовую и процессуальную категории: «если вина является материально-правовой категорией, выражает отношение субъекта преступления к преступному деянию и существует объективно (независимо от ее познания), то виновность выступает всегда в качестве результата общественно-правовой оценки поведения лица и, будучи процессуальной категорией, может быть определена лишь в результате познавательной деятельности»²⁵³. Б. Петелин рассматривал виновность как уголовно-процессуальный институт, элементом которого является «доказанность вины обвиняемого и подсудимого»²⁵⁴.

Итак, по вопросу соотношения понятий «виновность» и «вина» сформировалось 2 основных подхода: ряд авторов считают, что «виновность» является синонимом уголовно-правового понятия «вина»²⁵⁵; другие исследователи придерживаются мнения, что «виновность» включает установление не только вины, но и других элементов состава преступления²⁵⁶. Нельзя не согласиться с утверждением, что «наличие общекорневой основы понятий не означает еще одинаковости их содержания, которое зависит, в частности, от сферы использования понятия»²⁵⁷. Так, А.А. Толкаченко, обращая внимания на перечисле-

²⁵² Там же. — С. 46.

²⁵³ Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса / В.Г. Даев. — Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1982. — С. 57.

²⁵⁴ Петелин Б. Вина как объект доказывания / Б. Петелин // Советская юстиция. — 1982. — № 12. — С. 18.

²⁵⁵ Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н.Н. Полянский. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. — С. 246—248; Дагель П.С. Взаимодействие уголовного материального и процессуального права в регулировании общественных отношений / П.С. Дагель // Известия вузов. Правоведение. — 1972. — № 2. — С. 85; Михеенко М.М. Содержание предмета доказывания по уголовному делу / М.М. Михеенко // Проблемы правоведения. Респ. межвед. науч. сб. — Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1982. — Вып. 43. — С. 138; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под общ. ред. В.М. Лебедева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Спарк, 1997. — С. 128; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.М. Лебедев. — 3-е изд., доп. и испр. — М.: Юрайт-Издат, 2004. — С. 75.

²⁵⁶ Курс уголовного права. В 5 т. ... — Т. 1. — 624; Гордиенков А.Д. Предмет доказывания по делам об уклонении от уплаты таможенных платежей по новому УПК РФ / А.Д. Гордиенков // Российский следователь. — 2002. — № 11. — С. 5.

²⁵⁷ Савинов В.Н. О категориях вины и виновности в уголовном праве и процессе / В.Н. Савинов, А.С. Молодцов, Е.В. Благов // Вопросы взаимосвязи уголовного права и процесса:

ние в п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ понятий «виновность» и «формы вины», полагает, что «нет необходимости без нужды законодательно дублировать тождественное понятие в одном предложении. Следовательно, виновность — категория, не совпадающая с конкретной формой вины (умыслом или неосторожностью), являющаяся по своему объему понятием большим, чем только вина»²⁵⁸.

Наиболее обоснованной мне представляется точка зрения, согласно которой установление виновности означает установление «обстоятельств, определяющих лицо, совершившее преступление (субъект), и субъективную сторону преступления»²⁵⁹. Таким образом, «виновность» является уголовно-процессуальной категорией, в основе которой лежит установление субъективных признаков состава преступления (субъекта и субъективной стороны)²⁶⁰. Доказать виновность лица в совершении преступления означает установить в предусмотренном законом порядке, что преступление совершено виновно (умышленно или по неосторожности) вменяемым физическим лицом, достигшим возраста уголовной ответственности. Отсутствие хотя бы одного из указанных элементов (вины либо надлежащего субъекта) означает невиновность лица в совершении преступления, например, в случае совершения запрещенного уголовным законом деяния лицом, не достигшего возраста уголовной ответственности, несмотря на совершение им действий (объективная сторона преступления), причинивших вред охраняемым законом общественным отношениям (объект преступления)²⁶¹. Таким образом, изобличение как цель уголовного преследования заключается в установлении психического отношения к совершенному преступлению лица, способного понести наказание.

Межвузовский тематический сборник научных трудов. — Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1988. — С. 51.

²⁵⁸ Толкаченко А.А. Проблемы субъективной стороны преступления в практике военных судов / А.А. Толкаченко [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.suprcourt.ru/print_page.php?id=2606, свободный. — Загл. с экрана.

²⁵⁹ Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрид. лит., 1973. — С. 283; Уголовный процесс России. Особенная часть: Учеб. для студ. юрид. вузов и фак. / А.И. Александров, С.А. Величкин, Н.П. Кириллова и др.: Под ред. В.З. Лукашевича. — СПб.: Изд. дом С.-Петерб. ун-та, 2005. — С. 187—188.

²⁶⁰ Точнее, не всей субъективной стороны, а только вины как одного из ее признаков.

²⁶¹ В свою очередь, отсутствие объективных признаков преступления (объекта или объективной стороны) означает отсутствие события самого преступления (т.е. невозможность возбуждения производства *in rem*), что исключает установление виновности какого-либо лица в его совершении (т.е. возможность производства *in personam*).

В этой связи, необходимо отметить, что в Приказе Генерального прокурора РФ от 5 июля 2002 г. № 39 «Об организации прокурорского надзора за законностью уголовного преследования в стадии досудебного производства»²⁶² указывается, что изобличение лиц, виновных в совершении преступлений, и привлечение их к уголовной ответственности является *конечной целью* уголовного преследования (п. 1). То есть, можно предположить, что у уголовного преследования существуют промежуточные цели? Думается, что это, действительно, так. Можно выделить, по крайней мере, 3 промежуточные цели уголовного преследования:

- 1) привлечение лица в качестве обвиняемого;
- 2) составление обвинительного заключения с наибольшим объемом доказанного обвинения;
- 3) поддержание обвинения в суде в полном объеме.

Если стороной обвинения будут достигнуты все указанные промежуточные цели уголовного преследования, это означает, что достигнута и его конечная цель — полное изобличение лица в совершении преступления.

По мнению Е.И. Тишковец, «само по себе изобличение преступника не является целью уголовного процесса. Интересы общества и государства требуют, чтобы преступник понес заслуженное наказание», в связи с чем автор предлагает дополнить законодательное определение уголовного преследования положением о направленности уголовного преследования на «обеспечение неотвратимости наказания преступников за совершенные ими преступления»²⁶³. Однако, несмотря на то, что такое положение содержится в определении уголовного преследования в УПК большинства стран СНГ, назначение наказания осужденному, как представляется, не может рассматриваться как цель уголовного преследования. Результатом уголовного преследования (и поддержания обвинения в суде) может быть обвинительный приговор с освобождением лица от отбывания наказания (п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ) или без назначения наказания (п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ), что само по себе не означает бессмысленности предшествующего уголовного преследования лица. Думается, что в таком случае (например, при издании акта об амнистии) цель уголовного преследования достигнута — лицо изобличено в совершении преступления и признано виновным в его совер-

²⁶² Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Электрон. поисковая прогр. — М.: КонсультантПлюс, 2003. — Систем. требования Р-11-300; 32 Мб ОЗУ; Microsoft Windows 2000/XP. — Загл. с экрана.

²⁶³ Тишковец Е.И. Указ. соч. — С. 17.

шении; вместе с тем государство по каким-либо причинам²⁶⁴ считает возможным освободить его от отбывания наказания. Таким образом, целью уголовного преследования является именно изобличение лица в совершении преступления (т.е. установление его полной виновности), которое подтверждается судом в форме обвинительного приговора. Наказание при этом является одним из возможных, но не обязательных, последствий признания лица виновным.

Цель уголовного преследования, кроме того, является существенным признаком, отграничивающим данную процессуальную деятельность от иной процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в отношении подозреваемого, обвиняемого. Как уже отмечалось, в рамках функции обвинения могут осуществляться различные виды процессуальной деятельности. Безусловно, доминирующей является уголовное преследование, посредством которой функция обвинения и реализуется. Вместе с тем, следователь, дознаватель обязаны устанавливать обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие наказание; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (п.п. 5—7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Данная деятельность, как представляется, уголовным преследованием не является и собственного обозначения в российском уголовном судопроизводстве не имеет. Игнорирование законодателем правового регулирования данной деятельности объясняется ее невозможностью ограничивать или ущемлять права и свободы личности, вовлеченной в сферу уголовного процесса. По своему характеру она носит защитный характер и, как уже отмечалось, обусловлена назначением уголовного судопроизводства, однако назвать ее «защитой» не позволяет название функции, в рамках которой она осуществляется. Поэтому данную деятельность можно определить как *иную процессуальную деятельность*, осуществляемую стороной обвинения в целях обеспечения назначения уголовного судопроизводства в отношении подозреваемого, обвиняемого.

Подводя итог всему вышеизложенному, следует заключить, что, несмотря на неоднозначность толкования понятия «изобличение», оно является уникальным, традиционно используемым как в уголовно-процессуальном законодательстве, так и в научной литературе в течение более чем века. По своему содержанию оно охватывает процессуальную деятельность, осуществляемую и в отношении обвиняемого,

²⁶⁴ Например, на основании амнистии в связи 55-летием победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

и в отношении подозреваемого. В силу этого, понятие «изобличение» представляется незаменимым в структуре законодательного определения уголовного преследования.

Как справедливо отмечает А. Ушаков, «несовершенство языка уголовного закона отчасти можно объяснить сложностью самого языка»²⁶⁵. Понятие «изобличение» является емким по своему смыслу, его уголовно-процессуальное значение только формируется. Представляется, что со временем данное понятие станет узко-специальным юридическим термином, обладающим конкретным научным значением.

Выводы:

1. Законодательная дефиниция уголовного преследования, закрепленная в п. 55 ст. 5 УПК РФ, соответствует логическим правилам построения определений, а именно она образована через род и видовое отличие. Вместе с тем, указанная дефиниция не в полной мере отвечает такому требованию к определению понятий, как требование ясности. В частности, в нем в качестве цели процессуальной деятельности указано понятие, которое само по себе требует определения, — понятие «изобличение».
2. По своему правовому значению понятие «изобличение» является идентичным понятию «установление виновности», употребление которого для обозначения цели уголовного преследования противоречило бы принципу презумпции невиновности. Понятие «виновность» не совпадает с понятием «вина» в уголовном праве, и является уголовно-процессуальной категорией, в основе которой лежат субъективные признаки состава преступления (субъект и субъективная сторона). Доказать виновность лица в совершении преступления означает установить в предусмотренном законом порядке, что преступление совершено виновно (умышленно или по неосторожности) вменяемым физическим лицом, достигшим возраста уголовной ответственности.
3. В целом, законодательное определение уголовного преследования следует признать логически корректным, по своему содержанию вполне подходящим для обозначения процессуальной деятельности, реализующей функцию обвинения в уголовном судопроизводстве. Несмотря на простоту своей конструкции, оно содержит наиболее существенные признаки, которые позволяют рассматривать «уголовное преследование» как самостоятельный юридический термин, способный быть названием нового института уголовно-процессуального права.

²⁶⁵ Ушаков А. Каким должен быть язык уголовного закона / А. Ушаков // Социалистическая законность. — 1974. — № 10. — С. 57.

§ 3. Содержание института уголовного преследования

Анализ положений УПК РФ позволяет выявить ряд проблем, связанных с признанием уголовного преследования в качестве самостоятельного правового института. Уголовное преследование, являясь процессуальной деятельностью стороны обвинения, включает в себя возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, применение мер процессуального принуждения, проведение следственных действий и другие процессуальные действия, которые, составляя содержание института уголовного преследования, сами по себе всегда рассматривались как самостоятельные институты уголовно-процессуального права. В связи с этим, институт уголовного преследования следовало бы признать дублирующим по отношению к уже существующим (институту возбуждения уголовного дела, институту мер пресечения, институту обвинения и др.), что порождает проблему юридико-технического оформления института уголовного преследования в действующем уголовно-процессуальном законе.

В литературе по теории государства и права указывается, что «все институты права подразделяются на *простые* и *сложные* (включающие в свой состав другие институты)»²⁶⁶. Кроме того, правоведами выделяются так называемые «общие правовые институты», которые регулируют не какой-то самостоятельный вид общественных отношений, а «отдельные стороны» отношений в рамках существующих правовых институтов, в которых «нет какого-то особого предмета правового воздействия», но имеются «общие моменты»²⁶⁷. Таким образом, специфика правового института уголовного преследования заключается в нестандартной форме его юридико-технического закрепления в УПК РФ. Институт уголовного преследования является сложным, комплексным, общим институтом российского уголовного судопроизводства, который включает в свою структуру иные процессуальные институты, регулирующие отдельные аспекты процессуальной деятельности стороны обвинения в процессе изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Правовые институты, входящие в структуру общего института уголовного преследования, составляют его содержание. Рассмотрение

²⁶⁶ Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. М.М. Рассолова, В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000. — С. 257.

²⁶⁷ Якушев В.С. О понятии правового института / В.С. Якушев // Известия вузов. Правоведение. — 1970. — № 6. — С. 63.

непосредственно содержания уголовного преследования как института права первым предпринял З.Д. Еникеев. В содержание уголовного преследования он включил: «институт разъяснения понятий уголовного преследования и его элементов, институты принципов и субъектов уголовного преследования, институт возбуждения уголовного преследования, институт подозрения и обвинения, институты подследственности и общих условий уголовного преследования, институт отказа в уголовном преследовании, институты приостановления, окончания уголовного преследования и возмещения ущерба, причиненного преступлением, институты мер процессуального принуждения, доказания, предупреждения и пресечения преступлений. Этих институтов столько, что их совокупность может быть признана *подотраслью* (выделено мной — Р.М.) уголовно-процессуального права»²⁶⁸.

Трудно согласиться с последним утверждением З.Д. Еникеева²⁶⁹. Вновь обращаясь к теории государства и права, следует отметить, что подотрасли той или иной отрасли права «регулируют отдельные массивы общественных отношений, характеризующихся своей спецификой и известной родовой обособленностью»²⁷⁰, при этом подотрасль права «постепенно развивается в направлении к обособлению в качестве новой самостоятельной отрасли права»²⁷¹. Так, примером подотрасли в рамках гражданского права является авторское, жилищное, наследственное право (которые в настоящее время уже практически оформились в самостоятельные отрасли права). Уголовное преследование трудно рассматривать как явление «обособленное» в системе уголовного процесса, стремящееся к образованию какой-то новой отрасли. Уголовное преследование, напротив, является «движущей силой уголовного процесса»²⁷².

Кроме того, представляется спорным и мнение З.Д. Еникеева о том, что все перечисленные процессуальные институты «обслуживают только сферу уголовного преследования»²⁷³. Так, возникает вопрос, какие именно из процессуальных понятий следует считать «понятиями уго-

²⁶⁸ Еникеев З.Д. Механизм уголовного преследования... — С. 29.

²⁶⁹ Следует заметить, что в своей предыдущей монографии, посвященной уголовному преследованию, З.Д. Еникеев рассматривал его как институт уголовно-процессуального права (См.: Еникеев З.Д. Уголовное преследование... — С. 5.).

²⁷⁰ Матузов Н.И. Указ. соч... — С. 311.

²⁷¹ Нерсесянц В.С. Указ. соч. — С. 432.

²⁷² Строгович М.С. Уголовный процесс... — С. 86.

²⁷³ Еникеев З.Д. Механизм уголовного преследования... — С. 29.

ловного преследования», которые не имели бы общепроцессуального значения? Что касается «института принципов уголовного преследования», то они выработаны автором самостоятельно и не предусмотрены УПК РФ, поэтому не могут образовывать «совокупность правовых норм», а должны рассматриваться только как теоретические рекомендации (вплоть до их законодательного закрепления). «Институт подследственности» не может рассматриваться как элемент уголовного преследования, так как подследственность обычно определяется еще до возбуждения уголовного дела (а значит, до начала уголовного преследования). «Институт мер процессуального принуждения» также выходит за рамки исключительно уголовного преследования как процессуальных отношений между стороной обвинения и подозреваемым, обвиняемым, так как данные меры могут применяться и в отношении иных участников уголовного судопроизводства²⁷⁴. Наконец, «институт доказательств» имеет связь с уголовным преследованием только в той части, в какой собранные по делу доказательства устанавливают виновность лица в совершении преступления, форму его вины и мотивы (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ); в остальной части доказательства по уголовному делу носят не изобличающий (устанавливающий виновность) характер, а исследовательский (т.е. устанавливают событие преступления и обстоятельства, связанные с ним), а также влияют на назначение судом вида и размера наказания в случае признания лица виновным²⁷⁵.

Некоторые авторы пишут о содержании уголовного преследования как процессуальной деятельности. Однако учитывая, что такая деятельность сама по себе регулируется отдельными, как правило, одноименными, правовыми институтами, представляется возможным рассматривать ее именно как содержание института уголовного преследования.

Так, З.З. Зинатуллин указывает, что «по своему содержанию уголовным преследованием охватывается весь возможный комплекс действий и отношений, связанных с задержанием лица по подозрению в совершении преступления, применением мер уголовно-процессуального пресечения, производством комплекса действий, связанных с собиранием, исследованием и оценкой средств доказывания

²⁷⁴ В содержание института уголовного преследования включаются отдельные меры пресечения, что будет рассмотрено далее.

²⁷⁵ Как справедливо отмечается в одном из комментариев УПК РФ, «обстоятельства, отрицательно характеризующие лицо, могут иметь значение для индивидуализации наказания, но не для установления виновности» (См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / Под общ. ред. В.М. Лебедева... — С. 129.).

(доказательств, их источников и способов получения и использования доказательств), направленных на его изобличение, обоснование уголовной ответственности и осуждения, а также обеспечение правового режима отбывания назначенного по приговору суда наказания»²⁷⁶. Соглашаясь с таким подходом в целом, трудно согласиться с включением в содержание института уголовного преследования правовых норм, обеспечивающих правовой режим отбывания наказания²⁷⁷. Цель уголовного преследования на данном этапе, совершенно очевидно, уже достигнута — лицо изобличено в совершении преступления; дальнейшее правовое воздействие на такое лицо осуществляется в целях исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений (ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ²⁷⁸). Как справедливо указывает О.Д. Жук, «режим фактического отбывания наказания... не может входить в содержание уголовного преследования, а представляет собой его результат»²⁷⁹.

Е.И. Тишковец, в свою очередь, предлагает классифицировать содержание уголовного преследования по предметному признаку:

- 1) процессуальные решения и процессуальные действия, которые базируются на результатах действий, осуществляемых работниками следствия и дознания в ходе доследственной проверки и на результатах следственных действий, направленных на изобличение подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления (например, принятие решения о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица (ст.ст. 140–145 УПК РФ) и процессуальное действие — возбуждение уголовного дела (ст.ст. 146–147, 149 УПК РФ);
- 2) следственные действия, которые осуществляются в отношении подозреваемого и направлены на получение доказательств виновности указанных лиц в совершении преступления;
- 3) процессуальные решения о принятии мер процессуального принуждения в отношении подозреваемых или обвиняемых и сами меры процессуального принуждения²⁸⁰.

А. Г. Халиулин в содержание уголовного преследования включает следующие действия и решения:

²⁷⁶ Зинатуллин З.З. Общие проблемы обвинения и защиты... — С. 7–8.

²⁷⁷ Обеспечение правового режима отбывания наказания в содержание уголовного преследования также включает М.А. Ворончихин (См.: Ворончихин М.А. Указ. соч. — С. 17.).

²⁷⁸ Сборник законодательства РФ. — 1997. — № 2. — Ст. 198.

²⁷⁹ Жук О.Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования... — С. 85.

²⁸⁰ Тишковец Е.И. Указ. соч. — С. 26–27.

- 1) возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица;
- 2) производство следственных действий, направленных на собирание в отношении конкретного лица обвинительных доказательств;
- 3) выдвижение в отношении конкретного лица подозрения в совершении преступления;
- 4) формулирование и предъявление обвинения в преступлении;
- 5) производство следственных действий, направленных на доказывание выдвинутого обвинения;
- 6) направление дела в суд с обвинительным заключением;
- 7) поддержание обвинения перед судом²⁸¹.

О.Д. Жук, поддерживая мнение А.Г. Халиулина, отмечает, что «функция уголовного преследования не реализуется на так называемых процессуальных стадиях, а также в рамках стадии исполнения приговора и стадии возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств»²⁸², и включает в содержание уголовного преследования:

- 1) принятие решений, которыми лицу предоставляется статус подозреваемого и обвиняемого;
- 2) производство следственных действий, в результате которых были получены обвинительные доказательства;
- 3) избрание в отношении лица мер пресечения;
- 4) санкционирование прокурором решений следователя (дознателя) о производстве следственных действий, в результате которых были получены обвинительные доказательства;
- 5) санкционирование прокурором ходатайств следователя (дознателя) об избрании меры пресечения, если это возможно, не иначе как по судебному решению;
- 6) утверждение прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта);
- 7) участие представителей стороны обвинения (уголовного преследования) в производстве в суде первой и апелляционной инстанций²⁸³.

В содержание уголовного преследования О.Д. Жук включает также деятельность прокурора при кассационном рассмотрении дела²⁸⁴

²⁸¹ Халиулин А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации... — С. 47.

²⁸² Жук О.Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования... — С. 86.

²⁸³ Жук О.Д. Там же. — С. 87.

²⁸⁴ См., напр.: Жук О.Д. Осуществление прокурором уголовного преследования в суде кассационной инстанции по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 210 УК РФ / О.Д. Жук // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2004. — № 2. — С. 340–348.

и при рассмотрении дела в порядке надзора²⁸⁵. Как считает автор, «во всех этих ситуациях прокурор представляет доводы, подтверждающие виновность (или большую виновность) лица»²⁸⁶. Г.Н. Королев полагает, что уголовное преследование «продолжается в судах апелляционной и кассационной инстанций» и «завершается после вступления приговора в законную силу»²⁸⁷.

Продолжение уголовного преследования при *апелляционном и кассационном рассмотрении дела*, как представляется, возможно только в случае неполного, по мнению стороны обвинения, изобличения лица в совершении преступления в суде первой инстанции. Как уже отмечалось, цель уголовного преследования — изобличение лица в совершении преступления тождественно понятию «установление виновности»; для стороны обвинения свидетельством достижения цели своей деятельности является обвинительный приговор, в котором суд признает лицо виновным по всем пунктам обвинения, предъявленного органами уголовного преследования. Если по какому-либо эпизоду или квалифицирующему признаку совершенного преступления суд не соглашается со стороной обвинения, цель уголовного преследования нельзя считать достигнутой. Поэтому о продолжении уголовного преследования на дальнейших стадиях уголовного судопроизводства можно говорить в том случае, если сторона обвинения не удовлетворена решением суда первой инстанции относительно квалификации преступления, указанной судьей в резолютивной части приговора²⁸⁸, и обжалует приговор в связи с необходимостью увеличения объема обвинения либо применения уголовного закона о более тяжком преступлении. Анализ оснований отмены или изменения судебных решений в кассационном (апелляционном) порядке позволяет заключить, что дальнейшее установление виновности осужденного лица может происходить только при обжаловании приговора в связи с несоответствием

²⁸⁵ Однако по непонятным причинам автор не указывает их в общем перечне элементов содержания уголовного преследования (См.: Жук О.Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования... — С. 86–87; Он же. Уголовное преследование... — С. 35.).

²⁸⁶ Жук О.Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования... — С. 87.

²⁸⁷ Королев Г.Н. Прокурорское уголовное преследование... — С. 355.

²⁸⁸ На практике нередки случаи, когда прокурором в суд направляется уголовное дело, в котором предъявленное обвинение не в полной мере подтверждается собранными по делу доказательствами. В таких случаях вынесение судом приговора с квалификацией действий осужденного по уголовному закону о менее тяжком преступлении может устраивать государственного обвинителя, вследствие чего апелляционная (кассационная) жалоба на принятое решение им подаваться не будет.

выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой или апелляционной инстанции (ст. 380 УПК РФ).

Выводы суда, изложенные в приговоре, представляют собой результат оценки исследованных по делу доказательств, т.е. результат последнего этапа процесса доказывания. Несоответствие выводов суда первой инстанции фактическим обстоятельствам дела означает порок процесса доказывания, выражающийся, применительно к установлению виновности лица в следующем:

- 1) выводы суда о полной или частичной невинности осужденного²⁸⁹, не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании (п. 1 ст. 380 УПК РФ);
- 2) суд не учел обстоятельства, которые обосновывали виновность осужденного в совершении отдельных эпизодов преступления либо преступления с квалифицирующими признаками (п. 2 ст. 380 УПК РФ);
- 3) при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда относительно виновности осужденного, в приговоре не указано, по каким основаниям суд принял одни из этих доказательств и отверг другие (п. 3 ст. 380 УПК РФ);
- 4) выводы суда, изложенные в приговоре, содержат существенные противоречия, которые повлияли или могли повлиять на решение вопроса о виновности осужденного (п. 4 ст. 380 УПК РФ).

Что касается других оснований отмены или изменения судебного решения в кассационном (апелляционном) порядке, то они не связаны с дальнейшим изобличением лица в совершении преступления. В частности, нарушение уголовно-процессуального закона (ст. 381 УПК РФ) и неправильное применение уголовного закона (ст. 382 УПК РФ) означает нарушение законодательства и влечет принятие мер прокурором как должностным лицом, осуществляющим надзор за его надлежащим исполнением. Обстоятельства, касающиеся назначения судом вида и размера наказания осужденному, как уже отмечалось, к изобличительной деятельности стороны обвинения не относятся, а потому апелляционное (кассационное) обжалование приговора суда первой инстанции по основанию несправедливости приговора (ст. 383 УПК РФ) осуществляется прокурором также в рамках прокурорского надзора.

²⁸⁹ Под частичной невинностью осужденного в настоящей работе понимается неустановленная виновность лица в совершении отдельных эпизодов преступления либо в совершении преступления с квалифицирующими признаками.

Об осуществлении уголовного преследования при пересмотре вступившего в законную силу решения суда *в порядке надзора до* недавнего времени утверждать было нельзя в связи с требованием ст. 405 УПК РФ о недопустимости в данной стадии уголовного судопроизводства «поворота к худшему». Однако с принятием Конституционным Судом РФ Постановления от 11 мая 2005 г. № 5-П²⁹⁰ положение изменилось. Согласно данному Постановлению ст. 405 УПК РФ признана не соответствующей Конституции РФ «в той мере, в какой она в системе действующего уголовно-процессуального регулирования пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда, не допуская поворот к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора по жалобе потерпевшего (его представителя) или по представлению прокурора, не позволяет тем самым устранить допущенные в предшествующем разбирательстве существенные (фундаментальные) нарушения, повлиявшие на исход дела». Таким образом, процессуальная деятельность государственного обвинения на стадии надзорного производства в настоящее время не связана действием ст. 405 УПК РФ, что позволяет утверждать о возможности продолжения уголовного преследования и при пересмотре вступивших в законную силу решений суда в порядке надзора.

Институт мер процессуального принуждения полностью не входит в содержание института уголовного преследования²⁹¹. В частности, иные меры процессуального принуждения могут применяться не только должностными лицами уголовного преследования, но и судом, что свидетельствует об их нефункциональной (не являющейся прерогативой исключительно функции обвинения) правовой природе. Согласно ч. 1 ст. 111 УПК РФ целью применения таких мер является обеспечение установленного Кодексом порядка уголовного судопроизводства. Вместе с тем, применение данных мер дознавателем или следователем *в досудебном производстве* означает обеспече-

²⁹⁰ По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», Общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан; Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 22. — Ст. 2194.

²⁹¹ Например, И.П. Дорноступ из всех мер процессуального принуждения в содержание уголовного преследования включает только задержание лица и избрание в отношении подозреваемого обвиняемого заключения под стражу (См.: Дорноступ И.П. Указ. соч. — С. 23.).

ние установленного порядка уголовного преследования; более того, применение иных мер процессуального принуждения, в соответствии с п. 5 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, влечет возникновение у лица права на защиту и свидетельствует о начале уголовного преследования. Такая мера процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ), как представляется, не охватывается целью уголовного преследования, так как применяется не для обеспечения самой процессуальной деятельности по изобличению лица в совершении преступления, а для обеспечения исполнения приговора, которое осуществляется в результате такого изобличения. Также данные меры направлены на обеспечение поддержания обвинения *в судебном производстве* (например, привод подсудимого, не содержащегося под стражей). Кроме того, по крайней мере, одна мера процессуального принуждения не может применяться к подозреваемому, обвиняемому ни в досудебном, ни в судебном производстве. Речь идет о денежном взыскании, предусмотренном п. 3 ч. 2 ст. 111 УПК РФ и регламентированном ст.ст. 117 и 118 УПК РФ.

Нельзя не согласиться с утверждением Е.А. Белоусовой о том, что «на первый взгляд, как не направленные на изобличение подозреваемого, обвиняемого меры процессуального принуждения, применяемые стороной обвинения, не могут рассматриваться в качестве составной части института уголовного преследования. Вместе с тем, осуществление функции уголовного преследования невозможно без применения мер уголовно-процессуального принуждения»²⁹². Конечно, применение мер процессуального принуждения является не обязанностью, а правом субъектов уголовного преследования (ч. 1 ст. 91; ч. 1 ст. 97; ч. 1 и 2 ст. 111 УПК РФ), однако по большинству дел те или иные меры процессуального принуждения, как правило, применяются (например, задержание само по себе означает начало осуществления уголовного преследования). Вместе с тем, нельзя исключать такие следственные ситуации, при которых применение мер процессуального принуждения ничем не вызвано: например, при производстве по делу небольшой или средней тяжести, возбужденному в отношении конкретного лица, которое соглашается с предъявленным обвинением и способствует расследованию. Очевидно, что применение процессуального принуждения в рассмотренной ситуации не является необходимостью. Поэтому следует признать, что уголовное

²⁹² Белоусова Е.А. Указ. соч. — С. 48.

преследование может осуществляться без применения каких-либо мер процессуального принуждения.

О.А. Картохина не включает меры процессуального принуждения в содержание уголовного преследования, считая, что «их основное назначение состоит не в изобличении виновного и доказывании его вины, а в обеспечении оптимальных условий для доказывания и достижения по уголовному делу истины. Аргументом в подтверждение такого мнения могут служить положения УПК РФ о том, что судья (не являющийся органом уголовного преследования) при поступлении к нему уголовного дела должен выяснить в отношении каждого обвиняемого, подлежит ли отмене или изменению избранная мера пресечения (ст. 228 УПК РФ). Если же меры пресечения отнести составной частью уголовного преследования, то судья автоматически становится на сторону обвинения, что недопустимо»²⁹³. Действительно, суд не только имеет право отменить или изменить меру пресечения по поступившему уголовному делу, но и является субъектом ее избрания (ч. 1 ст. 97 УПК РФ). Однако, как представляется, целью суда при избрании или изменении меры пресечения является обеспечение эффективности собственной процессуальной деятельности по осуществлению правосудия, а не процессуальной деятельности по уголовному преследованию лица. Следует согласиться с мнением В.Е. Шманатовой, которая полагает, что меры пресечения «имеют правообеспечительный, а не обвинительный характер»²⁹⁴. В этой связи представляется справедливым утверждение А.М. Баксаловой о том, что меры пресечения «не имеют прямой направленности на изобличение лица в совершении преступления, но они являются гарантией его успешного осуществления»²⁹⁵.

Таким образом, меры процессуального принуждения являются факультативным элементом уголовного преследования, зависящим от оказания противодействия органам уголовного преследования со стороны подозреваемого, обвиняемого²⁹⁶. Применение мер процессуального принуждения само по себе не способствует установлению

²⁹³ Картохина О.А. Указ. соч. — С. 36.

²⁹⁴ Шманатова В.Е. Указ. соч. — С. 20.

²⁹⁵ Баксалова А.М. Уголовно-процессуальная функция обвинения, осуществляемая прокурором, и ее реализация на судебном следствии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.М. Баксалова. — Томск: Том. гос. ун-т, 2002. — С. 14.

²⁹⁶ В определении уголовного преследования по УПК Азербайджанской Республики, например, указано, что меры процессуального принуждения применяются в уголовном преследовании «при необходимости» (п. 7.4.).

виновности лица, однако обеспечивает процессуальную деятельность стороны обвинения, направленную на изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

В уголовно-процессуальной литературе в содержание уголовного преследования отдельные авторы также включают:

- 1) формулирование в отношении определенного лица подозрения, составление обвинительного заключения, утверждение обвинительного заключения прокурором²⁹⁷;
- 2) проведение иных процессуальных действий, допускаемых в уголовном процессе без регламентации их производства уголовно-процессуальным законом (истребование документов, получение объяснений, производство ревизий, инвентаризаций и иные)²⁹⁸;
- 3) анализ собранных доказательств о совершении преступления обвиняемым и составление обвинительного заключения (обвинительного акта)²⁹⁹;
- 4) установление отягчающих и смягчающих вину обстоятельств³⁰⁰;
- 5) обвинительную деятельность в отношении любого иного лица при производстве следственных действий, направленных на изобличение его в совершении преступления³⁰¹;
- 6) принятие мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением; реализация мер по ликвидации причин и условий, способствовавших совершению преступления³⁰²;
- 7) участие государственного обвинителя в предварительном слушании³⁰³;
- 8) обращение в суд и поддержание обвинения частными лицами, пострадавшими от преступления, по делам частного обвинения³⁰⁴.

Резюмируя все вышеизложенное, в содержание института уголовного преследования необходимо включать правовые нормы, регулирующие

²⁹⁷ Донской Д.Д. Указ. соч. — С. 63.

²⁹⁸ Картохина О.А. Указ. соч. — С. 35.

²⁹⁹ Меженникова Л.А. Уголовная ответственность и уголовное преследование / Л.А. Меженникова // Проблемы юридической ответственности: история и современность. Статьи по итогам Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. Г.Н. Чеботарева. — Тюмень. — Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2004. — Ч. 1. — С. 175.

³⁰⁰ Лобанов А.П. Указ. соч. — С. 12.

³⁰¹ Дорноступ И.П. Указ. соч. — С. 23.

³⁰² Кучин А.Ф. Указ. соч. — С. 9.

³⁰³ Баксалова А.М. Указ. соч. — С. 14.

³⁰⁴ Никитин Е.Л. Указ. соч. — С. 102.

ющие производство следующих процессуальных действия и принятие следующих процессуальных решений:

- 1) возбуждение уголовного преследования (посредством возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица либо привлечения лица к уголовному преследованию в результате наделения его процессуальным статусом подозреваемого, обвиняемого);
- 2) доказывание причастности подозреваемого к совершению преступления и установление основания для обвинения лица в совершении преступления путем производства следственных и иных процессуальных действий;
- 3) привлечение лица в качестве обвиняемого на предварительном следствии (вынесение обвинительного акта на дознании), предъявление обвинения (обвинительного акта);
- 4) доказывание виновности обвиняемого в совершении преступления, форм его вины и мотивов путем производства следственных и иных процессуальных действий;
- 5) применение к подозреваемому, обвиняемому мер пресечения, обеспечивающих изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления;
- 6) обобщение всего объема предъявленного по уголовному делу обвинения в обвинительном заключении, утверждение обвинительного заключения (обвинительного акта) прокурором и направление им дела в суд;
- 7) поддержание обвинения в суде (путем участия государственного обвинителя в предварительном слушании, судебном следствии и прениях сторон);
- 8) обращение в суд и поддержание обвинения частными лицами, пострадавшими от преступления, по делам частного обвинения;
- 9) обжалование участниками со стороны обвинения приговора в апелляционном (кассационном) порядке по основанию несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела;
- 10) обжалование участниками со стороны обвинения вступившего в законную силу приговора суда в порядке надзора;
- 11) прекращение уголовного преследования (в досудебном и судебном производствах).

Выводы:

1. Институт уголовного преследования необходимо рассматривать как сложный, комплексный, общий институт уголовно-процессуального

права, регулирующий производство следственных и иных процессуальных действий, а также принятие процессуальных решений прокурором, руководителем следственного органа, следователем, дознавателем и частным обвинителем по установлению причастности подозреваемого к совершенному преступлению, виновности обвиняемого в его совершении, обеспечению данной деятельности мерами процессуального принуждения, поддержанию обвинения в суде, обжалованию вынесенного приговора в апелляционном (кассационном) и надзорном порядках.

2. Правовые институты, входящие в структуру общего института уголовного преследования, составляют его содержание. К ним, в частности, относятся: институт возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, институт следственных действий, институт подозрения, институт обвинения, институт обжалования судебных решений и др. Что касается института мер процессуального принуждения, то данные меры являются факультативным элементом уголовного преследования, зависящим от оказания противодействия органам уголовного преследования со стороны подозреваемого, обвиняемого. Применение мер процессуального принуждения само по себе не способствует установлению виновности лица, однако обеспечивает процессуальную деятельность стороны обвинения, направленную на изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.
3. Институт уголовного преследования не является исключительно теоретической конструкцией науки уголовно-процессуального права. Включив данную категорию в текст УПК РФ, законодатель наделил ее огромным потенциалом в правовом регулировании отдельных аспектов процессуальной деятельности стороны обвинения. Возможные правовые способы реализации данного потенциала будут изложены в следующей главе настоящей работы, рассматривающей уголовное преследование как практическую деятельность стороны обвинения.

Глава III

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ

§ 1. Классификация уголовного преследования

Уголовное преследование как процессуальная деятельность осуществляется исключительно в рамках производства по уголовному делу, а потому связано уголовно-процессуальной формой судопроизводства. И наоборот, особенности уголовного преследования по отдельным категориям уголовных дел либо в отношении отдельных категорий лиц предопределяют дифференциацию уголовно-процессуальной формы. Кроме того, уголовное преследование, как уже указывалось, неоднородно по своему содержанию. Все это позволяет говорить о сложном, многофакторном, комплексном характере уголовного преследования³⁰⁵, проявляющемся в том, что уголовное преследование имеет свои этапы, виды и формы осуществления.

Являясь «движущей силой уголовного процесса», уголовное преследование осуществляется на всем протяжении производства по уголовному делу. Вместе с тем, в науке уголовного процесса «движение» производства по уголовному делу традиционно рассматривается в рамках учения о стадиях уголовного судопроизводства, под которыми понимаются взаимосвязанные, но относительно самостоятельные части процесса, характеризующиеся «конкретными задачами, особым кругом участников процессуальной деятельности, спецификой процессуальной формы и видом принимаемых решений»³⁰⁶.

В современном уголовном процессе в основу определения назначения уголовного судопроизводства заложена идея защиты личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод. В

³⁰⁵ Еникеев З.Д. Уголовное преследование... — С. 6; Володина Л.М. Указ. статья. — С. 88; Хорищенко Ю.Г. Указ. статья. — С. 362–367; Шевченко И.А. Указ. соч. — С. 39; Шишкина Е. В. Понятие, содержание и значение института уголовного преследования... — С. 12; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.В. Мозякова. — М.: Экзамен XXI, 2002. — С. 39.

³⁰⁶ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса... 1968. — Т. I. — С. 66.

связи с этим, «движение» производства по уголовному делу необходимо связывать, с одной стороны, с усилением такого ограничения прав и свобод личности, а с другой — со степенью изобличения данной личности в совершении преступления. Все это, как представляется, позволяет выделить в рамках уголовного преследования самостоятельные этапы, характеризующие развитие правового положения лица, подвергнутого уголовному преследованию, в условиях усиления ограничения его прав и свобод.

Этапами уголовного преследования следует считать такие самостоятельные его части, в рамках которых лицо, подвергнутое уголовному преследованию, обладает процессуальным положением, соответствующим степени его изобличения в совершении преступления. Соответственно, на сегодняшний момент развития науки уголовного процесса данными этапами являются *подозрение* и *обвинение* лица в совершении преступления.

О «подозрении» и «обвинении» как этапах уголовного преследования уже упоминалось в литературе³⁰⁷. Например, И.А. Пантелеев отмечает, что «деятельность органов уголовного преследования по привлечению лица к уголовной ответственности включает в себя не один этап обвинения, а два, причем смежных и последовательных — подозрения и следующего за ним обвинения. Такой вывод основывается, прежде всего, на присущем уголовному процессу условию стадийности»³⁰⁸.

Однако многие современные исследователи подозрение и обвинение рассматривают в качестве «форм» уголовного преследования³⁰⁹.

В Философском энциклопедическом словаре «форма» определяется как «способ существования и выражения содержания»³¹⁰. Под «этапом» же понимается «отдельный момент, стадия какого-н. процесса»³¹¹, т.е.

³⁰⁷ См.: Еникеев З.Д. Механизм уголовного преследования... — С. 10; Мартыничук Е.Г. Указ. статья. — С. 5; Пантелеев И.А. Подозрение в уголовном процессе России: Учеб. пособие / И.А. Пантелеев. — Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2001. — С. 9–17; Никитин Е.Л. Указ. соч. — С. 101.

³⁰⁸ Пантелеев И.А. Указ. соч. — С. 9.

³⁰⁹ См.: Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А.М. Ларин. — М.: Юрид. лит., 1986. — С. 38–39; Жук О.Д. К вопросу о формах и видах уголовного преследования // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2004. — № 2. — С. 334–339; Шишкина Е.В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве / Е.В. Шишкина, С.Г. Бандурин, Н.А. Громов // Право и политика. — 2004. — № 12. — С. 87–88; Картохина О.А. Указ. соч. — С. 8.

³¹⁰ Философский энциклопедический словарь / Пл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. — М.: Сов. энцикл., 1983. — С. 621.

³¹¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка... — С. 791.

«этап» рассматривается в качестве синонима «стадии». Таким образом, «форма» должна характеризовать содержание уголовного преследования, которое составляют следственные и иные процессуальные действия. Надо полагать, что, независимо от того, идет ли речь о подозрении либо обвинении, содержание уголовного преследования остается неизменным, и поэтому называть «подозрение» и «обвинение» формами уголовного преследования представляется не совсем точным. Термин «этап» является более корректным, так как характеризует развитие уровня «субъект-субъектных» отношений между изобличаемым лицом и органами, осуществляющими его изобличение. Как справедливо отметил И.А. Пантелеев, «не может быть, чтобы подозрение против лица шло параллельно его же обвинению. Даже гипотетически это предположив, получим грубое нарушение всей системы уголовного процесса, элементы которой идут строго последовательно, стадия за стадией, один этап сменяет другой»³¹².

Формами уголовного преследования ученые-процессуалисты также называют «производство по применению принудительных мер медицинского характера» (А.Г. Халиулин)³¹³ и «протокольную форму досудебной подготовки материалов» (М.П. Кан)³¹⁴. В этой связи О.Д. Жук отмечает естественное стремление некоторых авторов соотнести понятие «форма уголовного преследования» с понятием «форма уголовного судопроизводства»³¹⁵.

Самим О.Д. Жуком уголовное преследование классифицировано на формы в зависимости от:

1) степени проявления уголовного преследования:

- подозрение;
- обвинение;

2) формы, в которой осуществляется производство по уголовному делу:

- уголовное преследование, осуществляемое в общем порядке;
- уголовное преследование при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением;
- уголовное преследование по уголовным делам частного обвинения;
- уголовное преследование по уголовным делам в отношении несовершеннолетних;

³¹² Пантелеев И.А. Указ. соч. — С. 9.

³¹³ Халиулин А. Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России / А.Г. Халиулин. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997 — С. 33—34.

³¹⁴ См.: Жук О.Д. К вопросу о формах и видах уголовного преследования... — С. 335.

³¹⁵ Жук О.Д. Там же. — С. 335.

- уголовное преследование при производстве о применении принудительных мер медицинского характера;
- уголовное преследование по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, перечисленных в ст. 447 УПК РФ³¹⁶.

Е.В. Шишкина, в целом соглашаясь с предложенным О.Д. Жуком подходом разграничения форм уголовного преследования, дополняет его еще одной формой — уголовным преследованием по уголовным делам частного-публичного обвинения³¹⁷. О.А. Картохина выделяет в качестве самостоятельной формы уголовное преследование иностранного гражданина³¹⁸.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что в приведенной классификации уголовного преследования, в зависимости от формы осуществления производства по уголовному делу, по сути, используются 2 различных основания: во-первых, порядок осуществления уголовного преследования и, во-вторых, непосредственно особенности уголовно-процессуальной формы.

Порядок осуществления уголовного преследования, согласно ч. 1 ст. 20 УПК РФ является основанием для выделения порядков (видов) уголовного преследования: публичного и частного³¹⁹. А.Г. Халиулин справедливо отмечает, что «понятие «вид уголовного преследования» указывает на то, по чьей инициативе возбуждается уголовное преследование и в соответствии с какой процедурой реализуется»³²⁰. Тем самым, «виды уголовного преследования» необходимо рассматривать как самостоятельную классификацию, не совпадающую с классификацией «форм уголовного преследования». В рамках отдельного вида уголовного преследования может осуществляться любая из форм уголовного преследования и, наоборот, конкретная форма уголовного преследования может иметь место в рамках обоих видов уголовного преследования (публичного и частного).

Особенности уголовно-процессуальной формы, в которой осуществляется производство по уголовному делу, возможно рассматри-

³¹⁶ Жук О.Д. Там же. — С. 335.

³¹⁷ Шишкина Е.В. Институт уголовного преследования... — С. 88.

³¹⁸ Картохина О.А. Указ. соч. — С. 141.

³¹⁹ Производство по уголовным делам частного-публичного обвинения, как представляется, самостоятельный вид уголовного преследования не образует (об этом см. подр. §3 настоящей главы).

³²⁰ Халиулин А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации... — С. 16.

вать в качестве основания классификации уголовного преследования со следующей оговоркой. Как справедливо указывает А.П. Гуськова, уголовно-процессуальная форма включает в себя: «1) нормы, устанавливающие условия и последовательность производства отдельных процессуальных действий и принятия решений; 2) нормы, устанавливающие порядок уголовного судопроизводства по делам в целом»³²¹. Поэтому полагаю, что в основе классификации уголовного преследования на формы должны находиться только особенности уголовно-процессуальной формы уголовного преследования как процессуальной деятельности, осуществляемой в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, но не производства по уголовному делу в целом.

С этих позиций, например, представляется дискуссионным отнесение О.Д. Жуком к числу форм уголовного преследования производства о применении принудительных мер медицинского характера. В предмет доказывания по уголовным делам данной категории, согласно ч. 2 ст. 434 УПК РФ, не входит установление виновности лица в совершении преступления, что означает отсутствие у стороны обвинения цели изобличения лица в этом. Потому данное производство является особым по своей уголовно-процессуальной форме, но в его рамках не осуществляется особая форма уголовного преследования.

Подводя итог всему вышеизложенному, следует заключить, что уголовное преследование как процессуальная деятельность может быть классифицировано по 3-м самостоятельным основаниям. Итак, уголовное преследование осуществляется:

1. *По своей структуре* — посредством 2-х этапов:
 - 1) подозрения;
 - 2) обвинения.
2. *По порядку осуществления* — в 2-х видах:
 - 1) публичное уголовное преследование;
 - 2) частное уголовное преследование.
3. *По особенностям уголовно-процессуальной формы* — в 4-х формах:
 - 1) уголовное преследование в общей форме;
 - 2) уголовное преследование в особых формах:
 - 2.1) уголовное преследование обвиняемого при его согласии с предъявленным обвинением;

³²¹ Гуськова А.П. К вопросу об уголовно-процессуальной форме и ее значении в реализации демократических начал российского судопроизводства / А.П. Гуськова // Ученые записки: Сб. науч. трудов. — Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2002. — Вып. 3. — С. 6.

- 2.2) уголовное преследование несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых;
- 2.3) уголовное преследование отдельных категорий лиц, обладающих иммунитетом от уголовного преследования.

§ 2. Этапы уголовного преследования

Вся деятельность по уголовному преследованию есть процесс повышения уровня изобличения лица в совершении преступления. Законодатель нормативно связывает данный процесс с процессуальными статусами подозреваемого и обвиняемого, наделение которыми лица, подвергнутого уголовному преследованию, является началом соответствующих этапов подозрения и обвинения, при этом, подозрение является процессуальной деятельностью, возможной исключительно в рамках стадии предварительного расследования; обвинение же осуществляется и на стадии предварительного расследования, и на стадии судебного разбирательства.

Осуществление уголовного преследования на этапах подозрения и обвинения направлено на *изобличение* лица в совершении преступления, что выражается:

- 1) на этапе подозрения — в доказывании *причастности* лица к совершению преступления;
- 2) на этапе обвинения — в доказывании *виновности* лица в совершении данного преступления.

Категории «*причастность*» и «*виновность*» необходимо рассматривать в уголовном судопроизводстве как оценочные понятия, характеризующие степень изобличения лица в совершении преступления. Так, ст. 145 Модельного УПК предлагает перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, среди которых указывались: 2) *причастность* к происшествию подозреваемого и обвиняемого; 4) *виновность* лица в совершении деяния, запрещенного уголовным законом. Кроме того, Модельным УПК предусматривается, что защитник не может вопреки позиции подзащитного признавать его *причастность* к происшествию и *виновность* в его совершении (ч. 2 ст. 104). Категория «*причастность*» использовалась разработчиками Модельного УПК также при формулировании одного из оснований задержания лица по подозрению в совершении преступления: «когда на этом лице, при нем, на его одежде или других используемых им вещах, в его жилище или транспортном средстве будут обнаружены явные следы, указыва-

ющие на его причастность к совершению запрещенного уголовным законом деяния» (п. 3 ст. 160).

В действующем УПК РФ законодатель, сохранив термин «причастность», не включил его в предмет доказывания по уголовному делу. Более того, «причастность» используется только в одной норме УПК РФ — в определении понятия «непричастность». Согласно п. 20 ст. 5 УПК РФ «непричастность — неустановленная причастность либо установленная непричастность лица к совершению преступления». Непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления является одним из оснований прекращения уголовного преследования (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

Само слово «причастность» означает «принадлежность к числу участвовавших в чем-нибудь»³²², «участие в чем-л., касательство к чему-л.»³²³, «связанность (обычно косвенная) с каким-н. делом, поступком, событием»³²⁴. Соответственно, причастность к совершению преступления означает:

- 1) участие в совершении преступления (в качестве исполнителя, соисполнителя);
- 2) принадлежность лица к числу иных соучастников преступления (организатора, подстрекателя, пособника);
- 3) связанность лица с совершением преступления (не обязательно участие в его совершении, например, заранее не обещанное укрытельство преступления).

Установление причастности конкретного лица к совершению преступления означает установление либо причинной связи между данным лицом и событием преступления, либо причинной связи между лицом и иными соучастниками преступления.

Таким образом, причастность лица к совершению преступления, не являясь самостоятельным обстоятельством, подлежащим доказыванию, должна устанавливаться по уголовному делу как условие обоснованности производства по уголовному делу в отношении конкретного лица. Доказанная причастность к совершению преступления является основанием для привлечения лица в качестве обвиняемого и дальнейшего доказывания его виновности в совершении преступления³²⁵. В случае, если на любом этапе уголовного преследования будет установ-

³²² Толковый словарь русского языка. В 3 т. — Т. 2. — С. 512.

³²³ Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР. — Т. 3. — С. 457.

³²⁴ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: Азбуковник, 2000. — Т. 2. — С. 463.

³²⁵ О понятии виновности см. §2 главы 2 настоящей работы.

лена непричастность лица к совершению преступления, то уголовное преследование данного лица подлежит прекращению.

2.1. Подозрение

Подозрение в научной литературе определяется как «выраженное в постановлении утверждение органа уголовного преследования о причастности лица к совершению расследуемого преступления при отсутствии достаточных доказательств для предъявления ему обвинения»³²⁶. Подозрение является необязательным этапом уголовного преследования³²⁷. В тех случаях, когда орган уголовного преследования располагает прямыми доказательствами причастности лица к совершению преступления, лицо может быть привлечено в качестве обвиняемого, минуя этап подозрения. Однако такие ситуации на практике крайне редки — всегда остается опасность обвинения в совершении преступления лица, не причастного к его совершению. Поэтому подозрение иногда называют этапом «предобвинения», т.е. этапом подготовки обвинения³²⁸.

Этап подозрения начинается с возбуждения уголовного преследования. Законодатель традиционно связывает возбуждение уголовного преследования с применением к лицу, в отношении которого имеются достаточные данные о причастности к совершению преступления, мер процессуального принуждения³²⁹:

- 1) задержание лица в соответствии со ст. 91, 92 УПК РФ;
- 2) применение к лицу меры пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ.

³²⁶ Пантелеев И. Указ. соч. — С. 36. О понятии подозрения как утверждении о причастности лица к совершению преступления также см.: Аверченко А.К. Подозреваемый и реализация его прав в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.К. Аверченко. — Томск: Том. гос. ун-т, 2001. — С. 15; Мельников В.Ю. Задержание подозреваемого как мера принуждения: от подозрения к подозреваемому / В.Ю. Мельников // Правоведение: известия вузов. — 2005. — № 2. — С. 95.

³²⁷ См.: Аверченко А.К. Указ. соч. — С. 9; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская... — С. 116; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. И.Л. Петрухин... — С. 147; Якимович Ю.К. Досудебное производство по УПК Российской Федерации (участники досудебного производства, доказательства и доказывание, возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие) / Ю.К. Якимович, Т.Д. Пан. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. — С. 28.

³²⁸ Пантелеев И.А. Указ. соч. — С. 4.

³²⁹ Основаниями признания лица подозреваемым без применения к нему мер процессуального принуждения являются возбуждение уголовного дела в отношении него и уведомление его о подозрении при производстве предварительного расследования в форме дознания (п.п. 1, 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ).

Тем самым достаточность данных о причастности лица к совершению преступления выражается в совокупности обстоятельств, являющихся основаниями для осуществления указанных процессуальных действий.

Для задержания лица такие основания перечислены в ст. 91 УПК РФ:

- 1) когда лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;
- 2) когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление;
- 3) когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления³³⁰.

В ч. 2 ст. 91 УПК РФ, при этом, указывается на возможность наличия у стороны обвинения «иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления», поэтому следует сделать вывод о том, что согласно действующему законодательству основанием возбуждения уголовного преследования может быть не только основанное на достаточных данных предположение стороны обвинения о причастности лица к совершению преступления, но и общественная опасность самого лица, выражающаяся в попытке скрыться, отсутствии постоянного места жительства или в невозможности установления его личности³³¹.

Для применения меры пресечения как процессуального действия, возбуждающего уголовное преследование лица, необходимо наличие достаточных данных полагать, что лицо:

- 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;

³³⁰ Ф.М. Кудин считает, что перечисленные обстоятельства «представляют собой в действительности достаточные фактические данные, указывающие на возможную (вероятную) виновность лица в совершении преступления», а потому по существу являются не основаниями задержания, а основаниями подозрения лица в совершении преступления (См.: Кудин Ф.М. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства о подозреваемом / Ф.М. Кудин // Развитие и применение уголовно-процессуального законодательства (к 25-летию УПК РСФСР): Сб. статей. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. — С. 153.).

³³¹ Как справедливо указывает В.Ю. Мельников, «сама по себе попытка скрыться, отсутствие постоянного места жительства, неустановление личности подозреваемого являются теми условиями, наличием которых может быть лишь мотивирована необходимость задержания вообще. Целевое назначение задержания — выяснение причастности лица к совершению преступления, а не установление личности либо места жительства заподозренного. Поэтому предлагаем не использовать в УПК РФ термин «иные данные» (Мельников В.Ю. Задержание подозреваемого как мера принуждения... — С. 101–102.).

- 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

В уголовно-процессуальной литературе неоднократно указывалось на логическую ошибку в подходе законодателя к регулированию оснований признания лица подозреваемым. Так, И. А. Пантелеев справедливо утверждает: «Логически неверным было бы считать, что человека подозревают потому, что к нему применяли уголовно-процессуальное задержание или меру пресечения, а не потому, что для принятия этих мер имеется подозрение в совершении им преступления»³³². В. Ю. Мельников указывает на то, что «в действующем законодательстве не проводится никаких различий между основаниями для подозрения и для задержания. Подозрение и задержание — это хоть и органически взаимосвязанные, но все же абсолютно самостоятельные уголовно-процессуальные институты, имеющие совершенно разные цели. Естественно, у них должны быть и разные основания»³³³. А. К. Аверченко считает, что отсутствие законодательных оснований признания лица подозреваемым «вызывает неясности у практических работников и провоцирует их на нарушения закона»³³⁴.

Нарушения закона, вызванные непоследовательным законодательным регулированием института подозрения в УПК РФ, действительно, встречаются повсеместно. Наиболее частым нарушением является допрос в качестве свидетеля фактически заподозренного лица³³⁵.

³³² Пантелеев И.А. Указ. соч. — С. 30.

³³³ Мельников В.Ю. Задержание подозреваемого как мера принуждения... — С. 100.

³³⁴ Аверченко А.К. Указ. соч. — С. 6.

³³⁵ На данную практику указывается и в научной литературе: Еникеев З.Д. Актуальные вопросы уголовного преследования... — С. 87; Никитин Е.Л. Указ. соч. — С. 88; Пантелеев И.А. Указ. соч. — С. 24–26; Аверченко А.К. Указ. соч. — С. 16; Грузд Б. Правило Маслова. Право на защитника — с момента угрозы свободы гражданина / Б. Грузд // Российская юстиция. — 2000. — № 10. — С. 7–8; Карпухин А.Д. Деятельность адвоката по защите прав и законных интересов подозреваемого на предварительном следствии // Российский следователь. — 2003. — № 3. — С. 10; Овсянников И. Уголовно-процессуальные гарантии прав подозреваемого / И. Овсянников // Юридический мир. — 2005. — № 10. — С. 51; Тишковой Е.И. Указ. соч. — С. 24–25.

Об этом же писал И.Я. Фойницкий почти 100 лет назад: «Нельзя признать правильным усвоенного в нашей следственной практике приема, состоящего в том, что следователи, не собравшие еще достаточных данных для привлечения к делу определенного лица в качестве обвиняемого, но подозревающие его, первоначально допрашивают в качестве свидетеля; неправилен этот прием как потому, что им подозреваемый превращается в свидетеля и принуждается к показанию, так и потому, что допрашиваемый в качестве свидетеля не пользуется теми процессуальными правами, какие принадлежат обвиняемому, так что

О.Д. Жук, например, указывает на то, что «известны случаи, когда следователь «на выбор» предлагает лицу, прибывшему на допрос, бланки двух процессуальных документов — протокол допроса свидетеля или протокол допроса подозреваемого. Естественная реакция человека — выбрать для себя статус свидетеля, после чего весь допрос превращается в *фактическое изобличение* лица в совершении преступления без предоставления ему каких-либо процессуальных гарантий»³³⁶. По результатам проведенного анкетирования 79% следователей прокуратуры и органов внутренних дел признались, что допрашивали в качестве свидетелей фактически заподозренных в совершении преступления лиц; при этом 93% из них впоследствии задерживали такое лицо в качестве подозреваемого³³⁷.

В этой связи трудно согласиться с утверждением В. Махова о том, что «только допросив заподозренного, следователь может правильно решить вопрос о наличии оснований для подозрения его в совершении преступления»; при этом автор указывает на то, что «вряд ли нужен ярлык подозреваемого лицу, которое необходимо допросить, чтобы удостовериться его непричастность к преступлению. Представляется, что таких лиц нужно, как правило, допрашивать в качестве обычных свидетелей»³³⁸.

Более обоснованной представляется позиция И.А. Пантелева, который предлагает определить процессуальные пределы допроса лица в качестве свидетеля следующим образом: «Если предмет допроса такого лица не охватывает обстоятельства причастности к преступлению, т.е. следователь не выражает к допрашиваемому

этим способом в сущности обвиняемый лишается своих процессуальных прав» (*Фойницкий И. Я.* Указ. соч. — С. 273–274.).

³³⁶ Жук О.Д. Уголовное преследование... — С. 25–26.

³³⁷ До официального наделения лица процессуальным статусом подозреваемого его необходимо рассматривать как фактически преследуемого. В научной литературе такое лицо образно называется «уличаемый свидетель» (См.: *Аверченко А.К.* Указ. соч. — С. 19.), «свидетель-подозреваемый» (См.: *Карпухин А.Д.* Указ. соч. — С. 10.).

Показательную в этом отношении статистику приводит С.В. Илюхина: в 39,5% изученных ею уголовных дел уголовное преследование прекращалось в отношении лиц, имеющих процессуальный статус свидетеля (См.: *Илюхина С.В.* Прекращение уголовного дела и уголовного преследования в стадии предварительного расследования по основаниям, предусмотренным в ст. 25, 28 УПК РФ: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / С.В. Илюхина. — Саранск: Мордов. гос. ун-т, 2003. — С. 26.).

³³⁸ *Махов В.* Свидетель — не подозреваемый / В. Махов // Законность. — 2001. — № 1. — С. 45–46.

своего подозрения, то нет никаких препятствий для допроса лица в качестве свидетеля. Если же следователь в той или иной форме предъявляет лицу подозрение (а конкретно это выражается в постановке перед допрашиваемым вопросов о его собственных действиях в связи с преступлением), то свидетелем данное лицо быть не может. Оно должно приобрести наиболее соответствующий его реальному положению статус подозреваемого с официальным предъявлением имеющегося подозрения и быть допрошено в качестве данного участника уголовного процесса»³³⁹.

Более того, необходимо поддержать предложение К.В. Муравьева о том, что «орган, ведущий расследование уголовного дела, *обязан* (курсив мой — Р.М.) поставить лицо в статус участника уголовного судопроизводства при наличии в отношении него подозрения. Лицо, фактически заподозренное в совершении преступления, заинтересовано как можно быстрее приобрести статус подозреваемого, что позволит ему активно, используя предоставленные законом возможности, отстаивать свои права и интересы, обосновывать несостоятельность, а иногда и ничтожность выдвинутых против него доводов»³⁴⁰. Как представляется, незамедлительное приобретение лицом, подвергнутому фактическому изобличению в совершении преступления, официального статуса подозреваемого необходимо рассматривать как его главный *процессуальный интерес* на данном этапе производства по уголовному делу.

Законодатель в УПК РФ предусмотрел *дополнительную юридическую гарантию*, направленную на предупреждение фактического изобличения лица в совершении преступления при его допросе в качестве свидетеля, — право свидетеля являться на допрос с адвокатом (ч. 5 ст. 189 УПК РФ)³⁴¹. Участие адвоката в допросе свидетеля имеет двойственную юридическую природу: участие адвоката при допросе свидетеля является, с одной стороны, оказанием свидетелю юридической помощи как несведущему лицу, а, с другой стороны, фактической защитой свидетеля

³³⁹ *Пантелев И.А.* Указ. соч. — С. 25. На это же указывают А.А. Давлетов и В.Г. Войт (*Давлетов А.А.* Каким быть институту подозрения в уголовном процессе? / А.А. Давлетов, В.Г. Войт // Российский юридический журнал. — 1996. — № 3. — С. 120.).

³⁴⁰ *Муравьев К.В.* Возбуждение уголовного дела в отношении лица: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / К.В. Муравьев. — Омск: Ом. акад. МВД России, 2005. — С. 13.

³⁴¹ В УПК Молдовы предусмотрено более простое решение данной проблемы: «Лицо, в отношении которого имеются доказательства в совершении преступления, не может быть допрошено в качестве свидетеля» (ч. 6 ст. 63).

ля от его возможного изобличения. Такую фактическую защиту можно назвать «квазизащитой свидетеля»³⁴², т.е. защитой, осуществляемой в целях предупреждения (недопущения) фактического изобличения свидетеля в совершении преступления.

Неопределенное процессуальное положение лица, в отношении которого осуществляется фактическое изобличение, явилось предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который в своем Постановлении от 27 июня 2000 г.³⁴³ по сути сформулировал дополнительное основание возбуждения уголовного преследования. Как указал Конституционный Суд РФ, «факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него (в частности, разъяснением в соответствии со статьей 51 (часть 1) Конституции Российской Федерации права не давать показаний против себя самого). Поскольку такие действия направлены на выявление уличающих лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, фактов и обстоятельств, ему должна быть безотлагательно предоставлена возможность обратиться за помощью к адвокату (защитнику)»³⁴⁴. Законодатель воспринял данное решение Конституционного Суда РФ буквально и предусмотрел в УПК РФ самостоятельное основание вступления защитника в производство по уголовному делу — «с момента начала осуществления иных мер процессуального принужде-

³⁴² Квази... (от лат. quasi — якобы, как будто) — первая часть сложных слов, имеющих значение мнимый, ненастоящий (Ожегов С. И. Словарь русского языка... — 234).

³⁴³ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: Постановление Конституционного суда РФ от 27 июня 2000 года № 11-П // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 27. — Ст. 2882.

³⁴⁴ «Правило Маслова», как его называют в периодической литературе, явилось аналогом «правил Миранды» в США. В 1966 г. Верховный Суд США отменил приговор по делу Миранды, приговоренного к длительному сроку тюремного заключения за ограбление одной женщины, а также за похищение и изнасилование другой. Миранда был арестован полицией потому, что обе потерпевшие указали при опознании именно на него. Сотрудники полиции начали проведение допроса и опознание Миранды, не сделав полагающегося предупреждения о том, что его допрос направлен на получение изобличающих его показаний и не проинформировав его о праве на защиту (См.: Пешков М. А. Правила Миранды — революция в уголовном процессе США / М. А. Пешков // Юрист. — 1998. — № 2. — С. 36.).

ния или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления» (п. 5 ч. 3 ст. 49 УПК РФ), не указав, что такое «лицо, подозреваемое в совершении преступления»³⁴⁵, получает официальный статус подозреваемого³⁴⁶.

Таким образом, в УПК РФ закреплены 2 важнейших юридических гарантии, направленные на обеспечение законности возбуждения уголовного преследования: во-первых, участие адвоката в допросе свидетеля с целью недопущения его фактического изобличения, а во-вторых, допуск защитника лицу, в отношении которого такое фактическое изобличение все же началось. Однако указанные гарантии не решают главной проблемы — сами по себе они не влекут возбуждения уголовного преследования и, как результат, надления лица процессуальным статусом подозреваемого. А. Давлетов по этому поводу справедливо замечает: «Парадокс — подозреваемого формально нет, а защитник его есть!»³⁴⁷.

Данный парадокс, вместе с тем, влечет серьезные процессуальные последствия: ненаделение лица официальным процессуальным статусом подозреваемого свидетельствует о том, что орган уголовного преследования по каким-то причинам не желает возбуждать официальное уголовное преследование. В условиях же состязательности отсутствие официального уголовного преследования должно означать и невозможность осуществления официальной защиты по данному делу, так как функция защиты, что уже отмечалось, является производной от функции обвинения³⁴⁸.

³⁴⁵ Как верно отмечает А. П. Рыжаков, «лицо, подозреваемое в совершении преступления», является конституционно-правовым аналогом, более широким по смыслу, уголовно-процессуального понятия «подозреваемый», и означает фактически заподозренное лицо, не наделенное соответствующим процессуальным статусом (См.: Рыжаков А. П. Понятие и правовой статус субъекта, именуемого в уголовном процессе «подозреваемый». Комментарий к статье 46 УПК РФ. Подготовлен для Системы КонсультантПлюс / А. П. Рыжаков [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Электрон. поисковая прогр. — М.: КонсультантПлюс, 2002. — Систем. требования Р-11-300; 32 Мб ОЗУ; Microsoft Windows 2000/XP. — Загл. с экрана.

³⁴⁶ Необходимо отметить, что в литературе обоснованно предлагается рассматривать совершение действий, указанных в п. 5 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, как самостоятельное основание надления лица процессуальным статусом подозреваемого (См.: Багаурдинов Ф. Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений / Ф. Н. Багаурдинов. — М.: Юрлитинформ, 2004. — С. 385—386.).

³⁴⁷ Давлетов А. Подозреваемый по УПК: проблема не решена / А. Давлетов, И. Ретюнских // Российская юстиция. — 2006. — № 1. — С. 20.

³⁴⁸ На это указывает и А. Победкин: «какую юридическую помощь адвоката нельзя отождествлять с функцией защиты... Защита осуществляется только от уголовного преследования, возможного лишь в отношении подозреваемого или обвиняемого» (Победкин А. Примене-

Следует поддержать мнение Б.А. Денежкина о том, что «появление подозреваемого в советском уголовном процессе нельзя увязывать с обязательным применением задержания или меры пресечения до предъявления обвинения»³⁴⁹. В уголовно-процессуальной литературе неоднократно предлагалось предусмотреть самостоятельный процессуальный акт, в котором указывалось бы основание подозрения лица в совершении преступления, содержание подозрения и который влек бы наделение лица процессуальным статусом подозреваемого, независимо от применения к нему мер процессуального принуждения³⁵⁰. Следует согласиться с Ю.Б. Чупилкиным, что «данный порядок может использоваться в тех случаях, когда при производстве дознания или предварительного следствия установлено лицо, предположительно совершившее преступление, но нет оснований для задержания или избрания меры пресечения или это является нецелесообразным, а в отношении такого лица необходимо проведение следственных действий»³⁵¹.

Постановление о признании лица подозреваемым как альтернативное основание появления в уголовном судопроизводстве подозреваемо-

ние правила Маслова требует изменений УПК / А. Победкин, А. Анненков, С. Дадонов // Российская юстиция. — 2001. — № 4. — С. 35.).

³⁴⁹ Денежкин Б.А. Подозреваемый в советском уголовном процессе / Б.А. Денежкин. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. — С. 14.

³⁵⁰ Мартыничик Е.Г. Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве / Е.Г. Мартыничик, В.П. Радьков, В.Е. Юрченко. — Кишинев: Штинца, 1982. — С. 46; Давлетов А.А. Каким быть институту подозрения... — С. 120; Денежкин Б.А. Указ. соч. — С. 32–33; Муравьев К.В. Указ. соч. — С. 12–13; Никитин Е.Л. Указ. соч. — С. 88–89; Халиуллин А.Г. Осуществление функции уголовного преследования... — С. 39–40; Мельников В.Ю. Процессуальное оформление задержания заподозренного лица и его допрос / В.Ю. Мельников // Российский следователь. — 2003. — № 9. — С. 28; Овсянников И.В. Предъявление подозрения как гарантия прав подозреваемого / И.В. Овсянников, В.С. Овсянников // Уголовный процесс. — 2006. — № 1 — С. 40.

Необходимо отметить, что данное предложение поддерживается не всеми процессуалистами. Так, А.Д. Карпунин считает, что «осуществление данной идеи ни теоретически, ни практически не оправдано... Если в отношении лица имеются данные, свидетельствующие о совершении им преступления, их подлежит проверить, уточнить и в случае необходимости дополнить до получения оснований не просто подозревать, а обвинять, и уже в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого четко и конкретно сформулировать обвинение, чтобы привлеченный имел возможность получить ясное представление, от чего ему предстоит защищаться» (См.: Карпунин А.Д. Деятельность адвоката по защите прав и законных интересов подозреваемого на предварительном следствии / А.Д. Карпунин // Российский следователь. — 2003. — № 3. — С. 10–11.).

³⁵¹ Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав подозреваемого в российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю.Б. Чупилкин. — Краснодар: Ростов. юрид. ин-т МВД России, 2001. — С. 6.

го существует в уголовно-процессуальных системах некоторых стран ближнего зарубежья (п. 2 ч. 1 ст. 40 УПК Республики Беларусь, п. 3 ч. 1 ст. 63 УПК Республики Молдова³⁵², ч. 1 ст. 35 УПК Эстонии³⁵³). По УПК Республики Узбекистан³⁵⁴ признание лица подозреваемым вообще не связано с применением к нему мер процессуального принуждения: «Подозреваемый — это лицо, в отношении которого в деле имеются данные о совершении им преступления, но недостаточные для привлечения его к участию в деле в качестве обвиняемого. О признании лица подозреваемым дознаватель, следователь или прокурор выносит постановление» (ст. 47).

Первый шаг в возможности наделения лица процессуальным статусом подозреваемого в ходе производства по уголовному делу без необходимости применения к нему мер процессуального принуждения был сделан отечественным законодателем 6 июня 2007 г., когда ч. 1 ст. 46 УПК РФ была дополнена пунктом 4, предусматривающим специальное основание признания лица подозреваемым по уголовным делам, расследуемым в форме дознания³⁵⁵. Так, согласно п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ подозреваемым является лицо, «которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном статьей 223.1 настоящего Кодекса». В соответствии с ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ уведомление о подозрении составляется дознавателем в письменном виде, «если в ходе дознания получены достаточные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления». Копия уведомления о подозрении вручается подозреваемому и направляется прокурору (ч. 1, 5 ст. 223.1 УПК РФ).

В ч. 2 ст. 223.1 УПК РФ указаны обязательные сведения, которые должны содержаться в таком уведомлении: 1) дата и место его составления; 2) фамилия, инициалы лица, его составившего; 3) фамилия, имя и отчество подозреваемого, число, месяц, год и место его рождения; 4) описание преступления с указанием места, времени его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию

³⁵² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-ХV [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://law.vl.ru>, свободный. — Загл. с экрана.

³⁵³ Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии. — М.: Юрист, 2004. — 272 с.

³⁵⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-ХII [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lawlib.freenet.uz>, свободный. — Загл. с экрана.

³⁵⁵ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 06 июня 2007 г. № 90-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 24. — Ст. 2833.

в соответствии с пунктами 1 и 4 части первой статьи 73 настоящего Кодекса; 5) пункт, часть, статья Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ³⁵⁶ из УПК РФ были исключены бланки процессуальных документов, поэтому форма уведомления о подозрении законодателем разработана не была.

Вместе с тем, предусмотрев уведомления о подозрении как самостоятельное основание надления лица процессуальным статусом подозреваемого, законодатель не распространил его действие на производство по уголовному делу в форме предварительного следствия. Как представляется, следует расширить процессуальные пределы «уведомления о подозрении», во-первых, распространив его действие и на производство по уголовному делу в форме предварительного следствия, и, во-вторых, наделив его универсальным значением процессуального акта, возбуждающего уголовное преследование. Данное постановление, думается, целесообразно назвать *постановлением о возбуждении уголовного преследования*³⁵⁷ и предусмотреть в его содержании не только процессуальное решение о признании лица подозреваемым на основании установленной причастности лица к совершенному преступлению, но и разъяснить преследуемому лицу его основные права как участника уголовного судопроизводства.

И.П. Дорноступ, один из первых предложивший разработать форму постановления о возбуждении уголовного преследования, считает, что в нем следует указывать: «анкетные данные лица, те следственные действия, которые предполагается провести в целях изобличения его в совершении преступления, разъяснение лицу его конституционных прав не свидетельствовать против самого себя и иметь защитника»³⁵⁸. Поддерживая данное предложение, следует возразить относительно целесообразности фиксации в таком постановлении предполагаемых следственных действий. Как представляется, это является непроцессуальным аспектом деятельности следователя, а именно планированием предварительного расследования, которое может корректироваться в зависимости от изменения следственной ситуации по уголовному делу.

³⁵⁶ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 24. — Ст. 2830.

³⁵⁷ Проект постановления о возбуждении уголовного преследования см. в приложении 3 к настоящей работе.

³⁵⁸ Дорноступ И.П. Указ. соч. — С. 24.

В свою очередь, предлагаю предусмотреть в постановлении о возбуждении уголовного преследования обязанность следователя (дознавателя) разъяснить подозреваемому:

- 1) в совершении какого преступления лицо подозревается и сущность подозрения³⁵⁹;
- 2) права подозреваемого, предусмотренные ч. 4 ст. 46 УПК РФ;
- 3) право, предусмотренное ст. 51 Конституции РФ, не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников;
- 4) порядок приглашения, назначения и замены защитника, оплаты его труда в соответствии со ст. 50 УПК РФ;
- 5) право на реабилитацию в соответствии со ст. 133 УПК РФ³⁶⁰.

Постановление о возбуждении уголовного преследования целесообразно выносить во всех случаях признания лица подозреваемым, что будет являться гарантией ознакомления подозреваемого со всеми указанными правами и порядком приглашения, назначения и замены защитника³⁶¹. Кроме того, вынесение данного постановления, как

³⁵⁹ Сущность подозрения, по мнению Ю.Б. Чупилкина, включает: время, место, обстоятельства совершенного деяния, указания на соучастников преступления и юридическую квалификацию деяния (Чупилкин Ю.Б. Указ. соч. — С. 18.).

В настоящее время сущность подозрения разъясняется подозреваемому во время его допроса, что предусмотрено протоколом допроса подозреваемого (прил. 38 к ст. 476 УПК РФ). Однако в кратчайшие сроки подлежит допросу только подозреваемый, задержанный в порядке, установленном ст. 91 УПК РФ (ч. 2 ст. 46 УПК РФ). Лицо, получающее процессуальный статус подозреваемого по иным основаниям, может не допрашиваться в течение длительного периода; для таких случаев механизм реализации права подозреваемого знать, в чем он подозревается (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ), в УПК РФ не предусмотрен.

В.Ю. Мельников предлагает предусмотреть в ч. 2 ст. 91 УПК РФ обязанность должностных лиц при фактическом задержании лица устно разъяснить ему сущность подозрения, его основные права и обязанности с вручением карточки, где они перечислены (Мельников В.Ю. Задержание подозреваемого как мера принуждения... — С. 101.). Думается, что разъяснение сущности подозрения и процессуальных прав подозреваемого должно осуществляться только после оформления процессуального, а не фактического задержания, то есть после возникновения уголовно-процессуальных отношений.

³⁶⁰ В настоящее время такое разъяснение производится в случае прекращения уголовного дела (уголовного преследования) посредством указания на обязанность разъяснения следователем, дознавателем, прокурором в постановлении о таком прекращении. Однако на практике копия постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) направляется подозреваемому, обвиняемому (а часто и не направляется), и такое разъяснение не производится, оставляя лицо в неведении о праве на реабилитацию. О тесной связи институтов уголовного преследования и реабилитации см.: Толстой А.В. Указ. соч. — С. 29–31.

³⁶¹ Во избежание таких прецедентов, который произошел по делу Миранды в США в 1966 г.

уже указывалось, должно рассматриваться в качестве самостоятельного основания признания лица подозреваемым без необходимости применения к нему мер процессуального принуждения. Для этого п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ следует изменить, изложив его в следующей редакции: «4) либо в отношении которого вынесено постановление о возбуждении уголовного преследования в порядке, установленном главой 3 настоящего Кодекса».

За необходимость введения в уголовное судопроизводство постановления о возбуждении уголовного преследования высказались 29% опрошенных сотрудников прокуратуры и органов внутренних дел. Столь низкий процент, думается, можно объяснить сложившимся стереотипом о подозреваемом как факультативном, временном и бесправном участнике процесса, а также нежеланием практических сотрудников усложнять процедуры, направленные на обеспечение прав и свобод личности, подвергнутой уголовному преследованию. Несомненно, гораздо проще задержать лицо либо применить к нему меру пресечения, однако такие процессуальные средства не всегда отражают наличие либо обоснованность подозрения как такового. Преимуществом данного постановления, как указывается в литературе, является именно то, что «момент юридического подозрения максимально приближается к фактическому, а потому лицо своевременно приобретает тот процессуальный статус, который он реально и имеет, что соответствует как идее защиты прав и законных интересов человека, так и назначению уголовно-процессуальной деятельности, призванной обеспечивать эти права и интересы»³⁶².

О.Д. Жук предлагает закрепить обязанность наделения лица процессуальным статусом подозреваемого при наличии оснований для его уголовного преследования на уровне *принципа уголовного судопроизводства*. Так, автор считает, что ст. 11 УПК РФ «Охрана прав и свобод граждан» необходимо дополнить положением следующего содержания: «Суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель обязаны при наличии соответствующих оснований предоставлять лицу статус участника уголовного судопроизводства. Запрещается привлекать лицо в качестве подозреваемого, иным образом осуществлять уголовное преследование в отношении лица при отсутствии соответствующих оснований и с нарушением порядка, установленного настоящим Кодексом»³⁶³. Полностью разделяя данную идею, одновременно следует

указать на то, что наделение данной обязанностью суда противоречит принципу состязательности сторон, так как суд тем самым будет осуществлять не столько охрану прав и свобод граждан, сколько реализовывать функцию обвинения. Кроме того, учитывая, что возбуждение уголовного преследования является обязанностью только соответствующих должностных лиц стороны обвинения, а не всех участников уголовного судопроизводства, представляется сомнительным закрепление указанной обязанности на уровне уголовно-процессуального принципа. Данную обязанность логично закрепить в главе 3 УПК РФ, в частности, дополнить статью 21 УПК РФ положением следующего содержания: «Если достаточные данные о причастности лица к совершению преступления стали известны в ходе производства по уголовному делу, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания или дознаватель незамедлительно задерживают данное лицо по подозрению в совершении преступления в соответствии со статьями 91 и 92 настоящего Кодекса либо, при отсутствии оснований для задержания, возбуждают в отношении него уголовное преследование, о чем выносятся соответствующее постановление».

Не менее значимым вопросом является *продолжительность этапа подозрения* в уголовном преследовании лица, т.е. срок нахождения такого лица в процессуальном статусе подозреваемого. Законодатель не урегулировал в УПК РФ порядок прекращения уголовного преследования лица (а значит, его процессуального статуса подозреваемого) при прекращении действия в отношении него мер процессуального принуждения до предъявления обвинения. К таким случаям относятся:

- 1) когда лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, было освобождено на основании ч.ч. 1 или 2 ст. 94 УПК РФ;
- 2) когда лицу была применена мера пресечения до предъявления обвинения и по истечении 10 суток (по ряду составов — 30 суток) она была отменена в соответствии с ч. 1 ст. 100 УПК РФ.

И если первый вариант на практике встречается крайне редко, так как следователи обычно применяют к задержанному какую-либо меру пресечения, не требующую даже согласия руководителя следственного органа (например, подписку о невыезде), что продлевает срок нахождения лица в статусе подозреваемого еще на 8 суток³⁶⁴, то

³⁶² Давлетов А.А. Каким быть институту подозрения... — С. 120.

³⁶³ Жук О.Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования... — С. 84.

³⁶⁴ К.Б. Калиновский обоснованно называет такую практику избрания хоть какой-нибудь меры пресечения задержанному подозреваемому «правовым обычаем» (Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Смирнова. — СПб.: Питер, 2003. — С. 266.).

второй вариант, в случае его не завершения предъявлением лицу обвинения, вызывает у практических сотрудников затруднение. Так, по результатам проведенного опроса следователей прокуратуры и органов внутренних дел 44% респондентов считают, что непредъявление подозреваемому обвинения в течение 10 суток с момента применения ему меры пресечения, согласно ст. 100 УПК РФ, влечет прекращение у лица процессуального статуса подозреваемого. Соответственно, 56% считают, что сам факт непредъявления обвинения в указанный срок подозрение с лица не снимает, и лицо сохраняет свой процессуальный статус подозреваемого.

В научной литературе по данной проблеме также нет единого мнения. Ряд ученых утверждают, что подозреваемый является кратковременным участником уголовного судопроизводства, и срок нахождения лица в данном статусе ограничен максимальным сроком избрания в отношении него меры пресечения в соответствии со ст. 100 УПК РФ (т.е. 10 (по отдельным преступлениям — 30) сутками)³⁶⁵. Другие полагают, что «срок нахождения лица в данном качестве не может ограничиваться установленными законом сроками задержания или применения меры пресечения: правовой статус подозреваемого не связан с этими мерами, может возникнуть раньше и сохраняется у лица по завершении действия указанных мер, до предъявления ему обвинения или прекращения уголовного преследования и реабилитации»³⁶⁶.

Противоположные мнения высказываются даже авторами одного учебника — А. В. Смирновым и К. Б. Калиновским. Так, А. В. Смирнов считает, что время существования подозреваемого как участника судопроизводства ограничено сроком задержания и временем

³⁶⁵ См.: *Пантелеев И.А.* Указ. соч. — С. 14; *Якимович Ю.К.* Указ. соч. — С. 29; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева; Науч. ред. В.П. Божьев. — М.: Спарк, 2002. — С. 162; *Мельников В.Ю.* Задержание подозреваемого: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.Ю. Мельников. — Краснодар: Ростов. гос. ун-т, 2004. — С. 46; *Конах Е.И.* Процессуальный статус и обеспечение прав подозреваемого / Е.И. Конах, М.В. Парфенова. М. — Юрлитинформ, 2005. — С. 15.

Исключение составляет возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, которое становится подозреваемым на неограниченный срок. Отдельные авторы критикуют и данное исключение: «Считаем, что в случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, так же, как и при избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, постановление о привлечении в качестве обвиняемого должно быть вынесено не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела» (*Якимович Ю.К.* Указ. соч. — С. 29.).

³⁶⁶ *Аверченко А.К.* Указ. соч. — С. 9.

содержания под стражей, после чего лицо «формально не может считаться подозреваемым»³⁶⁷. К.Б. Калиновский в главе, посвященной задержанию лица по подозрению в совершении преступления, указывает, что в случае истечения срока задержания «подозрение не снимается», а освобожденное в результате незаконного задержания лицо «сохраняет статус подозреваемого, пока его уголовное преследование не прекращено»³⁶⁸.

Компромиссное мнение содержится в Комментарий УПК РФ под редакцией В.П. Верина и В.В. Мозякова: «Непредъявление обвинения подозреваемому (несоставление обвинительного акта), отмена в этой связи меры пресечения органом расследования или надзирающим прокурором либо освобождение подозреваемого постановлением начальника места содержания под стражей или прокурором, осуществляющим надзор за исполнением законов в местах содержания под стражей, по своим юридическим последствиям могут рассматриваться как прекращение уголовного преследования в отношении подозреваемого лица по п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК за непричастностью к совершению преступления»³⁶⁹.

Если согласиться с мнением о том, что прекращение действия меры пресечения, избранной подозреваемому, влечет прекращение процессуального статуса подозреваемого и, как результат, его уголовного преследования, то, учитывая, что на практике в таких случаях постановление о прекращении уголовного преследования в подавляющем большинстве случаев не выносится, следует заключить, что данный порядок прекращения уголовного преследования носит «автоматический» характер. При этом, под так называемым «автоматическим» прекращением уголовного преследования предлагаю понимать не оформленное в надлежащем порядке решение следователя о прекращении процессуальной деятельности по изобличению подозреваемого в совершении преступления вследствие истечения срока действия в отношении него меры пресечения до предъявления обвинения. Полагаю, что такой порядок прекращения уголовного преследования противоречит общим требованиям уголовно-процессуального закона, согласно которым прекращение уголовного преследования должно осуществляться по четким основаниям (ч. 1

³⁶⁷ *Смирнов А.В.* Уголовный процесс... — С. 134.

³⁶⁸ Там же. — С. 245.

³⁶⁹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.П. Верина, В.В. Мозякова. — М.: Экзамен, 2004. — С. 253.

ст. 27 УПК РФ) с соблюдением соответствующей процедуры (путем вынесения постановления — ст. 213 УПК РФ).

Для правильной оценки рассматриваемой проблемы, как представляется, необходимо иметь в виду следующее:

- 1) истечение срока задержания либо меры пресечения не является свидетельством того, что у дознавателя или следователя отпали подозрения в отношении лица. На момент истечения указанных сроков могут быть не исчерпаны все процессуальные средства установления причастности лица к совершению преступления;
 - 2) законодатель нормативно признал концептуальную возможность длительного нахождения лица в процессуальном статусе подозреваемого — в случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ). В этом случае лицо может являться подозреваемым в течение периода, ограниченного сроком производства по уголовному делу. В связи с этим представляется спорным мнение о том, что подозреваемый является кратковременным участником уголовного судопроизводства. По аналогии закона можно полагать, что и остальные основания признания лица подозреваемым не ограничивают срок его нахождения в данном процессуальном статусе;
 - 3) наконец, следует определить, исходя из назначения уголовного судопроизводства, в каком случае в наибольшей степени обеспечивается защита личности от ограничения ее прав и свобод: в случае прекращения у лица процессуального статуса подозреваемого либо в случае его продолжения. Как представляется, назначению уголовного судопроизводства в большей степени соответствует сохранение у лица процессуального статуса подозреваемого, в результате чего он сохраняет права, предусмотренные ч. 4 ст. 46 УПК РФ, и, прежде всего, право на защиту от фактически продолжающегося уголовного преследования.
- Исходя из вышеизложенного, необходимо заключить, что подозрение не является кратковременным этапом уголовного преследования, продолжительность которого зависит от срока задержания либо применения к лицу меры пресечения. Этап подозрения в уголовном преследовании должен осуществляться до тех пор, пока не будет:
- 1) установлена непричастность лица к совершенному преступлению, на основании чего уголовное преследование данного лица должно быть прекращено по п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ путем вынесения соответствующего постановления, либо
 - 2) собрано достаточно доказательств, дающих основания для привлечения лица в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 171 УПК РФ).

Некоторые процессуалисты справедливо указывали на то, что процессуальный статус подозреваемого должен прекращаться только путем вынесения специального постановления³⁷⁰. Более того, в уголовно-процессуальных законах некоторых стран ближнего зарубежья предусмотрена норма о том, что лицо перестает пребывать в положении подозреваемого с момента вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого либо о прекращении уголовного преследования (уголовного дела) (ч. 5 ст. 40 УПК Республики Беларусь, ч. 4 ст. 39 УПК Кыргызской Республики³⁷¹). Полагаю, что подобный законодательный подход исключает возможность существования неопределенности в процессуальном статусе лица, подвергнутого уголовному преследованию.

Таким образом, в целях совершенствования правовой регламентации порядка прекращения уголовного преследования подозреваемых, к которым применялась мера пресечения до предъявления обвинения, а также устранения встречающихся на практике случаев «автоматического» прекращения уголовного преследования, считаю необходимым дополнить ст. 46 УПК РФ ч. 5 следующего содержания: «5. Подозреваемым лицо является до вынесения в отношении него постановления о привлечении в качестве обвиняемого либо постановления о прекращении уголовного преследования».

2.2. Обвинение

Обвинение как процессуальная деятельность является основным этапом уголовного преследования. Как удачно отметил З.Д. Еникеев, «обвинение — главная, центральная часть уголовного преследования вообще и основной его этап в стадии предварительного расследования»³⁷². Более того, обвинение не ограничивается стадией предварительного расследования, а является важнейшей процессуальной деятельностью прокурора в суде, при рассмотрении дела судом первой инстанции, а также при апелляционном и кассационном обжаловании приговора³⁷³.

Соответственно, обвинение в досудебном и судебном производствах осуществляется в различных формах:

³⁷⁰ Давлетов А. Подозреваемый по УПК... — С. 21; Чутилкин Ю. Б. Указ. соч. — С. 7.

³⁷¹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 30 июня 1999 г. № 62 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://law.vl.ru>, свободный. — Загл. с экрана.

³⁷² Еникеев З.Д. Уголовное преследование... — С. 76.

³⁷³ Подробнее об этом см. §3 главы 2 настоящей работы.

- 1) в досудебном производстве — *выдвижение*³⁷⁴ обвинения (п. 22 ст. 5, ст. 22 УПК РФ)³⁷⁵;
- 2) в судебном производстве — *поддержание обвинения*³⁷⁶.

Критерием выделения данных форм обвинения является непосредственная задача, стоящая перед органом уголовного преследования и подчиненная общей цели уголовного преследования — изобличение лица в совершении преступления. Задачей досудебного производства является собирание доказательств, достаточных для утверждения о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом. В этой связи Н. А. Колоколов задает вопрос: «Чего же требует уголовно-процессуальный закон от правоприменителя, вооруженного процессуальными полномочиями и наделенного правом уголовного преследования? Если говорить о глобальном, то только одного — достаточности доказательств для публичного разбирательства обвинения в суде и вынесения обвинительного приговора»³⁷⁷. Утверждение о совершении лицом преступления, оформленного в предусмотренном УПК РФ порядке, является выдвижением обвинения против данного лица.

Порядок выдвижения обвинения включает 2 процедуры:

- а) вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого³⁷⁸;

³⁷⁴ Конституционный Суд РФ использует понятие «формирование обвинения» (См.: По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: Постановление Конституционного Суда РФ № 18-П от 08 декабря 2003 г. // *Собрание законодательства РФ*. — 2003. — 51. — Ст. 5026; По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород: Постановление Конституционного Суда РФ № 7-П от 20 апреля 1999 г. // *Собрание законодательства РФ*. — 1999. — № 17. — Ст. 2205.). Однако данный термин представляется менее подходящим.

³⁷⁵ Исключение составляют дела частного обвинения, по которым выдвижение обвинения производится в суде.

³⁷⁶ Указание на поддержание обвинения как на его *форму* содержится и в научной литературе: «Обвинение в суде, т.е. поддержание государственного обвинения прокурором или представителем органа дознания, уполномоченного прокурором — это есть судебная форма уголовного преследования (ч. 1 ст. 20 УПК). Обвинение в суде есть поддержание в суде уже возбужденного преследования посредством представления доказательств и доводов в обоснование обвинения» (Кучин А.Ф. Указ. соч. — С. 55.).

³⁷⁷ Колоколов Н.А. Обвинение — не гипотеза / Н. А. Колоколов // *ЭЖ-Юрист*. — 2006. — № 12. — С. 9.

³⁷⁸ Предъявление данного постановления лицу само по себе не влияет на процедуру выдвижения обвинения, и обвинения считается выдвинутым (а лицо согласно п. 1 ч. 1 ст. 47 УПК РФ обвиняемым) с момента вынесения данного постановления.

б) составление обвинительного заключения следователем и его утверждение прокурором³⁷⁹.

Значение уголовного преследования как самостоятельной процессуальной деятельности, осуществляемой в рамках производства по уголовному делу, при выдвижении обвинения (*in personam*) заключается в том, что лицо может быть привлечено в качестве обвиняемого в совершении только тех преступлений, событие которых отражено в постановлении о возбуждении производства по уголовному делу (*in rem*), то есть «только по событиям (фактам), тождественным с точки зрения своего фактического содержания тем, по которым возбуждалось данное уголовное дело»³⁸⁰. Выдвигаемое обвинение, в свою очередь, должно быть основано на полной квалификации деяния лица, с учетом формы его вины, мотивов совершения преступления и иных обязательных признаков состава преступления³⁸¹. Например, в случае обнаружения трупа неизвестного лица, уголовное дело всегда возбуждается по факту совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УПК РФ (Убийство). Событие данного преступления (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения) является общим для всех преступлений, в результате которых могла наступить смерть данного неизвестного лица, поэтому для выдвижения обвинения против конкретного лица требуется установить те обстоятельства, которые определяют признаки конкретного состава преступления, прежде всего, форму вины и мотив. Так, в ходе предварительного следствия может быть установлено, что преступление совершено не умышленно, а по неосторожности (на основании чего лицо должно привлекаться в качестве обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного не ч. 1 ст. 105 УК РФ, а ч. 1 ст. 109 УК РФ); также может быть установлено, что убийство совершено в состоянии аффекта (на основании чего лицо должно привлекаться в качестве обвиняемого в совершении преступ-

³⁷⁹ При производстве по уголовному делу в форме дознания выдвижение обвинения осуществляется в упрощенном порядке путем вынесения одного процессуального документа — обвинительного акта.

³⁸⁰ Смирнов А.В. Уголовный процесс... — С. 435.

³⁸¹ Как указывает С. Макаров, содержание обвинения включает объективные и субъективные признаки деяния, детерминирующие его уголовно-правовую квалификацию... Изменение некоторых факультативных признаков (к которым относится, в том числе, время и место совершения преступления) инкриминируемого преступления является не изменением обвинения, а его уточнением в содержании. Уточнение обвинения не влечет изменения квалификации и иных тяжких последствий для подсудимого (Макаров С. Есть ли у обвинения процессуальные ограничения? / С. Макаров // *Правосудие в Восточной Сибири*. — 2003. — №№ 2–3. — С. 91.).

ления, предусмотренного ч. 1 ст. 107 УК РФ). Однако в обоих случаях повторного возбуждения производства по уголовному делу ни по ч. 1 ст. 107, ни по ч. 1 ст. 109 УК РФ не требуется.

В том случае, если в ходе предварительного расследования будет установлено, что лицо совершило преступление, событие которого не тождественно тому, что отражено в постановлении о возбуждении уголовного дела, то для осуществления уголовного преследования такого лица (не только обвинения, но и подозрения) в целях его изобличения в совершении данного преступления, необходимо официальное возбуждение производства по уголовному делу в порядке, предусмотренном ст. 146 УПК РФ³⁸², при этом возбуждение уголовного дела обязательно в отношении данного конкретного лица, что влечет одновременное возбуждение и его уголовного преследования. Например, если лицо первоначально было привлечено в качестве обвиняемого в совершении убийства, а позднее выяснилось, что оно после убийства совершило хищение личных вещей из квартиры убитого, то для его обвинения по ч. 1 ст. 158 УК РФ, прежде всего, требуется возбуждение уголовного дела по признакам указанного преступления, которое на основании п. 2 ч. 1 ст. 153 УПК РФ подлежит соединению в одном производстве с уголовным делом об убийстве. Результатом этого явится то, что в рамках одного производства *in rem*, в отношении лица смогут быть выдвинуты 2 обвинения *in personam* (точнее, обвинение в совершении двух преступлений, образующих реальную совокупность).

Момент перехода подозрения в обвинение в структуре уголовного преследования определяется, по мнению большинства процессуалистов, убежденностью следователя в совершении лицом преступления, которая формируется на «такой совокупности доказательств, которых, по мнению следователя, уже на данный момент было бы достаточно для признания лица обвиняемого виновным судом»³⁸³. Однако, как справедливо утверждает Ю.В. Францифоров, «убежденность следователя в совершении преступления лицом нельзя рассматривать в качестве критерия истинности постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Следователь, как и любой человек, может ошибаться»³⁸⁴. Одной из наиболее распространенных ошибок, по его мнению,

³⁸² О противоречивых указаниях на этот счет Верховного Суда РФ см.: Панюков А. Процессуальная деятельность без возбуждения уголовного дела / А. Панюков // Российская юстиция. — 2003. — № 5. — С. 51–52.

³⁸³ Якимович Ю. К. Указ. соч. — С. 259.

³⁸⁴ Францифоров Ю. В. Указ. статья. — С. 12.

является выдвижение обвинения, основанного на признательных показаниях лица, которые впоследствии опровергались другими обстоятельствами, установленными по делу³⁸⁵. В этой связи дальнейшая процессуальная деятельность по уголовному преследованию лица должна включать проверку, а также дополнительное обоснование выдвинутого обвинения (путем дополнительных допросов свидетелей, установления и допросов новых свидетелей, проверки показаний на месте, проведения очных ставок, назначения судебных экспертиз и производства других следственных и процессуальных действий, направленных на доказывание виновности лица).

Составление обвинительного заключения является итоговым процессуальным оформлением выдвижения обвинения, содержащим окончательную формулировку предъявленного обвинения (п. 4 ч. 1 ст. 220 УПК РФ). Обвинительное заключение должно содержать обвинение в том объеме и с той юридической квалификацией, какое было выдвинуто в ходе предварительного следствия, т.е. «формулировка обвинения в обвинительном заключении должна полностью совпадать с последним предъявленным постановлением о привлечении в качестве обвиняемого»³⁸⁶. Включение в формулировку обвинения указания на пункт, часть, статью Уголовного кодекса РФ, предусматривающую преступление, виновность в совершении которого хотя и установлена собранными по делу доказательствами, но обвинение в совершении которого лицу в ходе предварительного следствия не предъявлялось, является юридически ничтожным и не влечет увеличения объема обвинения. На практике, при обнаружении данного обстоятельства прокурором, утверждающим обвинительное заключение, он возвращает уголовное дело следователю для производства дополнительного следствия (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ), в рамках которого следователь перепредъявляет обвинение в полном объеме и составляет новое обвинительное заключение. Напротив, невключение следователем в обвинительное заключение указания на совершение лицом преступления (его эпизодов либо квалифицирующих признаков), обвинение в совершении которого предъявлялось лицу в ходе предварительного следствия, не может рассматриваться как отказ стороны обвинения от уголовного преследования лица в этой части обвинения. Подобный инцидент может произойти только по небрежности следователя, что обязан выявить прокурор, утверждающий обвинитель-

³⁸⁵ Там же. — С. 12.

³⁸⁶ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.П. Верина, В.В. Мозякова... — С. 515.

ное заключение. В противном случае, если данное нарушение следователя не обнаружит и прокурор, то, как представляется, оно является основанием для возвращения судом уголовного дела прокурору в связи с тем, что обвинительное заключение составлено с нарушением требований УПК (п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ)³⁸⁷.

Поддержание обвинения в суде осуществляется путем представления государственным обвинителем результатов изобличения (доказательств виновности) лица суду и убеждения суда в их достоверности, допустимости и достаточности для принятия окончательного решения о виновности лица в совершении преступления³⁸⁸.

Поддержание обвинения в суде включает следующие процессуальные действия государственного обвинителя:

- 1) *на стадии подготовки к судебному заседанию* — заявление ходатайства об исключении доказательства, на которое ссылается сторона защиты, и поддержание данного ходатайства на предварительном слушании (п. 1 ч. 2 ст. 229, ст. 235 УПК РФ);
- 2) *на судебном следствии*:
 - а) изложение государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения (ч. 1 ст. 273 УПК РФ);
 - б) представление для исследования доказательств, подтверждающих виновность подсудимого (ч. 2 ст. 274 УПК РФ);
 - в) участие в допросе подсудимого (ч. 3 ст. 274, ст. 275 УПК РФ);
 - г) оглашение показаний подсудимого в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 276 УПК РФ;
 - д) участие в допросе потерпевшего и свидетелей (ст.ст. 277–278 УПК РФ);
 - е) оглашение показаний потерпевшего и свидетелей в случаях, предусмотренных ч.ч. 1 и 2 ст. 281 УПК РФ;
 - ж) участие в допросе эксперта (ст. 282 УПК РФ);
 - з) заявление ходатайства о производстве судебной экспертизы (ст. 283 УПК РФ);

³⁸⁷ Тем не менее, Н.А. Колоколов приводит пример, когда подобное нарушение следователя стало основанием прекращения уголовного дела: «Описав подробно, в чем заключается вред здоровью средней тяжести, следователь в заключении указал легкий вред здоровью. Заместитель прокурора области, утверждавший обвинительное заключение, это не заметил... В результате содеянное вооруженной группой из трех человек с ч. 3 ст. 30, п. «а», «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ судом было перевалифицировано на ст. 116 УК РФ и производством прекращено за примирением сторон» (Колоколов Н.А. Указ. статья. — С. 9.).

³⁸⁸ Как верно отмечает Г.Н. Королев, при поддержании обвинения в суде государственный обвинитель осуществляет «доказывание-обоснование» обвинения (Королев Г.Н. Прокурорское уголовное преследование... — С. 322.).

- и) оглашение протоколов следственных действий и иных документов (ст. 285 УПК РФ);
 - к) заявление ходатайств о производстве судебных действий и участие в их производстве (ст.ст. 287 — 290 УПК РФ);
 - 3) *участие в прениях сторон* (ст. 292 УПК РФ);
 - 4) *поддержание обвинения при обжаловании судебного решения* в апелляционном и кассационном порядке по основанию несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела (ст. 380 УПК РФ).
- Г.Н. Королев в деятельность по поддержанию государственного обвинения в суде включает также следующие действия и решения:
- заявление ходатайств о повторном рассмотрении вопроса о признании ранее исключенного доказательства допустимым (ч. 7 ст. 235 УПК РФ);
 - участие в исследовании доказательств, представленных стороной защиты (ч. 1 ст. 275 УПК РФ, ч. 3 ст. 278 УПК РФ);
 - поддержание предъявленного прокурором по уголовному делу гражданского иска в целях защиты прав граждан, общественных или государственных интересов (ч. 6 ст. 246 УПК РФ);
 - выступление в репликой после произнесения речей всеми участниками прений (ч. 6 ст. 292 УПК РФ);
 - представление суду в письменном виде предлагаемых им формулировок решений по вопросам, указанным в п.п. 1–6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ (ч. 7 ст. 292 УПК РФ)³⁸⁹.

Однако не все указанные Г.Н. Королевым действия и решения государственного обвинителя, как представляется, направлены непосредственно на установление виновности (изобличение) подсудимого в совершении преступления. Так, например, поддержание гражданского иска хотя и связано с установлением виновности, но не способствует таковому. Поэтому поддержание гражданского иска следует рассматривать как реализацию надзорных полномочий прокурора в рамках уголовного преследования подсудимого.

Уголовное преследование в суде осуществляется только в отношении того лица, которому предъявлялось обвинение в досудебном производстве, и только в объеме предъявленного обвинения. Яркий пример процессуальных последствий нарушения данного требования приводит А.В. Смирнов: судья Саратовского областного суда прекратил уголовное дело в отношении лица, которому было предъявлено обвинение с нарушением закона. В своем постановлении о прекраще-

³⁸⁹ Королев Г.Н. Прокурорское уголовное преследование... — С. 342.

нии дела он указал, что, «если установленный УПК РФ порядок выдвигания утверждения о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, нарушен, то это утверждение не является обвинением, т.е. не имеет юридического значения и не влечет каких-либо правовых последствий для лица, в отношении которого оно выдвинуто. Суд в состязательном процессе не выступает ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты, поэтому отсутствие обвинения влечет за собой невозможность рассмотрения дела в судебном разбирательстве. Руководствуясь этими рассуждениями, судья прекратил дело в связи с отсутствием обвинения, несмотря на то, что ни ст. 24, ни ст. 27 УПК РФ не содержит такого основания для прекращения уголовного дела (преследования)»³⁹⁰. Таким образом, Саратовский областной суд создал прецедент прекращения уголовного дела по непредусмотренному уголовно-процессуальным законом основанию, исходя из общих условий судебного разбирательства (в частности, исходя из пределов судебного разбирательства, определенных ч. 1 ст. 252 УПК РФ), что, возможно, повлечет в будущем включение в УПК РФ нового основания прекращения уголовного дела на стадии судебного разбирательства.

Основным требованием к уголовному преследованию в суде является *недопустимость поворота обвинения к худшему* (ч. 2 ст. 252 УПК РФ), что подразумевает:

- 1) недопустимость изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого по уголовному закону о более тяжком преступлении;
- 2) недопустимость нарушения права обвиняемого на защиту.

На основании данного требования государственный обвинитель вправе изменить обвинение только в сторону смягчения путем:

- 1) исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание;
- 2) исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму УК РФ, если деяние подсудимого предусматривается другой нормой УК РФ, нарушение которой вменялось ему в обвинительном заключении или обвинительном акте;
- 3) переквалификации деяния в соответствии с нормой УК РФ, предусматривающей более мягкое наказание.

³⁹⁰ Смирнов А.В. Неизвестное уголовно-процессуальное право / А.В. Смирнов // Режим доступа: <http://iuj.net/modules.php?name=Pages&go=page&pid=91>, свободный. — Загл. с экрана.

В этой связи заслуживает внимания вопрос о том, в каких процессуальных пределах государственный обвинитель может изменить обвинение путем переквалификации деяния в соответствии с нормой УК РФ, предусматривающей более мягкое наказание. УПК РФ по данному вопросу не содержит каких-либо указаний. Вместе с тем, следует поддержать мнение А.В. Смирнова о том, что является нарушением права обвиняемого на защиту «такое изменение обвинения, при котором новое обвинение существенно отличается по фактическим обстоятельствам от ранее предъявленного, т.е. если это влечет изменение представлений о времени, месте, способе и других обстоятельствах совершения преступления», так как «переход к такому новому обвинению в судебном разбирательстве лишает подсудимого возможности и времени на то, чтобы всесторонне обдумать измененное обвинение, избрать оптимальную позицию защиты, заявить ходатайства о получении дополнительных оправдательных доказательств, другими словами, нарушает его положение с точки зрения реализации права на защиту»³⁹¹. Например, недопустима переквалификация действий подсудимого с ч. 1 ст. 105 УК РФ «Убийство» на ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства», предполагающую совершенно иные обстоятельства совершения преступления. В этом случае, как представляется, уголовное преследование лица с целью изобличения лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, может осуществляться только в рамках нового производства *in rem*, которое может быть возбуждено органом уголовного преследования в общем порядке.

Выводы:

1. Осуществление уголовного преследования на этапах подозрения и обвинения направлено на изобличение лица в совершении преступления, что выражается: 1) на этапе подозрения — в доказывании причастности лица к совершению преступления; 2) на этапе обвинения — в доказывании виновности лица в совершении данного преступления.
2. Подозрение является необязательным этапом уголовного преследования, имеющим характер «предобвинения», т.е. этапом подготовки обвинения. Этап подозрения в уголовном преследовании должен осуществляться до тех пор, пока не будет: 1) установлена непричастность лица к совершенному преступлению, на основании

³⁹¹ Смирнов А.В. Уголовный процесс... — С. 508.

чего уголовное преследование данного лица должно быть прекращено по п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ путем вынесения соответствующего постановления, либо 2) собрано достаточно доказательств, дающих основания для привлечения лица в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 171 УПК РФ).

3. Обвинение как процессуальная деятельность является основным этапом уголовного преследования. Обвинение в досудебном и судебном производствах осуществляется в 2-х формах: 1) в досудебном производстве — выдвижение обвинения; 2) в судебном производстве — поддержание обвинения. Значение уголовного преследования как самостоятельной процессуальной деятельности при выдвижении обвинения (*in personam*) заключается в том, что лицо может быть привлечено в качестве обвиняемого в совершении только тех преступлений, событие которых отражено в постановлении о возбуждении производства по уголовному делу (*in rem*). Поддержание обвинения в суде осуществляется посредством представления государственным обвинителем результатов изобличения (доказательств виновности) лица суду и убеждения суда в их достоверности, допустимости и достаточности для принятия окончательного решения о виновности лица в совершении преступления.

§ 3. Виды уголовного преследования

3.1. Публичное уголовное преследование

Осуществление публичного уголовного преследования является обязанностью прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания или дознавателя (ст. 21 УПК РФ). Обязанность осуществления уголовного преследования выражается, прежде всего, в обязанности его возбуждения. Обязанность возбуждения уголовного преследования означает обязанность руководителя следственного органа, следователя, органа дознания или дознавателя наделить процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого лица, в отношении которого имеются доказательства о причастности к совершению преступления либо доказательства, подтверждающие виновность в его совершении.

В ходе производства по уголовному делу, возбужденного «по факту», обязанность возбуждения уголовного преследования, как уже отмечалось, возникает при установлении обстоятельств, являющихся основаниями задержания лица или применения к нему меры пресечения до

предъявления обвинения, либо достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления.

Вместе с тем, некоторые статьи УК РФ предусматривают уголовную ответственность за преступления, которые, исходя из их специфики, могут быть совершены только каким-то конкретным лицом, установление которого, в связи с этим, является необходимым условием для возбуждения уголовного дела. Публичное уголовное преследование по таким составам должно возбуждаться одновременно с возбуждением уголовного дела, что осуществляется путем вынесения следователем, дознавателем либо органом дознания постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица.

В УПК РФ не содержится каких-либо указаний относительно основания возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. Единственной нормой, ориентирующей правоприменителя в такой ситуации, являлось примечание 1 в бланке постановления о возбуждении уголовного дела (приложение 12 к ст. 476 УПК РФ), согласно которому в постановлении о возбуждении уголовного дела графа «Возбудить уголовное дело в отношении» заполняется, если «установлено лицо, подозреваемое в совершении преступления». Однако после исключения Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ из УПК РФ бланков процессуальных документов указанное предписание перестало иметь нормативный характер. Кроме того, данная формулировка вызывала, как минимум, два вопроса: во-первых, необходимо ли связывать установление лица, подозреваемого в совершении преступления, с установлением обстоятельств, предусмотренных ст. 91 УПК РФ, и, во-вторых, какие иные обстоятельства могут выступать в качестве основания возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица?

Нельзя не согласиться в этой связи с утверждением И.В. Овсянникова и В.С. Овсянникова о том, что для правоприменителя «остается неясным, какое основание требуется для возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. Отсутствие в законе четких указаний на это может привести как к поспешному и преждевременному вовлечению в уголовный процесс лиц в качестве подозреваемых, так и к нерешительным действиям представителей правоохранительных органов, стремлению перестраховаться, неоправданному отказу в наделении лица статусом подозреваемого»³⁹².

А.В. Смирнов, указывая, что уголовное дело всегда подлежит возбуждению в отношении конкретного лица по делам, расследуемым

³⁹² Овсянников И.В. Предъявление подозрения... — С. 40.

в форме дознания (ст. 223 УПК РФ), по делам частного обвинения (ст. 318 УПК РФ), а также при производстве в отношении отдельных категорий лиц (ст. 448 УПК РФ), отмечает: «если в первичных материалах о совершении преступления (заявлении, явке с повинной, сообщении о совершении преступления, а также материалах их проверки органом дознания, дознавателем, следователем, прокурором) имеются сведения, позволяющие предположить, что преступление совершено определенным лицом, то и по любым другим делам в постановлении о возбуждении дела это лицо должно быть указано»³⁹³.

Ю.Б. Чупилкин считает, что уголовное дело подлежит возбуждению в отношении конкретного лица при наличии следующих обстоятельств: «1) когда в заявлениях, сообщениях о преступлении и в объяснениях очевидцев преступления прямо указывается на лицо, совершившее преступление; 2) когда лицо застигнуто на месте преступления или после его совершения; 3) когда лицо, совершившее преступление, известно из результатов ОРД, на основании которых возбуждается уголовное дело; 4) когда у доставленного в орган дознания или предварительного следствия при личном досмотре на его одежде, при нем, а также при осмотре места происшествия обнаружены явные следы преступления»³⁹⁴.

В.М. Быков рассматривает сведения, указывающие на признаки конкретного лица, совершившего преступление, как дополнительные основания для возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, выделяя 6 таких оснований: 1) указание потерпевшим на конкретное лицо в заявлении о преступлении; 2) явка с повинной лица, совершившего преступление; 3) указание в рапорте об обнаружении признаков преступления сведений о конкретном лице, заподозренном в совершении преступления; 4) наличие на момент возбуждения уголовного дела оснований для задержания лица по подозрению в совершении преступления; 5) состав преступления, по которому возбуждается уголовное дело, предусматривает признаки специального субъекта; 6) наличие на момент возбуждения уголовного дела сведений о совершении преступления лицом, обладающим уголовно-процессуальным иммунитетом³⁹⁵.

³⁹³ Смирнов А.В. Уголовный процесс... — С. 133.

³⁹⁴ Чупилкин Ю.Б. Указ. соч. — С. 6.

³⁹⁵ Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела / В.М. Быков // Журнал российского права. — 2006. — № 7. — С. 60–62. См. также: Быков В.М. Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица / В.М. Быков // Уголовный процесс. — 2006. — № 6. — С. 37.

Таким образом, в научной литературе признается, что наличие оснований для задержания лица по подозрению в совершении преступления на момент возбуждения уголовного дела само по себе является основанием для возбуждения уголовного дела в отношении данного конкретного лица. Что касается таких оснований возбуждения уголовного дела в отношении лица, как указание потерпевшим на конкретное лицо в заявлении о преступлении, а также явка с повинной совершившего преступление лица, то наличие данных сведений на стадии возбуждения уголовного дела, как представляется, должно оцениваться субъектом возбуждения уголовного дела критически, а именно, эти сведения должны быть проверены с точки зрения возможного самоговора, их заведомой ложности либо добросовестного заблуждения лица, заявляющего о преступлении. При подтверждении в результате проверки сообщения о преступлении сведений о причастности какого-либо лица к его совершению такое лицо необходимо рассматривать как фактически заподозренное, что, даже при отсутствии оснований для его задержания, должно влечь возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица. По верному указанию А. Панюкова, «наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, есть не что иное, как определенная совокупность признаков, характеризующих объективную сторону того или иного события как преступного. Возбуждая дело в отношении лица, мы тем самым делаем два вывода: во-первых, о том, что имеется некое событие, которое содержит в себе признаки преступления; во-вторых, о том, что данное событие вызвано к жизни действием или бездействием конкретного лица»³⁹⁶.

Самостоятельным основанием возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица является возбуждение уголовного дела по преступлениям, которые, исходя из их специфики, могут быть совершены только конкретным лицом. К таким преступлениям, в частности, относятся преступления, составы которых предусматривают признаки специального субъекта. С точки зрения уголовного права признаки специального субъекта «выступают криминообразующими. Без них либо вообще нет составов, например, воинского преступления, получения взятки, вынесения неправосудного приговора, либо нет квалифицированного деяния (получение взятки лицом, занимающим государственную должность субъекта РФ). Специальный субъект включен в деяние, автором которого он является»³⁹⁷.

³⁹⁶ Панюков А. Указ. статья. — С. 53.

³⁹⁷ Курс уголовного права. В 5 т. ... — Т. 1. — С. 47.

Так, возбуждение уголовного дела по одному из преступлений, предусмотренных главой 33 УК РФ «Преступления против военной службы», предполагает установление признаков субъекта преступления, определяющих лицо как военнослужащее, что, в свою очередь, предполагает установление сведений о каком-то конкретном лице, обладающем такими признаками. Следует согласиться с утверждением К.В. Муравьева о том, что «без установления специальных признаков субъекта нет оснований утверждать, что имело место посягательство на определенный объект»³⁹⁸.

Вместе с тем, составы преступлений, предусматривающие признаки специального субъекта, являются не единственными, по которым уголовное дело должно возбуждаться в отношении конкретного лица. В литературе также указывается на то, что «уголовные дела должны возбуждаться в отношении конкретных лиц по признакам таких преступлений, которые могут быть совершены только определенным субъектом, прямо указанным в уголовном законе (например, убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ), отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ), злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ), злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ), уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194 УК РФ)»³⁹⁹.

Как представляется, перечень таких составов намного шире. К ним относятся не только составы, предусматривающие специальные признаки субъекта преступления, но и иные признаки, установление которых при возбуждении уголовного дела возможно только при установлении самого субъекта преступления. В зависимости от этих признаков составы преступлений, по которым уголовное дело подлежит возбуждению в отношении конкретного лица, могут быть классифицированы на следующие группы:

³⁹⁸ Муравьев, К.В. Указ. соч. — С. 18.

³⁹⁹ Уголовный процесс России. Особенная часть: Учебник для студентов юрид. вузов и фак-тов / А.И. Александров, С.А. Величкин, Н.П. Кириллова и др.; Под ред. В.З. Лукашевича. — СПб.: Издат. дом С.—Петерб. ун-та, 2005. — С. 5. См. также: Махов В. Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица / В. Махов // Российская юстиция. — 1997. — № 12. — С. 25; Гриненко А. Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела А. Гриненко // Уголовное право. — 2001. — № 1. — С. 48–49; Горленко С.В. О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в целях защиты прав личности при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности / С.В. Горленко // Налоговый вестник. — 2003. — № 6. — С. 161–165; Победкин А. Указ. статья. — С. 34.

- 1) составы, конструкция которых предусматривает ответственность за неисполнение какой-либо обязанности (ст.ст. 124, 125, 140, 143, 156, 157, 177, 185.1, 192, 198–199.1, 297, 310, 311, ч.ч. 2 ст.ст. 312, 316, 328, 339, 345 УК РФ);
- 2) составы, предусматривающие уголовную ответственность за совершение преступления по неосторожности (ст.ст. 109, 118, 168, 224, 347 УК РФ);
- 3) составы, содержащие признаки специального субъекта (ст.ст. 106, 121, 122, ч. 1 ст. 142, ст.ст. 142.1, 145, 145.1, 160, 169, 170, 176, 189, 193, 194, 196, 197, 199.2, 201–203, ч.ч. 3, 4 ст.ст. 204, 215.1, 225, 228.2, 235, 237, 270, 285–288, 290–293, 299–308, ч. 1 ст.ст. 312, 313–315, 337, 338 УК РФ);
- 4) составы, по которым для установления отдельных признаков состава необходимо определение психического или физического состояния лица в момент совершения преступления (ст.ст. 106–108, 113, 114 УК РФ);
- 5) составы, предусматривающие уголовную ответственность за участие в незаконных организациях или мероприятиях (ч. 2 ст. 208, ч.ч. 2, 3 ст. 209, ч.ч. 2, 3 ст. 210, ч. 2 ст. 212, ч. 2 ст. 239, ст. 279, ч.ч. 2, 3 ст. 282.1, ч. 2 ст. 282.2, ч. 3 ст. 359 УК РФ).

Обязанность возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица по отдельным составам преступлений находит свое выражение и в практике Верховного Суда РФ. Так, в надзорном определении от 28 февраля 2006 г. № 46-Дп05-77 Верховный Суд РФ указал, что «по смыслу закона, для возбуждения уголовного дела по признакам преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 285 УК РФ и ч. 2 ст. 286 УК РФ, установление конкретного должностного лица, занимающего государственную должность и допустившего злоупотребление и превышение, является обязательным. Возбуждение уголовного дела по факту злоупотребления неопределенным кругом лиц является незаконным. Тот факт, что в описательной части постановления о возбуждении уголовного дела имеются ссылки на фамилии отдельных должностных лиц, совершивших действия, подпадающие под признаки указанных преступлений, не может служить основанием для признания этого постановления законным, поскольку в постановочной части указано, что дело возбуждено в отношении неконкретных должностных лиц. Доводы, изложенные в надзорном представлении о том, что указание в постановлении о возбуждении уголовного дела конкретного лица не предусмотрено ст. 146 УПК РФ, несостоятельны, поскольку в ст. 146 УПК РФ имеются лишь ссылки на общие основания для возбуждения уголовного дела, а приложение № 12 к ст. 476 УПК РФ (бланк постановления о возбуждении уголовного дела) содержит конкретные предписания об указании

в постановлении признаков преступления и конкретного лица, и это приложение является нормой уголовно-процессуального закона»⁴⁰⁰.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующий вывод: принятие решения руководителем следственного органа, следователем, органом дознания или дознавателем о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица необходимо рассматривать как процессуальную обязанность, возникающую в случае установления по результатам проверки сообщения о преступлении достаточных данных о причастности конкретного лица к совершению преступления. В качестве таких данных могут выступать как обстоятельства, являющиеся основаниями для задержания лица по подозрению в совершении преступления, так и иные обстоятельства, указывающие на возможность совершения отдельных составов преступления только конкретным лицом. В целях совершенствования правовой регламентации порядка возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица предлагаю ст. 21 УПК РФ «Обязанность осуществления уголовного преследования» дополнить положением следующего содержания: «Если на момент принятия решения о возбуждении уголовного дела руководитель следственного органа, следователь, орган дознания или дознаватель обладают достаточными данными о причастности лица к совершению преступления, уголовное дело возбуждается в отношении конкретного лица», которое, как представляется, станет дополнительной гарантией, направленной на исключение случаев осуществления уголовного преследования в отношении лица, не обладающего по уголовному делу процессуальным статусом подозреваемого, обвиняемого.

*Уголовное преследование по делам частного-публичного характера*⁴⁰¹ осуществляется также в публичном порядке и самостоятельного вида уголовного преследования не составляет. Это связано с тем, что уголовное преследование по делам, предусмотренным ч. 3 ст. 20 УПК, не обладает какими-либо особенностями по сравнению с уголовным преследова-

⁴⁰⁰ Определение Верховного Суда от 28 февраля 2006 г. № 46-Дп05-77 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Электрон. поисковая прог. — М.: КонсультантПлюс, 2003. — Систем. требования P-11-300; 32 Мб ОЗУ; Microsoft Windows 2000/XP. — Загл. с экрана.

⁴⁰¹ Традиционно употребляемые в уголовно-процессуальной литературе термины «уголовные дела публичного обвинения» и «уголовные дела частного-публичного обвинения» представляются некорректными, так как до привлечения лица в качестве обвиняемого производство по рассматриваемым категориям дел не включает обвинительную деятельность. Правильнее было бы говорить об уголовных делах публичного и частного-публичного характера (от греч. *charakter* — отличительная черта, признак).

нием по делам публичного обвинения. Единственным отличием между данными категориями дел является порядок их возбуждения, а именно уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 20 УПК РФ, могут быть возбуждены только при наличии такого повода, как заявление потерпевшего либо его законного представителя.

С момента возбуждения уголовного дела о преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 20 УПК РФ, дальнейшая процессуальная деятельность стороны обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления осуществляется в том же порядке, что и по уголовным делам публичного обвинения. Таким образом, ч. 3 ст. 20 УПК РФ предусматривает не самостоятельный вид (порядок) уголовного преследования, а самостоятельный вид уголовного дела, в рамках которого уголовное преследование осуществляется в публичном порядке. С данным утверждением согласились 57% опрошенных автором сотрудников прокуратуры и органов внутренних дел Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа.

Поэтому, учитывая, что ранее мною было предложено разграничить нормативное регулирование института уголовного преследования (в рамках главы 3 УПК РФ) и института производства по уголовному делу (в рамках главы 4 УПК РФ)⁴⁰², предлагаю в нормах указанных институтов закрепить виды, соответственно, уголовного преследования и виды уголовного дела. Так, ст. 20 УПК РФ должна содержать виды уголовного преследования — публичное и частное, в то время как ст. 24 УПК РФ (в новой редакции главы 4 УПК РФ)⁴⁰³ — виды уголовных дел, к которым относятся уголовные дела публичного, частного-публичного и частного обвинения⁴⁰⁴.

В литературе предлагается *отказаться от частного-публичного обвинения* «как самостоятельного вида обвинения»⁴⁰⁵. Однако, как показал опрос практических сотрудников прокуратуры и органов внутренних дел, подавляющее большинство из них (74%) не одобряют данного предложения. Более того, частно-публичный порядок возбуждения уголовного дела согласуется с нормами международного права. Так, в Рекоменда-

⁴⁰² См. подр. §1 главы 2 настоящей работы.

⁴⁰³ См. приложение 2 к настоящей работе.

⁴⁰⁴ Как уже было указано, правильнее было бы говорить об уголовных делах публичного, частного-публичного и частного характера. Однако не буду настаивать на нормативном изменении этих названий, так как понятия «дела публичного обвинения», «дела частного-публичного обвинения» и «дела частного обвинения» являются устоявшимися и общепризнанными.

⁴⁰⁵ Шманатова Е.В. Указ. соч. — С. 103.

ции № 6 R (87) 18 Комитета министров Совета Европы «Относительно упрощения уголовного правосудия» (принята 17 сентября 1987 г.)⁴⁰⁶ определяются основные приоритеты уголовной политики относительно формы и содержания уголовного процесса. В частности, предлагается ряд принципов, которые должны способствовать ускорению и упрощению работы системы уголовного правосудия. Одним из таковых является принцип дискреционного преследования. Не раскрывая основные меры, направленные на реализацию данного принципа и не углубляясь в дискуссию о его реализации в российском уголовном процессе, следует обратить внимание на то, что в указанном документе Комитет министров предусматривает оговорку следующего содержания: «Государства, которые применяют принцип обязательного преследования ввиду своего исторического развития и своей конституции, должны *ввести или расширить* использование мер, которые, хотя и отличаются от дискреционного преследования, имеют ту же самую цель, что это преследование, и прежде всего: i) количество дел, возбуждение преследования по которым зависит от условия, следует расширить, в частности, когда интересы общества не преобладают, *просьба или согласие пострадавшего может быть условием для преследования*» (пункт b раздела I). Таким образом, следует признать, что расширение перечня преступлений, уголовные дела по которым возбуждаются в частно-публичном порядке, отражает общую международную тенденцию расширения дискреционных начал в уголовном судопроизводстве.

Как было отмечено, основанием выделения уголовных дел частно-публичного характера является исключительно порядок их возбуждения, что отражено в ч. 3 ст. 147 УПК РФ: «Уголовные дела о преступлениях, указанных в части третьей статьи 20 настоящего Кодекса, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя. *Производство по таким уголовным делам ведется в общем порядке*».

Очевидно, что данная формулировка является «наследием» УПК РСФСР 1960 года, в котором ст. 27 «Уголовные дела, возбуждаемые по жалобе потерпевшего», содержала аналогичное положение. По отношению к понятию «уголовное преследование» понятие «производство по уголовному делу» является более широким. «Уголовное преследование» можно рассматривать как элемент производства по уголовному делу, включающий, кроме уголовного преследования, процессуальную

деятельность по установлению обстоятельств совершенного преступления, составляющих событие преступления. Осуществление производства по уголовным делам, предусмотренным ч. 3 ст. 20 УПК РФ, «в общем порядке» означает, что:

- 1) *установление обстоятельств совершенного преступления*, составляющих событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства), осуществляется в *общем порядке*, т.е. путем производства предварительного следствия (ч. 2 ст. 150 УПК РФ);
- 2) *уголовное преследование* осуществляется в *публичном порядке*, т.е. является обязанностью прокурора, руководителя следственного органа, следователя и дознавателя (ч. 1 ст. 21 УПК РФ); потерпевший, его законный представитель и (или) представитель вправе участвовать в уголовном преследовании (ст. 22 УПК РФ).

Таким образом, «общий порядок» производства по уголовному делу предполагает осуществление в рамках него публичного уголовного преследования. Вместе с тем, понятие «общий порядок» производства по уголовному делу является законодательно неопределенным, что может вызвать его некорректное понимание правоприменителем. Так, очевидно, что производство по уголовным делам частно-публично-го характера не исключает возможность осуществления в рамках него особых производств, предусмотренных главами 40, 50–52 УПК РФ. Например, уголовное преследование несовершеннолетнего по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 131 УК РФ «Изнасилование», должно осуществляться в соответствии с требованиями, предусмотренными главой 50 УПК РФ, находящейся в разделе 4 УПК РФ «Особый порядок уголовного судопроизводства». Кроме того, по данному составу преступления судебное разбирательство может быть проведено, при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, в особом порядке (ч. 1 ст. 314 УПК РФ). Поэтому утверждение о том, что производство по уголовным делам о преступлениях, указанных в ч. 3 ст. 20 УПК РФ, «ведется в общем порядке», не соответствует положениям уголовно-процессуального закона.

В связи с этим, считаю необходимым изменить второе предложение ч. 3 ст. 147 УПК РФ, изложив его в следующей редакции: «*Уголовное преследование по таким уголовным делам осуществляется в публичном порядке*».

В рамках вопроса об осуществлении уголовного преследования по делам частно-публичного характера необходимо также остановиться на проблеме *привлечения к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации* (ст. 23 УПК РФ). Причиной этого является доминирующее в литературе мнение о том, что данный поря-

⁴⁰⁶ Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. — М.: СПАРК, 1998. — С. 116–122.

док является «разновидностью частно-публичного порядка уголовного преследования»⁴⁰⁷, «примыкает к частно-публичному обвинению»⁴⁰⁸. Вместе с тем, существует также мнение о том, что это «специальный процессуальный порядок осуществления публичного уголовного преследования»⁴⁰⁹. Последняя точка зрения в большей степени соответствует положениям уголовно-процессуального закона: ч. 5 ст. 20 УПК РФ устанавливает, что все уголовные дела, за исключением уголовных дел, указанных в ч. 2 и ч. 3 ст. 20 УПК РФ, считаются уголовными делами публичного обвинения. Данная категория дел (ст.ст. 201–204 УПК РФ) в ч. 2 или 3 ст. 20 УПК РФ не указана, что формально предопределяет их статус как уголовных дел публичного характера.

Статья 23 УПК РФ устанавливает: «Если деяние, предусмотренное главой 23 Уголовного кодекса Российской Федерации, причинило вред интересам исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, и не причинило вреда интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства, то уголовное дело возбуждается по заявлению руководителя данной организации или с его согласия».

Аналогичная по содержанию норма содержится в примечаниях 2 и 3 к ст. 201 УК РФ⁴¹⁰. Вместе с тем, указанные примечания обладают рядом несоответствий со ст. 23 УПК РФ, на которые уже указывалось в научной литературе⁴¹¹. В аспекте исследуемой проблемы

⁴⁰⁷ Уголовный процесс: Учебник для студентов юрид. вузов и фак-тов / Под общ. ред. В.М. Лебедева... — С. 97; Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. Г.П. Химичевой... — С. 73; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. И.Л. Петрухин... — С. 103; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / Под ред. Н.А. Петухова, Г.И. Загорского. — М.: ЭКМОС, 2002. — С. 66; Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию... — С. 458; Донской, Д. Д. Указ. соч. — С. 85.

⁴⁰⁸ Уголовный процесс России: Учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун... — С. 44.

⁴⁰⁹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко... — С. 63.

⁴¹⁰ Если деяние, предусмотренное настоящей статьей либо иными статьями настоящей главы, причинило вред интересам исключительно коммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, уголовное преследование осуществляется по заявлению этой организации или с ее согласия. Если деяние, предусмотренное настоящей статьей либо иными статьями настоящей главы, причинило вред интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства, уголовное преследование осуществляется на общих основаниях (примечания 2 и 3 к ст. 201 УК РФ).

⁴¹¹ См. подр.: Орлова А.А. Уголовное преследование по заявлению коммерческой или иной организации / А.А. Орлова // Российский следователь. — 2003. — № 10. — С. 7–8; Скрыбин Э.Н. Особенности уголовного преследования за преступления против интересов

наибольший интерес представляет то, что, несмотря на использование в содержании ст. 23 УПК РФ понятия «возбуждение уголовного дела», в названии данной статьи, а также в примечаниях 2 и 3 к ст. 201 УК РФ используется понятие «уголовное преследование». Отмеченное противоречие имеет не только терминологическое значение, но и практическое: если под «уголовным преследованием» понимается процессуальная деятельность в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, то заявление или согласие руководителя организации необходимо не только для возбуждения уголовного дела (на что указывается в содержании ст. 23 УПК РФ), но также и на привлечение к уголовному преследованию, и на его осуществление (вывод о чем напрашивается исходя из названия ст. 23 УПК РФ, а также из содержания примечаний 2 и 3 к ст. 201 УК РФ). Очевидно, что это не так.

В литературе существует мнение, что понятие «привлечение к уголовному преследованию», используемое в названии ст. 23 УПК РФ, означает возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица⁴¹². Если следовать этой логике, то возбуждение уголовного дела «по факту» совершения преступления, предусмотренного главой 23 УК РФ, может осуществляться без заявления или согласия руководителя организации. Содержание ст. 23 УПК РФ не позволяет сделать такой вывод: в тексте статьи речь идет о возбуждении уголовного дела не применительно к конкретному лицу. Однако следует отметить, что приведенное утверждение имеет практическое обоснование: в следственной деятельности уголовные дела по преступлениям, предусмотренным главой 23 УК РФ, как правило, возбуждаются в отношении конкретного лица, что обусловлено спецификой субъекта данных составов преступления⁴¹³. Вместе с тем, нельзя исключать и такие случаи, когда конкретное лицо, совершившее преступление, предусмотренное главой 23 УК РФ, не установлено, — в этом случае уголовное дело подлежит возбуждению «по факту», что означает невозможность начала осуществления уголовного преследования одновременно с возбуждением уголовного дела.

службы / Э.Н. Скрыбин // Журнал российского права. — 2002. — № 12. — С. 89–99; Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию... — С. 460.

⁴¹² Уголовный процесс России: Учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун... — С. 45; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко... — С. 65; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / Под ред. Н.А. Петухова... — С. 65.

⁴¹³ Об обязанности возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица по отдельным составам преступлений см. первую часть данного параграфа.

Объяснить логику законодателя в формулировании именно такого названия ст. 23 УПК РФ возможно только тем, что данная статья закреплена в главе 3 УПК РФ, имеющей название «Уголовное преследование», и законодатель, думается, стремился включить понятие «уголовное преследование» в название всех статей данной главы.

На недостатки в названии ст. 23 УПК РФ обращалось внимание и в литературе. Так, Д.Д. Донской считает, что «представляется неблагоприятным с позиций филологии название статьи 23 УПК РФ: «Привлечение к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации», так как «в статье 23 УПК говорится об условиях возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица»⁴¹⁴. А.А. Орлова также указывает на то, что «редакция названия правовой нормы (ст. 23 УПК РФ — Р. М.) вызывает возражения, так как не соответствует ее содержанию»⁴¹⁵.

Таким образом, поддерживая мнение о том, что название ст. 23 УПК РФ («привлечение к уголовному преследованию») не соответствует ее содержанию («возбуждение уголовного дела»), предлагаю название указанной статьи изложить в следующей редакции: «Статья 23. Возбуждение уголовного дела по заявлению коммерческой или иной организации».

3.2. Частное уголовное преследование

Частное уголовное преследование осуществляется по преступлениям, указанным в ч. 2 ст. 20 УПК РФ: статьи 115, часть 1 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», 116, часть 1 «Побои», 129, часть 1 «Клевета», 130 «Оскорбление» УК РФ. Не вступая в дискуссию относительно расширения перечня преступлений, которые предлагается преследовать в частном порядке⁴¹⁶, отмечу, что частное уголовное пре-

⁴¹⁴ Донской Д. Д. Указ. соч. — С. 84.

⁴¹⁵ Орлова А. А. Указ. статья. — С. 7.

⁴¹⁶ См.: Смолькова И. В. Соотношение частных и публичных начал в уголовном процессе — методологическая основа определения оснований и пределов вмешательства правоохранительных органов в охраняемые законом тайны / И. В. Смолькова // Социально-экономические и правовые проблемы Восточно-Сибирского региона на пороге третьего тысячелетия: Мат-лы науч.-практ. конф. Иркутск, 13–15 мая 1998 г. — Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. — С. 79; Петрухин И. Публичность и диспозитивность в уголовном процессе / И. Петрухин // Российская юстиция. — 1999. — № 3. — С. 25; Ленский А. В. Производство по делам частного обвинения в уголовном процессе России / А. В. Ленский, Ю. К. Якимович. — М.: Юристъ, 1998. — С. 10–13; Багаутдинов Ф. Расширение частных начал в уголовном процессе / Ф. Багаутдинов // Российская юстиция. — 2002. — № 2. — С. 32; Воронин В. В. Понятие и сущность современного российского судопроизводства по делам частного обвинения / В. В. Воронин // Российский судья. — 2001. — № 4. — С. 41–42;

следование является исторически закономерной и социально необходимой формой уголовного судопроизводства.

Правом на частное уголовное преследование обладают пострадавший⁴¹⁷ и (или) его законный представитель, которым принадлежит исключительное полномочие инициирования производства по уголовному делу путем подачи заявления мировому судье (ч. 1 ст. 147, ч. 1 ст. 318 УПК РФ).

Юридическую природу частного уголовного преследования Н. Е. Петрова образно обозначила следующим образом: «в основе существования института жалобы потерпевшего лежат соображения, выходящие за пределы уголовного процесса. Государство ограничивает свое право на преследование некоторых преступлений из уважения к неприкосновенности частной жизни, то есть по соображениям этического плана, игнорирование которых существенно снизило бы эффективность правового регулирования. Однако это ограничение не означает устранения возможности официального преследования данных деяний. Сущность этого ограничения состоит лишь в том, что должностные лица не могут начать преследование без учета мнения потерпевшего»⁴¹⁸.

Думается, можно также согласиться с утверждением Л. В. Головки о том, что «по делам частного обвинения сам по себе конфликт для законодателя безразличен»⁴¹⁹. Это связано с тем, что преступления, указанные в ч. 2 ст. 20 УПК РФ, хотя и обладают общественной опасностью, ее характер и степень, а также специфика объекта преступного посягательства (личные неимущественные интересы), не требуют, по мнению законодателя, привлечения государственных сил и средств для раскрытия и расследования данной категории преступлений. Более того, как правило, указанные преступления носят очевидный характер, что не влечет каких-либо затруднений в установлении события преступления и сведений о лице, его

Дорошков В. В. Частное обвинение: Правовая теория и судебная практика / В. В. Дорошков. — М.: Норма, 2000. — С. 42–44; Донской Д. Д. Указ. соч. — С. 73; Козубенко Ю. В. Уголовное преследование... — С. 222; Шманатова В. Е. Указ. соч. — С. 98–99.

⁴¹⁷ Следует поддержать мнение процессуалистов, считающих, что употребление понятия «потерпевший» до возбуждения уголовного дела частного обвинения является некорректным. Более уместным является обозначение такого лица как «пострадавший» (См.: Ковтун Н. Дефекты законодательной техники вызывают трудности в правоприменении / Н. Ковтун // Российская юстиция. — 2001. — № 8. — С. 39; Попова И. И. Понятие частного обвинения / И. И. Попова // Мировой судья. — 2005. — № 10. — С. 4; Хатуева В. В. Процессуальные особенности возбуждения уголовных дел частного обвинения / В. В. Хатуева // Российский следователь. — 2005. — № 1. — С. 11; Усачев А. А. Указ. соч. — С. 181.)

⁴¹⁸ Петрова Н. Е. Частное и субсидиарное обвинение... — С. 148.

⁴¹⁹ Головка Л. В. Альтернативы уголовному преследованию... — С. 449.

совершившем. Вместе с тем, безразличное отношение законодателя к содержанию конфликта по делам частного обвинения не означает безразличного отношения к нему лиц, которым преступлением причинен физический или моральный вред, поэтому для обеспечения законной возможности восстановления нарушенных личных неимущественных прав этих лиц законодатель предусматривает частный порядок уголовного преследования, осуществление которого возможно исключительно по их воле.

Понятие «уголовное преследование в частном порядке» («частное уголовное преследование») является тождественным понятию «производство по уголовному делу частного обвинения», что обусловлено порядком возбуждения уголовного дела частного обвинения. По своему процессуальному значению возбуждение уголовного дела частного обвинения означает выдвижение обвинения и начало осуществления частного уголовного преследования.

Особенностью частного уголовного преследования является то, что оно не включает этап подозрения, а является исключительно обвинительной деятельностью. При этом, выдвижение и поддержание обвинения осуществляется в рамках только судебного производства — перед мировым судьей.

Возбуждение частного уголовного преследования всегда осуществляется в отношении конкретного лица путем подачи заявления пострадавшим или его законным представителем (ч. 1 ст. 318 УПК РФ). Еще одной отличительной особенностью возбуждения уголовных дел частного обвинения является отсутствие стадии возбуждения уголовного дела в том виде, в каком она существует в публичном уголовном преследовании. Фактически, возбуждение уголовного дела сводится не к проверке сообщения о преступлении в целях установления признаков преступления, а к проверке правильности составления заявления о преступлении, т.е. к установлению не основания и повода для возбуждения уголовного дела, а только повода. Данный вывод был бы неполноценен без следующей оговорки: к необходимым реквизитам заявления о возбуждении уголовного дела частного обвинения относится в том числе описание события преступления, места, времени, а также обстоятельств его совершения (п. 2 ч. 5 ст. 318 УПК РФ). Указанные обстоятельства сами по себе характеризуют признаки совершенного преступления, в результате чего их «следует расценивать не только как исключительный повод, но и как основание для возбуждения такого дела»⁴²⁰. Таким образом, основание

⁴²⁰ Шербатых Е.Г. Предоставить мировому судье право возбуждения уголовных дел частного обвинения / Е.Г. Шербатых // Российская юстиция. — 2005. — № 11. — С. 56.

возбуждения уголовного дела частного обвинения предусматривается законодателем как часть повода для его возбуждения, и наличие такого основания *презюмируется* в силу самого факта подачи заявления о преступлении. В литературе отмечается, что «данное положение закона согласуется с основополагающим положением общей концепции уголовно-процессуального законодательства, в соответствии с которой суд не является органом, осуществляющим уголовное преследование»⁴²¹.

Частное уголовное преследование (уголовное дело частного обвинения) признается возбужденным с момента принятия мировым судьей заявления пострадавшего к своему производству, о чем выносится постановление (ч. 7 ст. 318 УПК РФ). Необходимо отметить, что требование о вынесении мировым судьей постановления о принятии заявления пострадавшего к своему производству, было включено в УПК РФ относительно недавно — Федеральным законом от 12 апреля 2007 г.⁴²². До этого, как указывает Е.Г. Шербатых, практика оформления мировыми судьями принятия заявления к своему производству осуществлялась по-разному: некоторые судьи на самом заявлении проставляли штамп с датой принятия и присваивали ему входящий номер, который становился и номером уголовного дела и лишь некоторые судьи выносили отдельные постановления⁴²³. Вместе с тем, законодатель, внося изменения в порядок возбуждения производства по уголовным делам частного обвинения, не учел такую рекомендацию, предлагаемую в научной литературе, как направлять копию постановления о принятии заявления к производству лицу, указанному в таком заявлении, что позволило бы последнему «начать реализацию своего права на защиту, не дожидаясь своего вызова к мировому судье»⁴²⁴.

В УПК РФ отсутствует указание на то, с какого момента лицо, в отношении которого подано заявление пострадавшим, получает процессуальный статус обвиняемого⁴²⁵. Наиболее распространенной является точка зрения, что такое лицо приобретает процессуальный статус

⁴²¹ Уголовный процесс России. Особенная часть / А.И. Александров... — С. 454.

⁴²² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 12 апреля 2007 г. № 47-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 16. — Ст. 1827.

⁴²³ Шербатых Е.Г. Указ. статья. — С. 57.

⁴²⁴ Там же. — С. 57.

⁴²⁵ Заслуживает одобрения высказывание о том, что «понятие обвиняемого используется здесь в широком смысле, охватывая и понятие подозреваемого» (Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / Под ред. А.В. Смирнова... — С. 99.).

обвиняемого с момента принятия мировым судьей заявления к своему производству⁴²⁶. Данная позиция связана с тем, что с этого момента пострадавший наделяется процессуальным статусом частного обвинителя (ч. 7 ст. 318 УПК РФ), означающее, в свою очередь, появление в процессе стороны обвинения. Как уже отмечалось ранее, появление в состязательном судопроизводстве стороны, а также начало реализации ею своей функции (в данном случае, функции обвинения) диалектически влечет реализацию противоположной функции (функции защиты). Тем самым, указанное в заявлении лицо становится субъектом, реализующим функцию защиты, т.е. обвиняемым.

Вывод о том, что указанное в заявлении пострадавшего лицо приобретает процессуальный статус обвиняемого с момента принятия мировым судьей заявления к своему производству, согласуется с порядком надения лица процессуальным статусом обвиняемого в публичном уголовном преследовании (обвиняемым, согласно ч. 1 ст. 47 УПК РФ, признается лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого (обвинительный акт) независимо от факта предъявления обвинения). В этой связи заявление пострадавшего по уголовным делам частного обвинения имеет характер процессуального акта, влекущего для лица, в отношении которого оно подано, те же процессуальные последствия, что и обвинительное заключение (обвинительный акт) в публичном уголовном преследовании. Данная мысль находит свое подтверждение и в реценциях Конституционного Суда РФ. Так, в приводимом ранее Постановлении от 14 января 2000 г. № 1-П Конституционный Суд РФ указал, что «жалоба потерпевшего не только признается исключительным поводом к возбуждению уголовного дела частного обвинения, но и в качестве *обвинительного акта*, в рамках которого осуществляется уголовное преследование, вручается подсудимому для подготовки им своей защиты в судебном заседании» (п. 7). Кроме того, данная точка зрения разделяется и учеными-процессуалистами⁴²⁷. В частности, В. В. Хатуаева от-

⁴²⁶ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. П.А. Лупинская. — М.: Юристъ, 2003. — С. 548; Уголовный процесс России. Особенная часть / А.И. Александров... — С. 456; Орлова А. Производство по делам частного обвинения / А. Орлова // Российская юстиция. — 2001. — № 4. — С. 40; Мухтасипова Т.Н. Механизм реализации функции частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.09 / Т.Н. Мухтасипова. — Челябинск: Южно-Урал. гос. ун-т. 2004. — С. 14; Хатуаева В.В. Указ. статья. — С. 12; Муравьев К.В. Указ. соч. — С. 25–26; Попова И.И. Указ. статья. — С. 4.

⁴²⁷ См.: Барышева В.В. Проблемы рассмотрения мировым судьей уголовных дел частного обвинения / В.В. Барышева // Мировой судья. — 2006. — № 1. — С. 6; Дорошков В.В.

мечает, что «заявление по своей сути является *обвинительным актом*, определяющим *предмет и пределы* судебного разбирательства»⁴²⁸.

Предъявление обвинения при частном уголовном преследовании осуществляется мировым судьей в течение 7 суток со дня поступления заявления в суд путем вручения его копии обвиняемому с одновременным ознакомлением последнего с материалами уголовного дела и разъяснением прав подсудимого (ч. 3 ст. 319 УПК РФ). Не останавливаясь подробнее на том, что указанная процедура предъявления обвинения противоречит принципу состязательности (предъявлять обвинение должен не суд, а сторона обвинения), отмечу другой пробел законодателя. Часть 5 ст. 318 УПК РФ не содержит требования об указании в заявлении пострадавшего конкретной статьи УК РФ, предусматривающей ответственность за описанное преступление. Как правило, пострадавший в своем заявлении по своей инициативе не указывает (да и не может в силу юридической безграмотности указать) такую статью. По этой причине содержание заявления пострадавшего формально нельзя рассматривать как «формулировку обвинения», а по справедливому замечанию Р. Куссмауля, «осуждение без предварительного формулирования обвинения в обвинительном акте (жалобе, заявлении) является нарушением права обвиняемого (подсудимого) на защиту»⁴²⁹. Так или иначе, мировой судья, вынося приговор по уголовному делу частного обвинения, вынужден квалифицировать деяние, совершенное обвиняемым. Думается, что предварительная квалификация этого деяния должна осуществляться мировым судьей еще до процедуры предъявления обвинения, например, в уже упомянутом постановлении о возбуждении уголовного преследования. А последующее направление копии данного постановления обвиняемому сняло бы с суда осуществление несвойственного для него полномочия по предъявлению обвинения.

Факт ознакомления лица, в отношении которого подано заявление, с материалами уголовного дела и вручение ему копии заявления, а также

Частное обвинение... — С. 49; Хатуаева В.В. Указ. статья. — С. 12; Попова И.И. Указ. статья. — С. 4; Шербатых Е.Г. Указ. статья. — С. 56.

Следует отметить, что существует и противоположная точка зрения, согласно которой заявление пострадавшего по уголовному делу частного обвинения не может расцениваться как акт привлечения лица в качестве обвиняемого (Джатиев В. Обвинение и защита / В. Джатиев // Российская юстиция — 1995. — № 3. — С. 18; Усачев А.А. Указ. соч. — С. 188–189.).

⁴²⁸ Хатуаева В.В. Указ. статья. — С. 12–13.

⁴²⁹ Куссмауль Р. Институт частного обвинения нуждается в преобразовании / Р. Куссмауль // Российская юстиция. — 2002. — № 11. — С. 42.

разъяснение прав подсудимого подтверждается на практике, как указывают Н. Н. Ковтун и А. А. Юнусов, различными процессуальными способами: документами, именуемыми «подпиской», «справкой», либо документами, не имеющими наименования, но отражающими факт выполнения мировым судьей требований, предусмотренных ч. 3 ст. 319 УПК РФ⁴³⁰. Таким образом, очевидны явные недостатки законодательного регулирования процедуры возбуждения частного уголовного преследования.

До внесения изменений в УПК РФ Федеральным законом от 12 апреля 2007 г. не менее важной являлась проблема возможности использования процессуальных *средств публичного характера по уголовным делам частного обвинения*, по которым пострадавшему не известны данные о лице, совершившем преступление.

Все составы преступлений, отнесенные к делам частного обвинения, предполагают осведомленность пострадавшего о лице, совершившем такое преступление. Это связано с тем, что данная категория преступлений, как правило, совершается на почве личных неприязненных отношений, которые, в свою очередь, возникают и развиваются в результате межличностного взаимодействия знакомых друг с другом лиц. Однако в некоторых случаях преступления, указанные в ч. 2 ст. 20 УПК РФ, могут быть совершены лицом, не известным пострадавшему (например, нанесение побоев неизвестным лицом). Пострадавший или его законный представитель в данном случае не имеет возможности соблюсти такое требование, предъявляемое к форме заявления о преступлении частного обвинения, как указать данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности (п. 4 ч. 5 ст. 318 УПК РФ), что является формальным основанием для отказа мирового судьи в принятии заявления (ч. 1 ст. 319 УПК РФ).

Отдельные авторы еще в первые месяцы действия УПК РФ справедливо отмечали, что по уголовным делам частного обвинения, «когда не известны личность или местожительства нарушителя, должно проводиться предварительное следствие. Но для этого необходимо возбуждение уголовного дела не путем подачи заявления, а путем вынесения постановления в порядке ст. 146 УПК»⁴³¹.

Следует согласиться с утверждением В. В. Воронина о том, что «лишь государство располагает реальными возможностями по изобли-

⁴³⁰ Ковтун Н.Н. Обеспечение прав обвиняемого при подготовке к судебному заседанию дел частного обвинения у мирового судьи / Н.Н. Ковтун, А.А. Юнусов // Мировой судья. — 2005. — № 10. — С. 6.

⁴³¹ Куссмауль Р. Институт частного обвинения... — С. 42.

чению виновных лиц, совершивших преступные деяния, поэтому оно в безусловном порядке и обязано обеспечить частным лицам возможность пользоваться своим правом на производство предварительного расследования по всем преступлениям»⁴³². Н. Е. Петрова также справедливо отмечает, что «подавляющее большинство потерпевших по делам частного обвинения обнаруживают неспособность эффективно осуществлять уголовное преследование без содействия со стороны органов предварительного расследования и прокуратуры»⁴³³.

Аналогичную позицию занял и Конституционный Суд РФ, который 27 июня 2005 г. вынес Постановление № 7-П, признавшее не соответствующими Конституции РФ «положения частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318 УПК Российской Федерации в той их части, в какой они не обязывают прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя принять по заявлению лица, пострадавшего в результате преступления, предусмотренного статьей 115 или статьей 116 УК Российской Федерации, меры, направленные на установление личности виновного в этом преступлении и привлечение его к уголовной ответственности в закрепленном уголовно-процессуальным законом порядке»⁴³⁴.

Указанное решение Конституционного Суда РФ имело огромное значение для правоприменительной практики: оно определяло принципиальную возможность использования уголовно-процессуальных средств публичного характера по уголовным делам частного обвинения. Тем не менее, Конституционный Суд РФ не сформулировал (и, наверное, не мог формулировать, возлагая на себя полномочия законодателя), какие конкретно «меры, направленные на установление личности виновного в этом преступлении и привлечение его к уголовной ответственности в закрепленном уголовно-процессуальным законом порядке» имели право использовать прокурор, следователь, орган доз-

⁴³² Воронин В.В. Защитил ли Конституционный Суд права потерпевших по делам частного обвинения? / В.В. Воронин // Уголовное право. — 2005. — № 5. — С. 73.

⁴³³ Петрова Н.Е. Частное и субсидиарное обвинение... — С. 151.

⁴³⁴ По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 № 7-П // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 28. — Ст. 2904.

нения и дознаватель?⁴³⁵. Более того, указанное решение Конституционного Суда РФ не распространяло свое действие на случаи совершения неизвестным лицом иных преступлений, рассматриваемых в порядке частного обвинения, а именно преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 129 «Клевета» и ст. 130 «Оскорбление» УК РФ.

По справедливому мнению В.М. Быкова, «Конституционный Суд РФ выстраивает новый порядок возбуждения и расследования уголовных дел частного обвинения, по которым на момент подачи потерпевшим заявления личность виновного оказалась неустановленной. Теперь все заявления потерпевших по делам частного обвинения, по которым не установлена личность виновного, должны приниматься органами дознания, дознавателями, следователями и прокурорами, по ним должны возбуждаться уголовные дела и проводиться расследование, а законченные уголовные дела направляться в суд»⁴³⁶.

Закономерным результатом указанного решения Конституционного Суда РФ явился Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 12 апреля 2007 г. № 47-ФЗ, которым законодатель определил порядок возбуждения уголовных дел частного обвинения, когда пострадавшему не известны данные о лице, совершившем преступление. Так, согласно новой редакции ч. 4 ст. 20 УПК РФ указанная ситуация является «иной причиной», по которой пострадавший не может защищать свои права и законные интересы в общем порядке, т.е. путем подачи заявления мировому судье. В этом случае мировой судья отказывает в принятии заявления к своему производству и направляет указанное заявление руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, о чем уведомляет лицо, подавшее заявление (ч. 2 ст. 147 УПК РФ). Следователь, а также, с согласия прокурора, дознаватель возбуждают уголовное дело, при

⁴³⁵ Единственным правовым последствием рассматриваемого Постановления Конституционного Суда РФ стало положение, включенное в текст новой Инструкции МВД РФ от 01 декабря 2005 г. № 985 «О порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях», согласно которому: «Если по результатам проверки усматриваются признаки состава преступления частного обвинения, то в соответствии с законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации заявление и материалы проверки с сопроводительным письмом направляются мировому судье (за исключением случаев выявления признаков состава преступления, предусмотренного ст. 115 или ст. 116 УПК РФ, когда лицо, подлежащее привлечению к ответственности, потерпевшему не известно)» (пункт 19).

⁴³⁶ Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения... — С. 65.

этом следователь приступает к производству предварительного расследования, а дознаватель — дознания (ч. 3 ст. 318 УПК РФ).

До внесения рассмотренных изменений в УПК РФ, как верно отмечает Д. Т. Арабули, у прокурора, следователя или дознавателя были 3 возможных варианта процессуальной деятельности по уголовным делам частного обвинения, по которым пострадавшему не известны данные о совершившем преступление лице: «1) возбудить уголовное дело и провести предварительное расследование в полном объеме; 2) возбудить уголовное дело и ограничиться только установлением данных о личности виновного либо 3) не возбуждать уголовное дело, установив личность виновного в рамках проверочных действий, и на основании п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК передать материалы в суд»⁴³⁷. Однако, хотя правоприменительная практика принятия прокурором процессуальных мер по таким случаям была разнообразна, в целом, как показывают результаты интервьюирования сотрудников органов прокуратуры и внутренних дел, проведенного до принятия Федерального закона от 12 апреля 2007 г. подавляющее большинство опрошенных (80%) и до внесения изменений в УПК РФ полагали, что в таких случаях прокурор был обязан возбудить уголовное дело.

Таким образом, внесенные в УПК РФ 12 апреля 2007 г. изменения имеют значение как направленные на унификацию правоприменительной практики осуществления уголовного преследования по уголовным делам частного обвинения, по которым пострадавшему не известны данные о лице, совершившем преступление.

Выводы:

1. Осуществление публичного уголовного преследования является обязанностью прокурора, следователя, органа дознания или дознавателя. Возбуждение публичного уголовного преследования может происходить в рамках уже осуществляемого производства по уголовному делу либо одновременно с возбуждением производства по уголовному делу. В последнем случае возбуждение публичного уголовного преследования осуществляется путем вынесения следователем, дознавателем либо органом дознания постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица.

⁴³⁷ Арабули Д.Т. Объем и пределы полномочий прокурора, следователя, дознавателя и потерпевшего по уголовным делам частного обвинения / Д.Т. Арабули // Ученые записки: сб. науч. трудов юрид. фак-та Оренб. гос. ун-та. — Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2006. — Вып. 3. — С. 58.

2. Уголовное преследование по делам частного-публичного характера осуществляется также в публичном порядке и самостоятельного вида уголовного преследования не составляет. Особенность так называемых «дел частного-публичного обвинения» заключается в порядке возбуждения, но не в порядке процессуальной деятельности стороны обвинения по изобличению лица в совершении преступления. Вместе с тем, выдвигаемые в научной литературе предложения отказаться от частного-публичного порядка возбуждения уголовных дел не находят поддержки у правоприменителя, а также не согласуются с международными дискреционными принципами развития уголовного судопроизводства.
3. Понятие «уголовное преследование в частном порядке» («частное уголовное преследование») является тождественным понятию «производство по уголовному делу частного обвинения», что обусловлено порядком возбуждения уголовного дела частного обвинения. По своему процессуальному значению возбуждение уголовного дела частного обвинения означает выдвижение обвинения и начало осуществления частного уголовного преследования. Возбуждение уголовного дела сводится не к проверке сообщения о преступлении в целях установления признаков преступления, а к проверке правильности составления заявления о преступлении; основание возбуждения уголовного дела частного обвинения предусматривается законодателем как часть повода для его возбуждения, и наличие такого основания презюмируется в силу самого факта подачи заявления о преступлении.
4. Внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 12 апреля 2007 г. № 47-ФЗ изменения явились законодательным закреплением позиции по данному вопросу Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 27 июня 2005 г. № 7-П, и направлены на унификацию правоприменительной практики осуществления уголовного преследования по уголовным делам частного обвинения, по которым пострадавшему не известны данные о лице, совершившем преступление.

Заключение

Проведенное исследование возникновения, становления и развития понятия «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве, современного состояния института уголовного преследования, а также правового регулирования уголовного преследования как процессуальной деятельности стороны обвинения позволяет сделать следующие выводы:

1. Возникновение в российском уголовном судопроизводстве понятия «уголовное преследование» связано с Судебной реформой 1864 года, в ходе которой отечественным законодателем был заимствован ряд правовых категорий и институтов французского уголовного судопроизводства, в частности, использовавшиеся во французском Кодексе уголовного расследования 1808 года категории «l'action publique» («уголовное преследование») и «poursuite» («преследование»), на основе которых российским законодателем были разработаны и включены в УУС 1864 года такие понятия, как «судебное преследование», «уголовное преследование», «преследование». В системе указанных понятий «уголовное преследование» обозначало процессуальную деятельность в отношении конкретного лица, что свидетельствует о его использовании современным законодателем как прототипа современного понятия, предусмотренного п. 55 ст. 5 УПК РФ.
2. В первых советских уголовно-процессуальных законах — в УПК РСФСР 1922 года и УПК РСФСР 1923 года — понятие «уголовное преследование» было сохранено, однако оно имело двойное значение: 1) производство по уголовному делу; 2) процессуальная деятельность прокуратуры. В УПК РСФСР 1960 года законодатель отказался от использования понятия «уголовное преследование». Период разработки УПК РФ характеризуется возрождением интереса к исследуемой категории. В научной литературе предложено рассматривать уголовное преследование в качестве нового межотраслевого института права.
3. Нормативное закрепление института уголовного преследования в действующем УПК РФ есть результат законодательной компиляции положений основных проектов УПК (Проекта УПК ГПУ и Проекта УПК Минюста), один из которых рассматривал уголовное преследование как процессуальную деятельность в отношении конкретного лица, а другой — как производство по уголовному делу. Именно такое непоследовательное регламентирование отдельных частей будущего

УПК РФ, как представляется, стало причиной для существующих в настоящее время дискуссий о правовой природе и понятии уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве.

4. Правовая природа уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве заключается в реализации функции обвинения посредством уголовно-процессуальной деятельности в отношении конкретного лица, по своим целям и предмету доказывания отличной от процессуальной деятельности по установлению события преступления и связанных с ним обстоятельств.
5. Правовые институты, входящие в структуру общего института уголовного преследования, составляют его содержание. К ним, в частности, относятся: институт возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, институт следственных действий, институт подозрения, институт обвинения, институт обжалования судебных решений и др.
6. Законодательное определение уголовного преследования является логически корректным, по своему содержанию вполне подходящим для обозначения процессуальной деятельности, реализующей функцию обвинения в уголовном судопроизводстве. Несмотря на простоту своей конструкции, оно содержит наиболее существенные признаки, которые позволяют рассматривать «уголовное преследование» как самостоятельный юридический термин, способный быть названием нового института уголовно-процессуального права.
7. Термин «изобличение» в законодательном определении уголовного преследования по своему правовому значению идентичен понятию «установление виновности», употребление которого для обозначения цели уголовного преследования противоречило бы принципу презумпции невиновности. Понятие «виновность» не совпадает с понятием «вина» в уголовном праве, и является уголовно-процессуальной категорией, в основе которой лежит установление субъективных признаков состава преступления (субъекта и субъективной стороны). Доказать виновность лица в совершении преступления означает установить в предусмотренном законом порядке, что преступление совершено виновно (умышленно или по неосторожности) вменяемым физическим лицом, достигшим возраста уголовной ответственности.
8. Институт уголовного преследования необходимо рассматривать как сложный, комплексный, общий институт уголовно-процессуального права, регулирующий производство следственных и иных процессуальных действий, а также принятие процессуальных решений прокурором, руководителем следственного органа, следователем, дознавателем и частным обвинителем по установлению причаст-

ности подозреваемого к совершенному преступлению, виновности обвиняемого в его совершении, обеспечению данной деятельности мерами процессуального принуждения, поддержанию обвинения в суде, обжалованию вынесенного приговора в апелляционном (кассационном) и надзорном порядке.

9. Осуществление уголовного преследования на этапах подозрения и обвинения направлено на изобличение лица в совершении преступления, что выражается: 1) на этапе подозрения — в доказывании причастности лица к совершению преступления; 2) на этапе обвинения — в доказывании виновности лица в совершении данного преступления.
10. Подозрение является необязательным этапом уголовного преследования, имеющим характер «предобвинения», т.е. этапом подготовки обвинения. Этап подозрения в уголовном преследовании должен осуществляться до тех пор, пока не будет: 1) установлена непричастность лица к совершенному преступлению, на основании чего уголовное преследование данного лица должно быть прекращено по п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ путем вынесения соответствующего постановления, либо 2) собрано достаточно доказательств, дающих основания для привлечения лица в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 171 УПК РФ).
11. Обвинение как процессуальная деятельность является основным этапом уголовного преследования. Обвинение в досудебном и судебном производствах осуществляется в 2-х формах: 1) в досудебном производстве — выдвижение обвинения; 2) в судебном производстве — поддержание обвинения. Значение уголовного преследования как самостоятельной процессуальной деятельности при выдвижении обвинения (*in personam*) заключается в том, что лицо может быть привлечено в качестве обвиняемого в совершении только тех преступлений, событие которых отражено в постановлении о возбуждении производства по уголовному делу (*in rem*).
12. Осуществление публичного уголовного преследования является обязанностью прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания или дознавателя. Возбуждение публичного уголовного преследования может происходить в рамках уже осуществляемого производства по уголовному делу либо одновременно с возбуждением производства по уголовному делу. В последнем случае возбуждение публичного уголовного преследования осуществляется путем вынесения руководителем следственного органа, следователем, дознавателем либо органом дознания постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица.

13. Уголовное преследование по делам частно-публичного характера осуществляется в публичном порядке и самостоятельного вида уголовного преследования не составляет. Особенность так называемых «дел частно-публичного обвинения» заключается в порядке их возбуждения, но не в порядке процессуальной деятельности стороны обвинения по изобличению лица в совершении преступления.
14. Понятие «уголовное преследование в частном порядке» («частное уголовное преследование») является тождественным понятию «производство по уголовному делу частного обвинения», что обусловлено порядком возбуждения уголовного дела частного обвинения. По своему процессуальному значению возбуждение уголовного дела частного обвинения означает выдвижение обвинения и начало осуществления частного уголовного преследования.
15. Внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 12 апреля 2007 г. № 47-ФЗ изменения явились законодательным закреплением позиции по данному вопросу Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 27 июня 2005 г. № 7-П, и направлены на унификацию правоприменительной практики осуществления уголовного преследования по уголовным делам частного обвинения, по которым пострадавшему не известны данные о лице, совершившем преступление.

Библиография

I. Нормативные акты

Международные документы и законодательство зарубежных стран

1. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма: принята резолюцией № A/Res/59/290 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 апреля 2005 г. Российская Федерация подписала Конвенцию 14 сентября 2005 г. [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Электрон. поисковая прогр. — М.: КонсультантПлюс, 2003. — Систем. требования P-II-300; 32 Мб ОЗУ; Microsoft Windows 2000/XP. — Загл. с экрана.
2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинев, 7 октября 2002 г.) // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. — 2003. — № 2(41). — С. 82–130.
3. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 20 декабря 1988 г.). СССР ратифицировал Конвенцию Постановлением Верховного Совета СССР от 9 октября 1990 г. № 1711-I // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. — М.: Международные отношения, 1994. — 445 с.
4. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам ETS № 030 (Страсбург, 20 апреля 1959 г.). Российская Федерация ратифицировала настоящую Конвенцию Федеральным законом от 25 октября 1999 г. № 193-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 23. — Ст. 2349.
5. Европейская Конвенция о выдаче ETS № 24 (Париж, 13 декабря 1957 г.). Российская Федерация подписала Конвенцию 7 ноября 1996 г. // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 23. — Ст. 2348.
6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.). Конвенция ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 20. — Ст. 2143.
7. Римский статут международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.). Российская Федерация подписала Статут согласно распоряжению Президента РФ от 8 сентября 2000 г. № 394-рп [Электронный ресурс] //

- Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Электрон. поисковая прогн. — М.: КонсультантПлюс, 2003. — Систем. требования Р-II-300; 32 Мб ОЗУ; Microsoft Windows 2000/XP. — Загл. с экрана.
8. Относительно упрощения уголовного правосудия: Рекомендация Комитета министров Совета Европы № 6 R (87) 18 // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. — М.: СПАРК. — 1998. — С. 116–122.
 9. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств — участников СНГ. Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 года. — М.: Изд-во Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 1996. — 374 с.
 10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://law.vl.ru>, свободный. — Загл. с экрана.
 11. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-ІГ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.base.spinform.ru>, свободный. — Загл. с экрана.
 12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 24 июня 1999 г. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. — 602 с.
 13. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 30 июня 1999 г. № 62 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://law.vl.ru>, свободный. — Загл. с экрана.
 14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. N 3P-248 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.base.spinform.ru>, свободный. — Загл. с экрана.
 15. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 г. № 206-І [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://law.vl.ru> свободный. — Загл. с экрана.
 16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-ХІІ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lawlib.freenet.uz>, свободный. — Загл. с экрана.
 17. Уголовно- процессуальный кодекс Эстонии. — М.: Юрист, 2004. — 272 с.

Законодательство Государства Российского и Российской Империи

18. Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX в.в.: в 9 т. / Отв. ред. А.Г. Маньков. — Т. 3. Акты Земских соборов. — М.: Юрид. лит., 1985. — С. 83–257.

19. Артикул воинский 1715 года // Российское законодательство X–XX в. в.: в 9 т. / Отв. ред. А. Г. Маньков. — Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. — М.: Юрид. лит., 1986. — С. 327–365.
20. Устав уголовного судопроизводства 1864 года. // Российское законодательство X–XX в.в.: в 9 т. / Отв. ред. Б. В. Виленский. — Т. 8. Судебная реформа. — М.: Юрид. лит., 1991. — С. 120–251.

Законодательство РСФСР

21. О суде: Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. — 1917. — № 4. — Ст. 50.
22. О третейском суде: Декрет ВЦИК РСФСР от 16 февраля 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. — 1918. — № 28. — Ст. 366.
23. О суде: Декрет ВЦИК РСФСР от 18 февраля 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. — 1918. — № 26. — Ст. 420.
24. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. Постановлением III сессии ВЦИК IX созыва от 25 мая 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. — 1922. — №№ 20 — 21. — Ст. 230.
25. О прокурорском надзоре: Положение, утв. Постановлением III сессии ВЦИК IX созыва от 28 мая 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. — 1922. — № 36. — Ст. 424.
26. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. Постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. — 1923. — № 7. — Ст. 106.
27. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: утв. Законом СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1959. — № 1. — Ст. 15.
28. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. Законом РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1960. — № 40. — Ст. 592.
29. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Закон РФ от 23 мая 1992 г. № 2825 // Российская газета. — 1992. — 17 июня.
30. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации: Закон РФ от 21 декабря 1996 г. № 160-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 52. — Ст. 5881.

31. О концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1991. — № 44. — Ст. 1435.

Законодательство Российской Федерации и иные официальные документы

32. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. — 1993. — № 237. — 25 дек.
33. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 23. — Ст. 2102.
34. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 22 ноября 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921.
35. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 06 июня 2007 г. № 90-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 24. — Ст. 2833.
36. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 24. — Ст. 2830.
37. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 12 апреля 2007 г. № 47-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 16. — Ст. 1827.
38. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 2. — Ст. 198.
39. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
40. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Российская газета. — 1992. — 18 февраля. — № 39.
41. О проекте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Государственной Думы РФ от 06 июня 1997 г. № 1498-П ГД // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 25. — Ст. 2895.

42. По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 28. — Ст. 2904.
43. По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», Общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 22. — Ст. 2194.
44. По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 14. — Ст. 1271.
45. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 08 декабря 2003 г. № 18-П // Собрание законодательства РФ. — 2003. — 51. — Ст. 5026.
46. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 06 марта 2003 г. № 104-О [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Электрон. поисковая прогр. — М.: КонсультантПлюс, 2003. — Систем. требования P-II-300; 32 Мб ОЗУ; Microsoft Windows 2000/XP. — Загл. с экрана.
47. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса

- РФСФР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 27. — Ст. 2882.
48. По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И. П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 5. — Ст. 611.
49. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 17. — Ст. 2205.
50. По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и Общества с ограниченной ответственностью «Моноком»: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 14. — Ст. 1749.
51. По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края: Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П // Собрание законодательства. — 1996. — № 50. — Ст. 5679.
52. О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05 декабря 2006 г. № 60 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2007. — № 1. — С. 1–3.
53. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1996. — № 2. — С. 1–5.
54. Определение Верховного Суда от 28 февраля 2006 г. № 46-Дп05-77 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Электрон. поисковая прогр. — М.: КонсультантПлюс, 2003. — Систем. требования Р-П-300; 32 Мб ОЗУ; Microsof Windows 2000/XP. — Загл. с экрана.

55. О порядке прекращения по истечении сроков давности уголовных дел, приостановленных за неустановлением лиц, совершивших преступления: Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 5 мая 2004 г. № 12 // Законность. — 2004. — № 7. — С. 61–62.
56. Об организации прокурорского надзора за законностью уголовного преследования в стадии досудебного производства: Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 05 июля 2002 г. № 39 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Электрон. поисковая прогр. — М.: КонсультантПлюс, 2003. — Систем. требования Р-П-300; 32 Мб ОЗУ; Microsof Windows 2000/XP. — Загл. с экрана.
57. О порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях: Инструкция МВД РФ от 01 декабря 2005 г. № 985 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2005. — № 52.

II. ЛИТЕРАТУРА

Монографии, учебники, комментарии УПК

58. *Азаров В.А.* Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России / В.А. Азаров, Н.И. Ревенко, М.М. Куземабаева. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2006. — 560 с.
59. *Алексеев Н.С.* Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1980. — 252 с.
60. *Альперт С.А.* Обвинение в советском уголовном процессе. Учебное пособие / С.А. Альперт. — Харьков: Вища школа, 1974. — 38 с.
61. *Баев О.Я.* Прокурор как субъект уголовного преследования. Научно-практическое пособие / О.Я. Баев. — М.: Юрлитинформ, 2006. — 144 с.
62. *Баршев Я.И.* Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству (Печатается по изданию: СПб: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1841) / Я.И. Баршев. — М.: ЛексЭст, 2001. — 240 с.
63. *Багаутдинов Ф.Н.* Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений / Ф.Н. Багаутдинов. — М.: Юрлитинформ, 2004. — 544 с.

64. *Безлепкии Б.Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Б.Т. Безлепкии. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК Велби, 2003. — 776 с.
65. *Викторский С.И.* Русский уголовный процесс / С.И. Викторский. — М.: Казенная железнодорожная Типография Московского узла, 1911. — 320 с.
66. *Головко Л.В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головко. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. — 544 с.
67. *Головко Л.В.* Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции / Л.В. Головко. — М.: СПАРК, 1995. — 130 с.
68. *Горский Г.Ф.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, П.С. Элькинд. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1978. — 303 с.
69. *Громов В.* Предварительное расследование в советском уголовном процессе. Руководство для органов расследования и пособие для юридических курсов. Изд. 6-е, перераб. / В. Громов; Под ред. Н.В. Крыленко. — М.: ОГИЗ, 1935. — 240 с.
70. *Гуляев А.П.* Следователь в уголовном процессе / А.П. Гуляев. — М.: Юрид. лит., 1981. — 192 с.
71. *Даев В.Г.* Взаимосвязь уголовного права и процесса / В.Г. Даев. — Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1982. — 112 с.
72. *Денежкин Б.А.* Подозреваемый в советском уголовном процессе / Б.А. Денежкин. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. — 143 с.
73. *Джаншиев Г.А.* Основы судебной реформы / Г.А. Джаншиев. — М.: Статут, 2004. — 316 с.
74. *Дорошков В.В.* Частное обвинение: Правовая теория и судебная практика / В.В. Дорошков. — М.: Норма, 2000. — 144 с.
75. *Еникеев З.Д.* Механизм уголовного преследования: Учеб. пособие / З.Д. Еникеев. — Уфа: Изд-во Баш. гос. ун-та, 2002. — 116 с.
76. *Еникеев З.Д.* Уголовное преследование. Учебное пособие / З.Д. Еникеев. — Уфа: Изд-во Баш. гос. ун-та, 2000. — 131 с.
77. *Жогин Н.В.* Предварительное следствие в советском уголовном процессе / Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. — М.: Юрид. лит., 1965. — 368 с.
78. *Жук О.Д.* Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций) / О.Д. Жук. — М.: ИНФРА-М, 2004. — 272 с.

79. *Зеленецкий В.С.* Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе / В.С. Зеленецкий. — Харьков: Вища школа, 1979. — 144 с.
80. *Зинатуллин З.З.* Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Учеб. пособие / З.З. Зинатуллин, Т.З. Зинатуллин. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Ижевск: Детектив-информ, 1997. — 114 с.
81. *Карнеева Л.М.* Привлечение в качестве обвиняемого. Методическое пособие / Л.М. Карнеева. — М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1962. — 95 с.
82. Категориальный аппарат уголовного права и процесса: Сборник научных трудов. — Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1993. — 154 с.
83. *Квачевский А.* Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. В 3 т. / А. Квачевский. — СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1866. — Т. 1. — 352 с.
84. *Кириллов В.И.* Логика: Учебник для юридических вузов / В.И. Кириллов, А.А. Старченко. — Изд. 5-е, перераб. и доп. — М.: Юристъ, 1998. — 256 с.
85. *Козубенко Ю.В.* Уголовное преследование: опыт комплексного исследования / Ю.В. Козубенко. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. — 259 с.
86. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.М. Лебедев. — 3-е изд., доп. и испр. — М.: Юрайт-Издат, 2004. — 917 с.
87. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. — М.: Юристъ, 2003. — 1039 с.
88. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. В.Т. Тomin, М.П. Поляков. — М.: Юрайт-Издат, 2004. — 1365 с.
89. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.И. Радченко. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юстицинформ, 2004. — 1120 с.
90. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.В. Мозякова. — М.: Экзамен XXI, 2002. — 864 с.
91. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.П. Верина, В.В. Мозякова. — М.: Экзамен, 2004. — 976 с.

92. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Смирнова. — СПб.: Питер, 2003. — 1008 с.
93. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. И.Л. Петрухина. — М.: ТК Велби, 2002. — 896 с.
94. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. д.ю.н., проф. А.Я. Сухарева. — М.: НОРМА — ИНФРА-М, 2002. — 896 с.
95. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / Под ред. Н.А. Петухова, Г.И. Загорского. — М.: ЭКМОС, 2002. — 768 с.
96. *Конах Е.И.* Процессуальный статус и обеспечение прав подозреваемого / Е.И. Конах, М.В. Парфенова. — М. — Юрлитинформ, 2005. — 96 с.
97. *Кони А.Ф.* Приемы и задачи прокуратуры // Собр. соч. в 8 т. / А.Ф. Кони. — М.: Юрид. лит., 1967. — Т. 4. — 543 с.
98. *Королев Г.Н.* Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе: Монография / Г.Н. Королев. — М.: Юрлитинформ, 2006. — 360 с.
99. Курс уголовного права. В 5 т. / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. — М.: Зерцало-М, 2002. — Т. 1. — 624 с.
100. *Ларин А.М.* Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А.М. Ларин. — М.: Юрид. лит., 1986. — 160 с.
101. *Ленский А.В.* Производство по делам частного обвинения в уголовном процессе России / А.В. Ленский, Ю.К. Якимович. — М.: Юристь, 1998. — 48 с.
102. *Линовский В.А.* Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / В. А. Линовский. — М.: ЛексЭст, 2001. — 240 с.
103. *Малахова Л.И.* Уголовно-процессуальная деятельность: понятие, предмет и структура / Л.И. Малахова. — Воронеж: Истоки, 2003. — 134 с.
104. *Малько А.В.* Теория государства и права: Учебник / А. В. Малько. — М.: Юристь, 2000. — 304 с.
105. *Мартыничук Е.Г.* Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве / Е.Г. Мартыничук, В.П. Радьков, В.Е. Юрченко. — Кишинев: Штинца, 1982. — 188 с.
106. *Марченко М.Н.* Теория государства и права: Учебник / М.Н. Марченко. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК Велби, Проспект, 2004. — 648 с.

107. *Магузов Н.И.* Теория государства и права: Учебник / Н.И. Магузов, А.В. Малько. — М.: Юристь, 2004. — 512 с.
108. *Михайленко А.Р.* Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / А.Р. Михайленко. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1975. — 151 с.
109. *Мотовиловкер Я.О.* Основные уголовно-процессуальные функции / Я.О. Мотовиловкер. — Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 1976. — 94 с.
110. *Муравьев Н.В.* Из прошлой деятельности. Статьи по судебным вопросам / Н.В. Муравьев. — СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. — Т. 1. — 587 с.
111. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под общ. ред. В.М. Лебедева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Спарк, 1997. — 788 с.
112. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева; Науч. ред. В.П. Божьев. — М.: Спарк, 2002. — 1008 с.
113. Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / Под ред. В.М. Лебедева. — М.: Норма, 2004. — 448 с.
114. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. Учебник для юрид. вузов и фак-тов / В.С. Нерсесянц. — М.: НОРМА — ИНФРА-М, 1999. — С. 552 с.
115. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / Науч. редактор проф. Л.Д. Кокорев. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. — 160 с.
116. *Пантелеев И.А.* Подозрение в уголовном процессе России: Учеб. пособие / И.А. Пантелеев. — Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2001. — 48 с.
117. *Петрова Н.Е.* Частное и субсидиарное обвинение / Н.Е. Петрова. — Самара: Сам. гос. ун-т, 2004. — 186 с.
118. *Познышев С.В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса. М.: Изд-во Г.А. Лемана, 1913. — 337 с.
119. *Полянский Н.Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса / Н.Н. Полянский. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. — 271 с.
120. *Рахунов Р.Д.* Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / Р.Д. Рахунов. — М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1954. — 88 с.
121. *Рахунов Р.Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности / Р.Д. Рахунов. — М.: Госюриздат, 1961. — 277 с.

122. *Савицкий В.М.* Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве / В.М. Савицкий. — М.: Наука, 1975. — 383 с.
123. *Сергеева Т.Л.* Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам / Т.Л. Сергеева. — М. — Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. — 184 с.
124. *Случевский В.* Учебник русского уголовного процесса. Судостройство — судопроизводство. 3-е изд., перед. и доп. / В. Случевский. — СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910 — 664 с.
125. *Смирнов А.В.* Состязательный процесс / А.В. Смирнов. — СПб.: Альфа, 2001. — 320 с.
126. *Смирнов А.В.* Уголовный процесс: Учебник для вузов. Изд. 2-е / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; Под общ. ред. А.В. Смирнова. — СПб.: Питер, 2006. — 699 с.
127. *Смолькова И.В.* Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе / И.В. Смолькова. — М.: Луч, 1999. — 336 с.
128. Советский уголовный процесс / Под ред. Д.С. Карева. — М.: Высш. шк., 1968. — 552 с.
129. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. В 2 т. / М.С. Строгович. — Т. I: Основные положения науки советского уголовного процесса. — М.: Наука, 1968. — 470 с.
130. *Строгович М.С.* Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде / М.С. Строгович; Под ред. А.Я. Вышинского. — М.: Сов. зак-во, 1934. — 47 с.
131. *Строгович М.С.* Уголовное преследование в советском уголовном процессе / М.С. Строгович. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. — 191 с.
132. *Строгович М.С.* Уголовный процесс / М.С. Строгович. — М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. — 312 с.
133. *Сырых В.М.* Теория государства и права: Учебник / В.М. Сырых. — 2-е изд., стер. — М.: Юстицинформ, 2002. — 592 с.
134. Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. М.М. Рассолова, В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000. — 640 с.
135. Теория государства и права. Учебник для юрид. вузов и фак-тов / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. — М.: НОРМА — ИНФРА-М, 1999. — 570 с.
136. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрид. лит., 1973. — 736 с.

137. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. Г.П. Химичевой, О.В. Химичевой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. — 527 с.
138. Уголовно-процессуальное право: Учебник / Отв. ред. В.И. Радченко. — М.: Юристъ, 2005. — 473 с.
139. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. — М.: Юристъ, 2003. — 797 с.
140. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Отв. ред. И.Л. Петрухин. — 2-е изд., перераб и доп. — М.: ТК Велби; Проспект, 2006. — 664 с.
141. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в вопросах и ответах / Отв. ред. Е.Б. Мизулина. — М.: Юристъ, 2003. — 112 с.
142. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: С постатейными материалами / Сост. В.П. Божьев, Н.Б. Буйнова; Под общ. ред. В.М. Лебедева. — Комментарий. 3-е изд. / Под общ. ред. В.М. Лебедева. — М.: СПАРК, 2000. — 1039 с.
143. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. В.П. Божьева. — М.: Высшее образование, 2005. — 524 с.
144. Уголовный процесс. Учебник / Под ред. И.Л. Петрухина. — М.: Проспект, 2001. — 520 с.
145. Уголовный процесс: Учебник для вузов / Отв. ред. А.В. Гриненко. — М.: Норма, 2004. — 480 с.
146. Уголовный процесс: Учебник для студентов юрид. вузов и фак-тов / Под общ. ред. В.М. Лебедева. — М.: Дашков и К°, 2004. — 776 с.
147. Уголовный процесс: Учебник для юрид. высш. учеб. заведений / Под общ. ред. В.И. Радченко. — М.: Юстицинформ, 2003. — 752 с.
148. Уголовный процесс России: Учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Науч. ред. В.Т. Томин. — М.: Юрайт-Издат, 2003. — 821 с.
149. Уголовный процесс России. Особенная часть: Учебник для студентов юрид. вузов и фак-тов / А.И. Александров, С.А. Величкин, Н.П. Кириллова и др.; Под ред. В.З. Лукашевича. — СПб.: Издат. дом С.-Петербург. ун-та, 2005. — 704 с.
150. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / При участии: сенаторов А.Ф. Кони, В.К. Случевского, Н.С. Таганцева и др.; Под общ. ред. проф. М.Н. Гернета. — Вып. III.: Ст. 249 — 594. — М.: Изд-во А.И. Мамонтова, 1914. — 944 с.

151. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. / И.Я. Фойницкий. (Печатается по третьему изданию. СПб, 1910). — СПб.: АЛЬФА, 1996. — Т. I. — 552 с.
152. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. / И.Я. Фойницкий. — Т. II (Печатается по третьему изданию. СПб, 1910). — СПб.: АЛЬФА, 1996. — 606 с.
153. *Халиулин А.Г.* Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России / А.Г. Халиулин. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997 — 223 с.
154. *Химичева Г.П.* Досудебное производство по уголовным делам: Концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности / Г.П. Химичева. — М.: Экзамен, 2003. — 350 с.
155. Хрестоматия по уголовному процессу России / Составитель Э.Ф. Куцова. — М.: Городец, 1999. — 272 с.
156. *Цукрук М.В.* Возникновение, становление и развитие дознания в уголовном судопроизводстве / М.В. Цукрук. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2004. — 80 с.
157. *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс / М.А. Чельцов. — Изд. 2-е, перераб. — М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1951. — 511 с.
158. *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М.А. Чельцов-Бебутов. — СПб.: Равена, Альфа, 1995. — 846 с.
159. *Шевченко И. А.* Процессуальные и организационно-методические проблемы возбуждения производства по уголовному делу / И.А. Шевченко. — Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2005. — 178 с.
160. *Элькинд П.С.* Сущность советского уголовно-процессуального права / П.С. Элькинд. — Л.: Изд-во Ленин. гос. ун-та, 1963. — 172 с.
161. *Якимович Ю.К.* Досудебное производство по УПК Российской Федерации (участники досудебного производства, доказательства и доказывание, возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие) / Ю.К. Якимович, Т.Д. Пан. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. — 316 с.
162. *Яхнич Л.М.* Краткое руководство по ведению предварительного следствия. Пособие для народных следователей и слушателей юридических школ / Под ред. М.С. Строговича. — М.: Сов. зак-во, 1936. — 91 с.

Научные статьи, тезисы докладов

163. *Андреев Б.С.* Соотношение частного и публичного интереса в праве / Б.С. Андреев, М.А. Мушинский // Роль правоохранительных органов в современном обществе: проблемы научно-практического обеспечения: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. — Улан-Удэ: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2005. — С. 163–165.
164. *Андреева О.И.* Соотношение функции обвинения и уголовного преследования по УПК РФ / О.И. Андреева // Судебная реформа и становление правового государства в Российской Федерации (по мат-лам науч.-практ. конф.) / Под общ. ред. В.С. Комаровского, М.Ю. Мизулина. — М.: ДиАр, 2003. — С. 135–139.
165. *Апарин С.М.* Субъекты привилегии от самоизобличения / С.М. Апарин // Современные проблемы уголовно-процессуального доказывания: Сб. статей. — Волгоград: Изд-во Волг. гос. ун-та, 2000. — С. 168–176.
166. *Арабули Д.Т.* Объем и пределы полномочий прокурора, следователя, дознавателя и потерпевшего по уголовным делам частного обвинения / Д.Т. Арабули // Ученые записки: сб. науч. трудов юрид. фак-та Оренб. гос. ун-та. — Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2006. — Вып. 3.— С. 57–61.
167. *Асанов В.* О содержании уголовного преследования / В. Асанов // Уголовное право. — 2000. — № 4. — С. 3–5.
168. *Аширбекова М.Т.* О соотношении понятий «обвинение» и «уголовное преследование» / М.Т. Аширбекова // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Мат-лы Межд. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. В 2 ч. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. — Ч. 1. — С. 57–63.
169. *Багаутдинов Ф.* Расширение частных начал в уголовном процессе / Ф. Багаутдинов // Российская юстиция. — 2002. — № 2. — С. 32–34.
170. *Багаутдинов Ф.* Уголовное преследование и правозащитная функция суда / Ф. Багаутдинов, А. Васин // Российская юстиция. — 2000. — № 8. — С. 27–28.
171. *Баранов А.М.* Обеспечение законности уголовного преследования и права на защиту в досудебном производстве / А.М. Баранов // Адвокатская практика. — 2003. — № 5. — С. 19–21.
172. *Барышева В.В.* Проблемы рассмотрения мировым судьей уголовных дел частного обвинения / В.В. Барышева // Мировой судья. — 2006. — № 1. — С. 6–9.
173. *Быков В.М.* Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица / В.М. Быков // Уголовный процесс. — 2006. — № 6. — С. 36–40.

174. *Быков В.М.* Проблемы стадии возбуждения уголовного дела В.М. Быков // Журнал российского права. — 2006. — № 7. — С. 52–66.
175. *Васильев О.Л.* Процессуальные средства органов и должностных лиц, осуществляющих дознание и предварительное следствие / О. Л. Васильев // Вестник МГУ. — Серия 11. Право. — 2003. — № 4. — С. 3–26.
176. *Володина Л.М.* Уголовное преследование / Л.М. Володина // Современные проблемы уголовного права и уголовного процесса: Мат-лы Межд. науч.-практ. конф. В 2 т. — Красноярск: ИЦ Краснояр. гос. ун-та, 2003. — Т. 2. — С. 86–92.
177. *Волинская О.В.* Начало и окончание уголовного преследования / О.В. Волинская // Российский следователь. — 2006. — № 2. — С. 9–13.
178. *Воронин В.В.* Защитил ли Конституционный Суд права потерпевших по делам частного обвинения? / В.В. Воронин // Уголовное право. — 2005. — № 5. — С. 73–74.
179. *Воронин В.В.* Понятие и сущность современного российского судопроизводства по делам частного обвинения / В.В. Воронин // Российский судья. — 2001. — № 4. — С. 40–42.
180. *Воронин В.* Порядок действий судьи при решении вопроса о заключении под стражу / В. Воронин // Российская юстиция. — 2002. — № 12. — С. 45–46.
181. *Выдря М.М.* Расследование уголовного дела — функция уголовного процесса / М.М. Выдря // Сов. гос-во и право. — 1980. — № 9. — С. 78–82.
182. *Головко Л.В.* Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права / Л.В. Головко // Гос-во и право. — 2002. — № 5. — С. 51–61.
183. *Голощапов А.В.* К вопросу о понятии и сущности функции уголовного преследования / А.В. Голощапов // Юридическая наука Сибири. — Кемерово, 1997. — С. 182–183.
184. *Голунский С.О.* возбуждении уголовного преследования / С. Голунский // Соц. законность. — 1936. — № 2. — С. 38–42.
185. *Гордиенков А.Д.* Предмет доказывания по делам об уклонении от уплаты таможенных платежей по новому УПК РФ / А.Д. Гордиенков // Российский следователь. — 2002. — № 11. — С. 2–10.
186. *Горленко С.В.* О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в целях защиты прав личности при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности / С.В. Горленко // Налоговый вестник. — 2003. — № 6. — С. 161–165.

187. *Гриненко А.* Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела А. Гриненко // Уголовное право. — 2001. — № 1. — С. 47–49.
188. *Гробовенко Я.* Своевременное предъявление обвинения — важнейшее условие осуществления обвиняемому права на защиту / Я. Гробовенко // Соц. законность. — 1955. — № 3. — С. 19–23.
189. *Грузд Б.* Правило Маслова. Право на защитника — с момента угрозы свободы гражданина / Б. Грузд // Российская юстиция. — 2000. — № 10. — С. 7–8.
190. *Гуськова А.П.* К вопросу об уголовно-процессуальной форме и ее значении в реализации демократических начал российского судопроизводства / А.П. Гуськова // Ученые записки: Сб. науч. трудов. — Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2002. — Вып. 3. — С. 3–11.
191. *Давлетов А.А.* Каким быть институту подозрения в уголовном процессе? / А.А. Давлетов, В.Г. Войт // Российский юридический журнал. — 1996. — № 3. — С. 113–123.
192. *Давлетов А.* Подозреваемый по УПК: проблема не решена / А. Давлетов, И. Ретюнских // Российская юстиция. — 2006. — № 1. — С. 20–21.
193. *Дагель П.С.* Взаимодействие уголовного материального и процессуального права в регулировании общественных отношений / П.С. Дагель // Известия вузов. Правоведение. — 1972. — № 2. — С. 83–89.
194. *Даев В.Г.* Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве / В.Г. Даев // Известия вузов. Правоведение. — 1974. — № 1. — С. 64–73.
195. *Дембо Л.И.* О принципах построения системы права / Л.И. Дембо // Сов. гос-во и право. — 1956. — № 8. — С. 88–98.
196. *Денисов Г.И.* Юридическая техника: теория и практика / Г.И. Денисов // Журнал российского права. — 2005. — № 8. — С. 86–96.
197. *Деришев Ю.В.* Досудебное уголовное преследование по УПК РФ / Ю.В. Деришев // Гос-во и право. — 2004. — № 12. — С. 43–50.
198. *Джатиев В.* Обвинение и защита / В. Джатиев // Российская юстиция — 1995. — № 3. — С. 17–18.
199. *Дикарев И.* К вопросу о дискреционных основаниях прекращения уголовного дела (уголовного преследования) / И. Дикарев // Уголовное право. — 2007. — № 1. — С. 80–83.
200. *Ежова Ю.Е.* Уголовный иск и новый Уголовно-процессуальный кодекс / Ю.Е. Ежова // Вестник МГУ. — Серия 11. Право. — 2002. — № 6. — С. 74–85.

201. *Еникеев З.Д.* Актуальные вопросы уголовного преследования в свете судебно-правовой реформы / З.Д. Еникеев // Известия вузов. Правоведение. — 1995. — №№ 4–5. — С. 84–88.
202. *Еникеев З.Д.* Проблемы уголовного преследования в современной России / З.Д. Еникеев // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Мат-лы Межд. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. В 2 ч. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. — Ч. 1. — С. 276–283.
203. *Ефимичев С.П.* Функции в уголовном судопроизводстве: понятие, сущность, значение / С.П. Ефимичев, П.С. Ефимичев // Журнал российского права. — 2005. — № 7. — С. 56–65.
204. *Жгуты В.* К вопросу о возбуждении уголовного преследования / В. Жгуты // Соц. законность. — 1936. — № 9. — С. 65–66.
205. *Житков В.* О подозреваемых и обвиняемых и об «уголовно-преследуемом» свидетеле / В. Житков // Советская юстиция. — 1937. — № 9. — С. 16–17.
206. *Жук О.Д.* К вопросу о формах и видах уголовного преследования / О.Д. Жук // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2004. — № 2. — С. 334–339.
207. *Жук О.Д.* О понятии и содержании функции уголовного преследования в уголовном процессе России / О.Д. Жук // Законодательство. — 2004. — № 2. — С. 77–87.
208. *Жук О.Д.* О понятии и содержании оперативно-розыскного преследования / О.Д. Жук // Законность. — 2004. — № 5. — С. 39–42.
209. *Жук О.Д.* Осуществление прокурором уголовного преследования в суде кассационной инстанции по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 210 УК РФ / О.Д. Жук // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2004. — № 2. — С. 340–348.
210. *Жук О.Д.* Соотношение уголовного преследования и прокурорского надзора в досудебных стадиях уголовного процесса / О.Д. Жук // Уголовное право. — 2003. — № 4. — С. 114–116.
211. *Жук О.Д.* Субъекты уголовного преследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации / О.Д. Жук // Законодательство. — 2004. — № 5. — С. 71–76.
212. *Жук О.Д.* Субъекты уголовного преследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации / О.Д. Жук // Законодательство. — 2004. — № 6. — С. 73–80.
213. Законопроекты, направленные на изменение и дополнение действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ [Электронный ресурс] // Режим

- доступа: <http://www.legislature.ru/monitor/amendupk/popravki.html?searchterm=upk&stage=&part=&page=1>, свободный. — Загл. с экрана.
214. *Зинатуллин З.З.* Сущность и социальное назначение уголовно-процессуальных функций / З.З. Зинатуллин // Категориальный аппарат уголовного права и процесса: Сборник научных трудов. — Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 1993. — С. 41–50.
215. *Зинатуллин Т.З.* Дефиниция уголовно-процессуальной функции в науке российского уголовного процесса / Т.З. Зинатуллин // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Мат-лы Межд. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. В 2 ч. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. — Ч. 1. — С. 335–339.
216. *Карев Д.С.* Вопросы уголовного процесса в связи с проектом УПК СССР / Д.С. Карев // Соц. законность. — 1954. — № 2. — С. 28–29.
217. *Карпухин А.Д.* Деятельность адвоката по защите прав и законных интересов подозреваемого на предварительном следствии / А.Д. Карпухин // Российский следователь. — 2003. — № 3. — С. 9–12.
218. *Карпухин А.Д.* Уголовное преследование и защита на предварительном следствии / А.Д. Карпухин // Российский следователь. — 2003. — № 2. — С. 17–19.
219. *Карпухин В.Ю.* Отдельные аспекты использования юридической терминологии как средства законодательной техники в правотворчестве субъектов РФ / В.Ю. Карпухин // Государственная власть и местное самоуправление. — 2005. — № 8. — С. 25–28.
220. *Ковтун Н.* Дефекты законодательной техники вызывают трудности в правоприменении / Н. Ковтун // Российская юстиция. — 2001. — № 8. — С. 39–40.
221. *Ковтун Н.Н.* Обеспечение прав обвиняемого при подготовке к судебному заседанию дел частного обвинения у мирового судьи / Н.Н. Ковтун, А.А. Юнусов // Мировой судья. — 2005. — № 10. — С. 5–8.
222. *Ковтун Н.Н.* Сущность и содержание функции уголовного преследования в уголовном процессе России / Н.Н. Ковтун, А.П. Кузнецов // Российский судья. — 2004. — № 6. — С. 29–31.
223. *Козубенко Ю.В.* Уголовное преследование: деятельность по реализации норм права или одна из форм такой деятельности? / Ю.В. Козубенков // Известия вузов. Правоведение. — 2005. — № 3. — С. 100–111.
224. *Колоколов Н.А.* Обвинение — не гипотеза / Н.А. Колоколов // ЭЖ-Юрист. — 2006. — № 12. — С. 9.
225. *Королев Г.* Начальный момент уголовного преследования / Г. Королев // Законность. — 2005. — № 5. — С. 22–24.

226. *Королев Г.Н.* О соотношении понятий «уголовное преследование» и «обвинение» в уголовно-процессуальном праве и теории уголовного процесса / Г.Н. Королев // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2005. — № 3. — С. 235–239.
227. *Коссов И.А.* Судебная реформа 1922 года и российское уголовно-процессуальное законодательство / И.А. Коссов // Судебная защита прав и законных интересов гражданских и юридических лиц: Доклады и сообщения II Всерос. межвуз. науч.-практич. конф. — Москва, 18 декабря 2001 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://liber.rsu.ru/Conf/Sudebnaya/kossov.html>, свободный. — Загл. с экрана.
228. *Кругликов А.П.* К вопросам о сущности и соотношении понятий «обвинение» и «уголовное преследование» / А. П. Кругликов // Российская юстиция. — 2005. — № 12. — С. 46–47.
229. *Кудин Ф.М.* Совершенствование уголовно-процессуального законодательства о подозреваемом / Ф.М. Кудин // Развитие и применение уголовно-процессуального законодательства (к 25-летию УПК РСФСР): Сб. статей. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. — С. 152–155.
230. *Кукаров А.С.* Об уголовном преследовании / А.С. Кукаров // Сов. гос-во и право. — 1958. — № 11. — С. 106–107.
231. *Куссмауль Р.* Всякое прекращение уголовного преследования — реабилитирует / Р. Куссмауль // Российская юстиция. — 2000. — № 9. — С. 45.
232. *Куссмауль Р.* Институт частного обвинения нуждается в преобразовании / Р. Куссмауль // Российская юстиция. — 2002. — № 11. — С. 41–42.
233. *Ларин А.М.* Процессуальные гарантии и функция уголовного преследования / А.М. Ларин // Сов. гос-во и право. — 1975. — № 7. — С. 95–103.
234. *Лукожев Х.М.* Отказ государственного обвинителя от обвинения в суде по УПК РФ / Х.М. Лукожев // Российский судья. — 2005. — № 8. — С. 9–12.
235. *Макаров С.* Есть ли у обвинения процессуальные ограничения? / С. Макаров // Правосудие в Восточной Сибири. — 2003. — №№ 2–3. — С. 89–93.
236. *Макарцев А.* Защита прав потерпевших по делам частного обвинения / А. Макарцев // Российская юстиция. — 2003. — № 12. — С. 55.
237. *Малахова Л.И.* Функция уголовного преследования как вид процессуальной деятельности / Л.И. Малахова // Российский следователь. — 2003. — № 7. — С. 25–26.

238. *Мартыничук Е.Г.* УПК Российской Федерации: достижения и не-реализованные возможности / Е. Г. Мартыничук // Российский судья. — 2002. — № 4. — С. 3–6.
239. *Махов В.* Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица / В. Махов // Российская юстиция. — 1997. — № 12. — С. 25.
240. *Махов В.* Свидетель — не подозреваемый / В. Махов // Законность. — 2001. — № 1. — С. 45–47.
241. *Меженина Л.А.* Уголовная ответственность и уголовное преследование / Л.А. Меженина // Проблемы юридической ответственности: история и современность: Сб. стат. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. Г.Н. Чеботарева. — Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2004. — Ч. 1. — С. 173–176.
242. *Мельников В.Ю.* Задержание подозреваемого как мера принуждения: от подозрения к подозреваемому / В.Ю. Мельников // Известия вузов. Правоведение. — 2005. — № 2. — С. 94–104.
243. *Мельников В.Ю.* Процессуальное оформление задержания заподозренного лица и его допрос / В.Ю. Мельников // Российский следователь. — 2003. — № 9. — С. 25–32.
244. *Мельников Н.* Уголовное преследование как самостоятельная государственно-властная деятельность прокуратуры / Н. Мельников // Уголовное право. — 2004. — № 4. — С. 109–111.
245. *Михайленко А.Р.* О правовой природе начала уголовного процесса / А.Р. Михайленко // Вопросы уголовного процесса. Межвуз. науч. сб. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. — Вып. 2. — С. 39–51.
246. *Михеенко М.М.* Содержание предмета доказывания по уголовному делу / М.М. Михеенко // Проблемы правоведения. Респ. межведом. науч. сб. — Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1982. — Вып. 43. — С. 134–143.
247. *Муравьев Н.* Задачи прокурорского надзора / Н. Муравьев // Журнал гражданского и уголовного права. — 1884. — № 7. — С. 1–66.
248. *Нажимов В.П.* Об уголовно-процессуальных функциях / В. П. Нажимов // Известия вузов. Правоведение. — 1973. — № 5. — С. 73–82.
249. *Наумов А.* Уголовное преследование на стадии возбуждения дела / А. Наумов // Законность. — 2005. — № 3. — С. 50–51.
250. *Овсянников В.* Вина и невиновность обвиняемого: юридический, логико-гносеологический и этический аспекты / В. Овсянников // Уголовное право. — 2002. — № 3. — С. 97–99.
251. *Овсянников И.В.* Предъявление подозрения как гарантия прав подозреваемого / И.В. Овсянников, В.С. Овсянников // Уголовный процесс. — 2006. — № 1 — С. 35–46.

252. *Овсянников И.* Уголовно-процессуальные гарантии прав подозреваемого / И. Овсянников // Юридический мир. — 2005. — № 10. — С. 51–56.
253. *Орлова А.* Производство по делам частного обвинения / А. Орлова // Российская юстиция. — 2001. — № 4. — С. 39–40.
254. *Орлова А.А.* Уголовное преследование по заявлению коммерческой или иной организации / А. А. Орлова // Российский следователь. — 2003. — № 10. — С. 7–8.
255. *Панга М.С.* Возбуждение уголовного дела и возбуждение уголовного преследования / М.С. Панга // Вопросы уголовного права и процесса. Сб. статей. — Минск: Изд-во Беларус. гос. ун-та, 1960. — С. 129–145.
256. *Панько Н.К.* Реализация функции защиты на досудебных стадиях производства по уголовному делу / Н.К. Панько // Адвокатская практика. — 2002. — № 3. — С. 13–16.
257. *Панюков А.* Процессуальная деятельность без возбуждения уголовного дела / А. Панюков // Российская юстиция. — 2003. — № 5. — С. 51–53.
258. *Пашин С.А.* Предисловие // Проект Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: научно-практический анализ. Сб. статей / Под ред. С.А. Пашина. — 2-е изд., доп. — М.: Р. Валент, 2000. — С. 3–8.
259. *Петелин Б.* Вина как объект доказывания / Б. Петелин // Советская юстиция. — 1982. — № 12. — С. 18–19.
260. *Петрикова С.В.* Понятие уголовного преследования / С.В. Петрикова // Состояние и перспективы развития юридической науки: Матлы Межд. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Удмуртского гос. ун-та. Ижевск, 30–31 марта 2006 г. — Ижевск: Детектив-Информ, 2006. — Ч. 2. — С. 60–65.
261. *Петрова Н.* Наделить потерпевшего правом уголовного преследования / Н. Петрова // Российская юстиция. — 2002. — № 12. — С. 55–56.
262. *Петропавловский В.Г.* Основные вопросы присяжных требуют уточнения / В.Г. Петропавловский // Российская юстиция. — 2006. — № 2. — С. 36–37.
263. *Петрухин И.Л.* От инквизиции — к состязательности / И.Л. Петрухин // Гос-во и право. — 2003. — № 7. — С. 28–36.
264. *Петрухин И.* Публичность и диспозитивность в уголовном процессе / И. Петрухин // Российская юстиция. — 1999. — № 3. — С. 24–25.

265. *Пешков М.А.* Правила Миранды — революция в уголовном процессе США / М.А. Пешков // Юрист. — 1998. — № 2. — С. 36–39.
266. *Победкин А.* Применение правила Маслова требует изменений УПК / А. Победкин, А. Анненков, С. Дадонов // Российская юстиция. — 2001. — № 4. — С. 34–35.
267. *Подольный Н.* Новый УПК — новая идеология уголовного процесса / Н. Подольный // Российская юстиция. — 2002. — № 11. — С. 2–3.
268. *Попова И.И.* Понятие частного обвинения / И.И. Попова // Мировой судья. — 2005. — № 10. — С. 3–5.
269. Проект Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации Государственно-правового управления Президента Российской Федерации // Российская юстиция. — 1994. — № 9. — С. 2–92.
270. Проект Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации Министерства юстиции Российской Федерации // Российская юстиция. — 1994. — № 11. — С. 35–63.
271. Проект Уголовно-процессуального Кодекса Туркменистана [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://law.vl.ru>, свободный. — Загл. с экрана.
272. *Рыжаков А.П.* Виды уголовного преследования. Комментарий к статье 20 УПК РФ. Подготовлен для Системы КонсультантПлюс / А.П. Рыжаков [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Электрон. поисковая прогр. — М.: КонсультантПлюс, 2002. — Систем. требования Р-П-300; 32 Мб ОЗУ; Microsoft Windows 2000/XP. — Загл. с экрана.
273. *Рыжаков А.П.* Понятие и правовой статус субъекта, именуемого в уголовном процессе «подозреваемый». Комментарий к статье 46 УПК РФ. Подготовлен для Системы КонсультантПлюс / А.П. Рыжаков [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Электрон. поисковая прогр. — М.: КонсультантПлюс, 2002. — Систем. требования Р-П-300; 32 Мб ОЗУ; Microsoft Windows 2000/XP. — Загл. с экрана.
274. *Савинов В.Н.* О категориях вины и виновности в уголовном праве и процессе / В.Н. Савинов, А.С. Молодцов, Е.В. Благов // Вопросы взаимосвязи уголовного права и процесса: Межвуз. тематич. сб. науч. трудов. — Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1988. — С. 48–56.
275. *Савицкий В.* Стержневая функция прокуратуры — осуществление уголовного преследования / В. Савицкий // Российская юстиция. — 1994. — № 10. — С. 24–28.

276. *Сидорова Н.В.* Некоторые вопросы реализации иммунитета от самоизобличения в уголовном процессе / Н.В. Сидорова // Актуальные проблемы юриспруденции: Межвуз. сб. науч. статей. — Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1998. — Вып. 2. — С. 132–134.
277. *Скрябин Э.Н.* Особенности уголовного преследования за преступления против интересов службы / Э.Н. Скрябин // Журнал российского права. — 2002. — № 12. — С. 89–99.
278. *Смирнов А.В.* Неизвестное уголовно-процессуальное право / А.В. Смирнов [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://iuaj.net/modules.php?name=Pages&go=page&pid=91>, свободный. — Загл. с экрана.
279. *Смирнов А.В.* Реформы уголовной юстиции конца XX века и дискурсивная состязательность / А.В. Смирнов // Журнал российского права. — 2001. — № 12. — С. 145–155.
280. *Смирнов В.П.* История состязательности в науке российского уголовно-процессуального права / В.П. Смирнов // История государства и права. — 2001. — № 4. — С. 31–37.
281. *Смолькова И.В.* Соотношение частных и публичных начал в уголовном процессе — методологическая основа определения оснований и пределов вмешательства правоохранительных органов в охраняемые законом тайны / И.В. Смолькова // Социально-экономические и правовые проблемы проблемы Восточно-сибирского региона на пороге третьего тысячелетия: Мат-лы науч.-практ. конф. Иркутск, 13–17 мая 1998 г. — Иркутск, Изд-во ИГЭА, 1998. — С. 77–79.
282. *Соловьев А. К* вопросу о статусе прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса по УПК РФ / А. Соловьев, М. Токарева // Уголовное право. — 2002. — № 3. — С. 84–88.
283. *Соловьев А.Б.* Функция уголовного преследования в досудебных стадиях процесса / А.Б. Соловьев // Прокуратура в условиях судебно-правовой реформы. Сб. науч. трудов. — М.: Изд-во НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Ген. прок. РФ, 1997. — С. 137–144.
284. *Сухарева Н.Д.* О понятии «уголовное преследование» / Н.Д. Сухарева // Российский следователь. — 2002. — № 10. — С. 24.
285. *Татьянина Л.Г.* Предварительное расследование в системе функций уголовного процесса / Л.Г. Татьяна // Ученые записки: сб. науч. трудов юрид. фак-та Оренбург. гос. ун-та. — Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2006. — Вып. 3. — С. 49–53.
286. *Толкаченко А.А.* Проблемы субъективной стороны преступления в практике военных судов / А.А. Толкаченко [Электронный ресурс] //

- Режим доступа: http://www.supcourt.ru/print_page.php?id=2606, свободный. — Загл. с экрана.
287. *Толстой А.В.* Соотношение институтов уголовного преследования и реабилитации / А. В. Толстой // Уголовное судопроизводство. — 2006. — № 2. — С. 29–31.
288. *Тушев А.А.* Осуществление прокурором функции уголовного преследования в судебном разбирательстве / А.А. Тушев // Российская юстиция. — 2005. — № 12. — С. 21–24.
289. *Ушаков А.* Каким должен быть язык уголовного закона / А. Ушаков // Соц. законность. — 1974. — № 10. — С. 57–58.
290. *Францифоров Ю.В.* Понятие и процессуальный порядок привлечения лица в качестве обвиняемого / Ю.В. Францифоров // Российский судья. — 2002. — № 5. — С. 11–14.
291. *Хатуева В.В.* Процессуальные особенности возбуждения уголовных дел частного обвинения / В. В. Хатуева // Российский следователь. — 2005. — № 1. — С. 11–14.
292. *Хорищенко Ю.Г.* Уголовное преследование как многоаспектное понятие: сущность и пределы / Ю.Г. Хорищенко // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Мат-лы Межд. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г.: В 2 ч. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. — Ч. 2. — С. 362–367.
293. *Чельцов М.* Возбуждение уголовного преследования и процессуальное положение следователя / М. Чельцов // Соц. законность. — 1937. — № 3. — С. 28–35.
294. *Чернов Р.П.* Свидетельские показания как источник доказательств / Р.П. Чернов // Адвокат. — 2005. — № 5. — С. 95–105.
295. *Шалумов М.С.* Уголовное преследование как функция прокуратуры / М.С. Шалумов // Известия вузов. Правоведение. — 1996. — № 4. — С. 87–93.
296. *Шимановский В.В.* К вопросу о процессуальной функции следователя в советском уголовном процессе / В.В. Шимановский // Известия вузов. Правоведение. — 1965. — № 2. — С. 175–178.
297. *Шишкина Е.В.* Понятие, содержание и значение института уголовного преследования / Е.В. Шишкина, С.Г. Бандурин // Следователь. — 2005. — № 9. — С. 9–13.
298. *Шишкина Е.В.* Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве / Е.В. Шишкина, С.Г. Бандурин, Н.А. Громов // Право и политика. — 2004. — № 12. — С. 83–89.

299. *Щербатых Е.Г.* Предоставить мировому судье право возбуждения уголовных дел частного обвинения / Е.Г. Щербатых // Российская юстиция. — 2005. — № 11. — С. 55–57.
300. *Яковенко В.В.* Спорные вопросы осуществления прокуратурой функции уголовного преследования / В.В. Яковенко // Российский следователь. — 2005. — № 10. — С. 41–43.
301. *Якуб М.Л.* О понятии процессуальной функции в советском уголовном судопроизводстве / М.Л. Якуб // Известия вузов. Правоведение. — 1973. — № 5. — С. 83–89.
302. *Якушев В.С.* О понятии правового института / В.С. Якушев // Известия вузов. Правоведение. — 1970. — № 6. — С. 61–67.

Диссертации и авторефераты

303. *Аверченко А.К.* Подозреваемый и реализация его прав в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.К. Аверченко. — Томск: Том. гос. ун-т, 2001. — 23 с.
304. *Баксалова А.М.* Уголовно-процессуальная функция обвинения, осуществляемая прокурором, и ее реализация на судебном следствии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.М. Баксалова. — Томск: Том. гос. ун-т, 2002. — 24 с.
305. *Белоусова Е.А.* Прекращение уголовного преследования в стадий предварительного расследования: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е.А. Белоусова. — СПб.: Санкт-Петерб. юрид. ин-т Ген. прок. РФ, 2004. — 177 с.
306. *Бубнов Р.Г.* Взаимоотношение субъектов уголовного преследования по делам публичного и частно-публичного обвинения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Р.Г. Бубнов. — Самара: Сам. гос. ун-т, 2006. — 20 с.
307. *Букша Н.Ю.* Назначение института прекращения уголовного дела и уголовного преследования: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.Ю. Букша. — Краснодар: Краснодар. акад. МВД России, 2005. — 206 с.
308. *Ворончихин М.А.* Субъекты уголовного преследования (понятие, виды, правовая культура): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.А. Ворончихин. — Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2002. — 167 с.
309. *Горлова С.В.* Уголовное преследование как проявление публичности в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / С.В. Горлова. — Челябинск: Южно-Урал. гос. ун-т, 2006. — 18 с.

310. *Деришев Ю.В.* Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Ю.В. Деришев. — Омск: Ом. акад. МВД России, 2005. — 51 с.
311. *Донской Д.Д.* Функция уголовного преследования на этапе досудебного производства: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Д.Д. Донской. — Ростов н/Д: Ростов. юрид. ин-т МВД России, 2005. — 212 с.
312. *Дорноступ И.П.* Нереабилитирующие основания прекращения уголовного преследования в деятельности органов предварительного расследования МВД России: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И.П. Дорноступ. — СПб: Санкт-Петерб. ун-т МВД, 2003. — 153 с.
313. *Илюхина С.В.* Прекращение уголовного дела и уголовного преследования в стадии предварительного расследования по основаниям, предусмотренным в ст. 25, 28 УПК РФ: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / С.В. Илюхина. — Саранск: Мордов. гос. ун-т, 2003. — 201 с.
314. *Картохина О.А.* Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.А. Картохина. — СПб.: Санкт-Петерб. ун-т МВД, 2003. — 244 с.
315. *Китаев Н.Н.* Вопросы теории и практики изобличения лиц, совершивших умышленное убийство: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.Н. Китаев. — Иркутск: Ирк. гос. ун-т, 1993. — 234 с.
316. *Коршунова О.Н.* Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы уголовного преследования: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / О.Н. Коршунова. — М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Ген. прок. РФ, 2006. — 34 с.
317. *Кучин А.Ф.* Правовой механизм публичного уголовного преследования: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Ф. Кучин. — Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2004. — 193 с.
318. *Лавдаренко Л.И.* Функция следователя в российском уголовном процессе: проблемы реализации, перспективы развития: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Л.И. Лавдаренко. — Владивосток: Дальневост. гос. ун-т, 2001. — 22 с.
319. *Лобанов А.П.* Функции уголовного преследования и защиты в российском судопроизводстве: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / А.П. Лобанов. — М.: Науч.-исслед. ин-т МВД России, 1996. — 48 с.
320. *Мельников В.Ю.* Задержание подозреваемого: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.Ю. Мельников. — Краснодар: Ростов. гос. ун-т, 2004. — 169 с.

321. *Муравьев К.В.* Возбуждение уголовного дела в отношении лица: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / К.В. Муравьев. — Омск: Ом. акад. МВД России, 2005. — 27 с.
322. *Мухтасипова Т.Н.* Механизм реализации функции частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.09 / Т.Н. Мухтасипова. — Челябинск: Южно-Урал. гос. ун-т, 2004. — 20 с.
323. *Никитин Е.Л.* Актуальные проблемы прокурорской деятельности при осуществлении уголовного преследования: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е.Л. Никитин. — СПб.: Санкт-Петерб. юрид. ин-т Ген. прок. РФ, 2000. — 198 с.
324. *Ревенко Н.И.* Обеспечение следователем всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела при осуществлении уголовного преследования: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.И. Ревенко. — Омск: Ом. акад. МВД России, 2005. — 231 с.
325. *Сухарева Н.Д.* Прекращение уголовного преследования на стадии предварительного расследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.Д. Сухарева. — Иркутск: Байкал. гос. ун-т экон-ки и права, 2002. — 26 с.
326. *Тишковец Е.И.* Следователь как субъект уголовного преследования: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е.И. Тишковец. — Воронеж: Вор. гос. ун-т, 2003. — 209 с.
327. *Усачев А.А.* Возбуждение уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.А. Усачев. — Иркутск: Байкал. гос. ун-т экон-ки и права, 2003. — 240 с.
328. *Халиулин А.Г.* Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (проблемы осуществления в условиях правовой реформы): Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / А.Г. Халиулин. — М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Ген. прок. РФ, 1997. — 261 с.
329. *Харченко И.Р.* Проблемы уголовного преследования, осуществляемого в частном порядке, в российском уголовном судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И.Р. Харченко. — Волгоград: Волг. акад. МВД России, 2004. — 184 с.
330. *Чупилкин Ю.Б.* Гарантии прав подозреваемого в российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю.Б. Чупилкин. — Краснодар: Ростов. юрид. ин-т МВД России, 2001. — 24 с.
331. *Шевчук В.Б.* Реформирование судебной системы России во второй половине XIX — нач. XX в. (историко-правовое исследование): Дис.

- ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В.Б. Шевчук. — СПб.: Санкт-Петерб. гуманитар. ун-т, 2004. — 186 с.
332. *Шманатова В.Е.* Публичное начало как основа уголовного преследования в уголовном процессе РФ: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.Е. Шманатова. — Самара: Самар. гос. ун-т, 2004. — 237 с.
333. *Ягофаров Ф.М.* Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ф.М. Ягофаров. — Оренбург: Оренб. гос. аграрн. ун-т, 2003. — 149 с.

Словари, энциклопедии, справочники

334. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В. Даль. — М.: Рус. яз., 1989. — Т. 2. — 779 с.
335. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В. Даль. — М.: Рус. яз., 1989. — Т. 3. — 555 с.
336. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. 4-е изд., стер. / И.Х. Дворецкий. — М.: Рус. яз., 1996. — 846 с.
337. Краткий словарь иностранных слов: Ок. 8000 слов / Авт.-сост. Е.А. Гришина. — М.: АСТ, 2005. — 639 с.
338. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. — 18-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1986. — 797 с.
339. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник / Отв. ред. докт. юрид. наук, проф. А.Я. Сухарев. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: НОРМА, 2003. — 976 с.
340. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: Азбуковник, 2000. — Т. 2. — 674 с.
341. *Савицкий В.М.* Уголовный процесс: Словарь-справочник / В.М. Савицкий, А.М. Ларин. — М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 1999. — 271 с.
342. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981. — Т. 1. — 698 с.
343. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1983. — Т. 3. — 752 с.
344. Толковый словарь русского языка. В 3 т. / Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Вече, Мир книг. — Т. 1. — 704 с.

345. Толковый словарь русского языка. В 3 т. / Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Вече, Мир книг. — Т. 2. — 688 с.
346. Толковый словарь русского языка. В 3 т. / Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Вече, Мир книг. — Т. 3. — 672 с.
347. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. — М.: Сов. энциклопедия, 1983. — 840 с.
348. Французско-русский словарь активного типа / Под ред. В.Г. Гака, Ж. Триомфа. — 2-е изд., испр. — М.: Рус. яз., 1998. — 1056 с.

Литература на иностранных языках

349. CODE d'instruction criminelle de 1808 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://ledroitcriminel.free.fr/la_legislation_criminelle/anciens_textes/code_instruction_criminelle/code_1808_1.htm, свободный. — Загл. с экрана.

Приложение 1

Проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ» (в части совершенствования правовой регламентации уголовного преследования)

Статья 1. Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, N 52, ст. 4921) следующие изменения и дополнения:

- 1) в пункте 45 статьи 5 слова «(уголовного преследования)» исключить;
- 2) статью 20 изложить в следующей редакции:

«Статья 20. Виды уголовного преследования

 1. В зависимости от характера и тяжести совершенного преступления уголовное преследование осуществляется в публичном и частном порядке.
 2. Публичное уголовное преследование от имени и в интересах государства осуществляют прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания и дознаватель путем доказывания виновности лица в совершении преступления на предварительном расследовании, а также поддержания обвинения в суде. В публичном уголовном преследовании вправе участвовать потерпевший и (или) его законный представитель.
 3. Частное уголовное преследование осуществляет потерпевший путем возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, выдвижения и поддержания обвинения в суде. В случае, если потерпевшему не известны данные о лице, совершившем преступление, уголовное преследование осуществляется в публичном порядке»;
- 3) статью 21 изложить в следующей редакции:

«Статья 21. Обязанность осуществления публичного уголовного преследования

 1. Если на момент принятия решения о возбуждении уголовного дела руководитель следственного органа, следователь, орган дознания или дознаватель обладают достаточными данными о причастности лица к совершению преступления, уголовное дело возбуждается в отношении конкретного лица.
 2. Если достаточные данные о причастности лица к совершению преступления стали известны в ходе производства по уголовному делу,

руководитель следственного органа, следователь, орган дознания или дознаватель незамедлительно задерживают данное лицо по подозрению в совершении преступления в соответствии со статьями 91 и 92 настоящего Кодекса либо, при отсутствии оснований для задержания, возбуждают в отношении него уголовное преследование, о чем выносятся соответствующее постановление»;

4) статью 22 изложить в следующей редакции:

«Статья 22. Начало осуществления уголовного преследования

1. Публичное уголовное преследование по уголовному делу осуществляется с момента:

- 1) признания лица подозреваемым в соответствии с частью 1 статьи 46 настоящего Кодекса;
- 2) признания лица обвиняемым в соответствии с частью 1 статьи 47 настоящего Кодекса;
- 3) вынесения постановления о возбуждении уголовного преследования в соответствии с частью 2 статьи 21 настоящего Кодекса.

2. Частное уголовное преследование осуществляется с момента принятия мировым судьей заявления потерпевшего к своему производству в порядке, предусмотренном статьей 318 настоящего Кодекса.

3. С момента начала осуществления уголовного преследования лицу, в отношении которого оно осуществляется, обеспечивается право на защиту.

4. Лицо, заподозренное в совершении преступления, но в отношении которого уголовное преследование не начато, не может допрашиваться по данному уголовному делу в качестве свидетеля»;

5) статью 23 изложить в следующей редакции:

«Статья 23. Основания прекращения уголовного преследования

1. Уголовное преследование в отношении подозреваемого или обвиняемого прекращается по следующим основаниям:

- 1) непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления;
- 2) прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренным пунктами 1–6 части первой статьи 27 настоящего Кодекса;
- 3) вследствие акта об амнистии;
- 4) наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению;

5) наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого неотменного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела;

6) отказ Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в даче согласия на лишение неприкосновенности Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, и (или) отказ Совета Федерации в лишении неприкосновенности данного лица.

2. Прекращение уголовного преследования по основаниям, указанным в статье 23¹, пунктах 3 и 6 части первой статьи 27, статье 28 настоящего Кодекса, а также пунктах 3 и 6 части первой настоящей статьи, не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает. В таком случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке.

3. Уголовное преследование в отношении лица, не достигшего к моменту совершения деяния, предусмотренного уголовным законом, возраста, с которого наступает уголовная ответственность, подлежит прекращению по основанию, указанному в пункте 2 части первой статьи 27 настоящего Кодекса. По этому же основанию подлежит прекращению уголовное преследование и в отношении несовершеннолетнего, который хотя и достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом.

4. В случаях, предусмотренных настоящей статьей, допускается прекращение уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого без прекращения уголовного дела»;

6) главу 3 дополнить статьей 23¹ следующего содержания:

«Статья 23¹. Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием

1. Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе прекратить уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 75 Уголовного кодекса Российской Федерации.

2. Прекращение уголовного преследования лица по уголовному делу о преступлении иной категории при деятельном раскаянии лица в совершенном преступлении осуществляется судом, а также следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

3. До прекращения уголовного преследования лицу должны быть разъяснены основания его прекращения в соответствии с частями первой и второй настоящей статьи и право возражать против прекращения уголовного преследования.

4. Прекращение уголовного преследования по основаниям, указанным в части первой настоящей статьи, не допускается, если лицо, в отношении которого прекращается уголовное преследование, против этого возражает. В данном случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке.»;

7) главу 4 переименовать: «Глава 4. Производство по уголовному делу»;

8) статью 24 изложить в следующей редакции:
«Статья 24. Виды уголовных дел

1. В зависимости от порядка уголовного преследования производство осуществляется по уголовным делам публичного, частно-публичного и частного обвинения.

2. Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 115 частью первой, 116 частью первой, 129 частью первой и 130 Уголовного кодекса Российской Федерации, считаются уголовными делами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой настоящей статьи, и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. Примирение допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

3. Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 131 частью первой, 132 частью первой, 136 частью первой, 137 частью первой, 138 частью первой, 139 частью первой, 145, 146 частью первой и 147 частью первой Уголовного кодекса Российской Федерации, считаются уголовными делами частно-публичного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представи-

теля, но прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат, за исключением случаев, предусмотренных статьей 28 настоящего Кодекса.

4. Руководитель следственного органа, следователь, а также, с согласия прокурора, дознаватель возбуждают уголовное дело о любом преступлении, указанном в частях второй и третьей настоящей статьи, и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы. К иным причинам относится также случай совершения преступления лицом, данные о котором не известны.

5. Если деяние, предусмотренное главой 23 Уголовного кодекса Российской Федерации, причинило вред интересам исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, и не причинило вреда интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства, то уголовное дело возбуждается по заявлению руководителя данной организации или с его согласия.

6. Уголовные дела, за исключением уголовных дел, указанных в частях второй и третьей настоящей статьи, считаются уголовными делами публичного обвинения.»;

9) статью 25 изложить в следующей редакции:

«Статья 25. Осуществление производства по уголовным делам

1. Досудебное производство по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляют руководитель следственного органа, следователь, орган дознания и дознаватель в соответствии со статьей 151 настоящего Кодекса.

2. Судебное производство по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляет суд в соответствии со статьей 31 настоящего Кодекса.

3. Производство по уголовным делам частного обвинения осуществляет мировой судья в порядке, предусмотренном главой 41 настоящего Кодекса. В случаях, предусмотренных частью четвертой статьи 24 настоящего Кодекса, досудебное производство по уголовным делам частного обвинения осуществляет следователь или дознаватель.

4. Требования, поручения и запросы суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные при производстве по уголовным делам в пределах их

полномочий, установленных настоящим Кодексом, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами»;

10) статью 26 изложить в следующей редакции:

«Статья 26. Обязанность производства по уголовным делам публичного обвинения

В каждом случае обнаружения признаков преступлений, предусмотренных частью 5 статьи 24 настоящего Кодекса, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, уголовному преследованию лица или лиц, его совершивших»;

11) статью 27 изложить в следующей редакции:

«Статья 27. Основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела

1. Уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению по следующим основаниям:

- 1) отсутствие события преступления;
- 2) отсутствие в деянии состава преступления;
- 3) истечение сроков давности уголовного преследования;
- 4) смерть подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего;
- 5) отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой статьи 24 настоящего Кодекса;
- 6) отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в пунктах 1, 3–5, 9 и 10 части первой статьи 448 настоящего Кодекса, либо отсутствие согласия, соответственно, Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в пунктах 1 и 3–5 части первой статьи 448 настоящего Кодекса.

2. Уголовное дело подлежит прекращению по основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой настоящей статьи, в случае, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость этого деяния были устранены новым уголовным законом.

3. Прекращение уголовного дела влечет за собой одновременно прекращение уголовного преследования.

4. Уголовное дело подлежит прекращению в случае прекращения уголовного преследования в отношении всех подозреваемых или обвиняемых, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 1 части первой статьи 23 настоящего Кодекса»;

12) статью 28 изложить в следующей редакции:

«Статья 28. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон

Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред»;

13) в статье 46:

пункт 4 изложить в следующей редакции:

«4) либо в отношении которого вынесено постановление о возбуждении уголовного преследования в порядке, установленном главой 3 настоящего Кодекса»;

дополнить частью пятой следующего содержания:

«5. Подозреваемым лицом является до вынесения в отношении него постановления о привлечении в качестве обвиняемого либо постановления о прекращении уголовного преследования»;

14) предложение второй части третьей статьи 147 изложить в следующей редакции:

«Уголовное преследование по таким уголовным делам осуществляется в публичном порядке».

Статья 2. Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Приложение 2

Главы 3 и 4 Уголовно-процессуального Кодекса РФ в предлагаемой редакции

Глава 3. УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Статья 20. Виды уголовного преследования

1. В зависимости от характера и тяжести совершенного преступления уголовное преследование осуществляется в публичном и частном порядке.

2. Публичное уголовное преследование от имени и в интересах государства осуществляют прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания и дознаватель путем доказывания виновности лица в совершении преступления на предварительном расследовании, а также поддержания обвинения в суде. В публичном уголовном преследовании вправе участвовать потерпевший и (или) его законный представитель.

3. Частное уголовное преследование осуществляет потерпевший путем возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, выдвижения и поддержания обвинения в суде. В случае, если потерпевшему не известны данные о лице, совершившем преступление, уголовное преследование осуществляется в публичном порядке.

Статья 21. Обязанность осуществления публичного уголовного преследования

1. Если на момент принятия решения о возбуждении уголовного дела руководитель следственного органа, следователь, орган дознания или дознаватель обладают достаточными данными о причастности лица к совершению преступления, уголовное дело возбуждается в отношении конкретного лица.

2. Если достаточные данные о причастности лица к совершению преступления стали известны в ходе производства по уголовному делу, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания или дознаватель незамедлительно задерживают данное лицо по подозрению в совершении преступления в соответствии со статьями 91 и 92 настоящего Кодекса либо, при отсутствии оснований для задержания, возбуждают в отношении него уголовное преследование, о чем выносятся соответствующее постановление.

Статья 22. Начало осуществления уголовного преследования

1. Публичное уголовное преследование по уголовному делу осуществляется с момента:

- 1) признания лица подозреваемым в соответствии с частью 1 статьи 46 настоящего Кодекса;
- 2) признания лица обвиняемым в соответствии с частью 1 статьи 47 настоящего Кодекса;
- 3) вынесения постановления о возбуждении уголовного преследования в соответствии с частью 2 статьи 21 настоящего Кодекса.

2. Частное уголовное преследование осуществляется с момента принятия мировым судьей заявления потерпевшего к своему производству в порядке, предусмотренном статьей 318 настоящего Кодекса.

3. С момента начала осуществления уголовного преследования лицу, в отношении которого оно осуществляется, обеспечивается право на защиту.

4. Лицо, заподозренное в совершении преступления, но в отношении которого уголовное преследование не начато, не может допрашиваться по данному уголовному делу в качестве свидетеля.

Статья 23. Основания прекращения уголовного преследования

1. Уголовное преследование в отношении подозреваемого или обвиняемого прекращается по следующим основаниям:

- 1) непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления;
- 2) прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренным пунктами 1—6 части первой статьи 27 настоящего Кодекса;
- 3) вследствие акта об амнистии;
- 4) наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению;
- 5) наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого неотменного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела;
- 6) отказ Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в даче согласия на лишение неприкосновенности Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, и (или) отказ Совета Федерации в лишении неприкосновенности данного лица.

2. Прекращение уголовного преследования по основаниям, указанным в статье 23¹, пунктах 3 и 6 части первой статьи 27, статье 28 настоящего Кодекса, а также пунктах 3 и 6 части первой настоящей статьи, не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает. В таком случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке.

3. Уголовное преследование в отношении лица, не достигшего к моменту совершения деяния, предусмотренного уголовным законом, возраста, с которого наступает уголовная ответственность, подлежит прекращению по основанию, указанному в пункте 2 части первой статьи 27 настоящего Кодекса. По этому же основанию подлежит прекращению уголовное преследование и в отношении несовершеннолетнего, который хотя и достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом.

4. В случаях, предусмотренных настоящей статьей, допускается прекращение уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого без прекращения уголовного дела.

Статья 23¹. Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием

1. Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе прекратить уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 75 Уголовного кодекса Российской Федерации.

2. Прекращение уголовного преследования лица по уголовному делу о преступлении иной категории при деятельном раскаянии лица в совершенном преступлении осуществляется судом, а также следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

3. До прекращения уголовного преследования лицу должны быть разъяснены основания его прекращения в соответствии с частями первой и второй настоящей статьи и право возражать против прекращения уголовного преследования.

4. Прекращение уголовного преследования по основаниям, указанным в части первой настоящей статьи, не допускается, если лицо, в отношении которого прекращается уголовное преследование, против этого возражает. В данном случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке.

Глава 4. ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Статья 24. Виды уголовных дел

1. В зависимости от порядка уголовного преследования производство осуществляется по уголовным делам публичного, частно-публичного и частного обвинения.

2. Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 115 частью первой, 116 частью первой, 129 частью первой и 130 Уголовного кодекса Российской Федерации, считаются уголовными делами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой настоящей статьи, и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. Примирение допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

3. Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 131 частью первой, 132 частью первой, 136 частью первой, 137 частью первой, 138 частью первой, 139 частью первой, 145, 146 частью первой и 147 частью первой Уголовного кодекса Российской Федерации, считаются уголовными делами частно-публичного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя, но прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат, за исключением случаев, предусмотренных статьей 28 настоящего Кодекса.

4. Руководитель следственного органа, следователь, а также, с согласия прокурора, дознаватель возбуждают уголовное дело о любом преступлении, указанном в частях второй и третьей настоящей статьи, и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя, если данное преступление совершено в отношении лица, которое, в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы. К иным причинам относится также случай совершения преступления лицом, данные о котором не известны.

5. Если деяние, предусмотренное главой 23 Уголовного кодекса Российской Федерации, причинило вред интересам исключительно ком-

мерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, и не причинило вреда интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства, то уголовное дело возбуждается по заявлению руководителя данной организации или с его согласия.

6. Уголовные дела, за исключением уголовных дел, указанных в частях второй и третьей настоящей статьи, считаются уголовными делами публичного обвинения.

Статья 25. Осуществление производства по уголовным делам

1. Досудебное производство по уголовным делам публичного и частного-публичного обвинения осуществляют руководитель следственного органа, следователь, орган дознания и дознаватель в соответствии со статьей 151 настоящего Кодекса.

2. Судебное производство по уголовным делам публичного и частного-публичного обвинения осуществляет суд в соответствии со статьей 31 настоящего Кодекса.

3. Производство по уголовным делам частного обвинения осуществляет мировой судья в порядке, предусмотренном главой 41 настоящего Кодекса. В случаях, предусмотренных частью четвертой статьи 24 настоящего Кодекса, досудебное производство по уголовным делам частного обвинения осуществляет следователь или дознаватель.

4. Требования, поручения и запросы суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные при производстве по уголовным делам в пределах их полномочий, установленных настоящим Кодексом, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами.

Статья 26. Обязанность производства по уголовным делам публичного обвинения

В каждом случае обнаружения признаков преступлений, предусмотренных частью 5 статьи 24 настоящего Кодекса, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, уголовному преследованию лица или лиц, его совершивших.

Статья 27. Основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела

1. Уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению по следующим основаниям:

- 1) отсутствие события преступления;
- 2) отсутствие в деянии состава преступления;
- 3) истечение сроков давности уголовного преследования;
- 4) смерть подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего;
- 5) отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой статьи 24 настоящего Кодекса;
- 6) отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в пунктах 1, 3–5, 9 и 10 части первой статьи 448 настоящего Кодекса, либо отсутствие согласия соответственно, Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в пунктах 1 и 3–5 части первой статьи 448 настоящего Кодекса.

2. Уголовное дело подлежит прекращению по основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой настоящей статьи, в случае, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость этого деяния были устранены новым уголовным законом.

3. Прекращение уголовного дела влечет за собой одновременно прекращение уголовного преследования.

4. Уголовное дело подлежит прекращению в случае прекращения уголовного преследования в отношении всех подозреваемых или обвиняемых, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 1 части первой статьи 23 настоящего Кодекса.

Статья 28. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон

Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред.

Приложение 3

ПОСТАНОВЛЕНИЕ о возбуждении уголовного преследования

« ____ » _____ г.
(место составления)

Следователь (дознатель) _____
(наименование органа
предварительного следствия или дознания, классный чин или звание,
фамилия, инициалы следователя (дознателя))

рассмотрев материалы уголовного дела № _____,

УСТАНОВИЛ:

_____ (излагаются обстоятельства совершенного преступления
и данные, указывающие на причастность лица к совершенному
преступлению)

Принимая во внимание, что имеются достаточные данные, указывающие на причастность лица к совершению преступления _____, предусмотрен _____ УК РФ, и руководствуясь пунктом четвертым части первой ст. 46 УПК РФ,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Возбудить в отношении _____
(фамилия, имя, отчество лица)

уголовное преследование по уголовному делу № _____.

2. Признать _____ подозреваемым
(фамилия, имя, отчество лица)
по уголовному делу № _____.

3. Разъяснить _____
(фамилия, имя, отчество лица)
что он подозревается в совершении преступлен __, предусмотренн _____
УК РФ, а также сущность подозрения.

4. Разъяснить _____ права
(фамилия, имя, отчество лица)
подозреваемого, предусмотренные частью четвертой ст.46 УПК РФ;
право, предусмотренное ст. 51 Конституции РФ, не свидетельствовать
против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких
родственников; порядок приглашения, назначения и замены защитника,
оплаты его труда в соответствии со ст. 50 УПК РФ; право на реабилитацию
в соответствии со ст. 133 УПК РФ.

Следователь (дознатель) _____
(подпись)

Настоящее постановление мне объявлено « ____ » _____ года

в _____ час. _____ мин., его текст прочитан _____
(лично или вслух следователем)

Одновременно мне разъяснено, в совершении какого преступления я подозреваюсь, сущность подозрения, а также мне разъяснены следующие права:

Мне разъяснено, что в соответствии с частью четвертой ст. 46 УПК РФ я вправе:

- 1) знать, в чем я подозреваюсь, и получить копию постановления о возбуждении против меня уголовного дела, либо копию протокола задержания, либо копию постановления о применении ко мне меры пресечения в виде заключения под стражу;
- 2) давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении меня подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний;

- 3) пользоваться помощью защитника с момента, предусмотренного п.п. 2 и 3 части третьей ст. 49 УПК РФ, и иметь свидание с ним наедине и конфиденциально до моего первого допроса;
- 4) представлять доказательства;
- 5) заявлять ходатайства и отводы;
- 6) давать показания и объяснения на родном языке или языке, которым я владею;
- 7) пользоваться помощью переводчика бесплатно;
- 8) знакомиться с протоколами следственных действий,
- 9) произведенных с моим участием, и подавать на них замечания;
- 10) участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по моему ходатайству, ходатайству моего защитника либо законного представителя;
- 11) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения суда, прокурора, следователя и дознавателя;
- 12) защищаться иными средствами и способами, не запрещенными УПК РФ.

Мне разъяснено, что в соответствии со ст. 51 Конституции РФ я не обязан ___ свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ.

Мне разъяснен порядок приглашения, назначения и замены защитника, оплаты его труда в соответствии со ст. 50 УПК РФ:

1. Защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Подозреваемый, обвиняемый вправе пригласить несколько защитников.
2. По просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем, прокурором или судом.
3. В случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь, прокурор или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника. Если участвующий в уголовном деле защитник в течение 5 суток не может принять участие в производстве конкретного процессуального действия, а подозреваемый, обвиняемый не приглашают другого защитника и не ходатайствуют о его назначении, то дознаватель, следователь вправе произвести данное процессуальное

действие без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2—7 части первой статьи 51 настоящего Кодекса.

4. Если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им, невозможна, то дознаватель, следователь или прокурор принимают меры по назначению защитника. При отказе подозреваемого, обвиняемого от назначенного защитника следственные действия с участием подозреваемого, обвиняемого могут быть произведены без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных п.п. 2—7 части первой статьи 51 настоящего Кодекса.

5. В случае, если адвокат участвует в производстве предварительного расследования или судебном разбирательстве по назначению дознавателя, следователя, прокурора или суда, расходы на оплату его труда компенсируются за счет средств федерального бюджета.

Мне разъяснено право на реабилитацию в соответствии со ст. 133 УПК РФ:

1. Право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. Вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда.

2. Право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, имеют:

<...>

3. подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, предусмотренным п.п. 1, 2, 5 и 6 части первой ст. 24 и п.п. 1 и 4—6 части первой ст. 27 настоящего Кодекса;

<...>

4. Правила настоящей статьи не распространяются на случаи, когда примененные в отношении лица меры процессуального принуждения или постановленный обвинительный приговор отменены или изменены ввиду издания акта об амнистии, истечения сроков давности, недостижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или в отношении несовершеннолетнего, который хотя и достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и

общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом, или принятия закона, устраняющего преступность или наказуемость деяния.

5. В иных случаях вопросы, связанные с возмещением вреда, разрешаются в порядке гражданского судопроизводства.

Подозреваем _____

(подпись)

Постановление объявил, права разъяснил, копию настоящего постановления подозреваемо _____ вручил « _____ » _____ г.

Следователь (дознатель) _____

(подпись)

Оглавление

Предисловие.....	3
Глава I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ «УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ» В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	7
§ 1. Возникновение понятия «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве дореволюционного периода.....	7
§ 2. Становление и развитие учения об уголовном преследовании в советский период и период разработки УПК РФ.....	30
Глава II. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	56
§ 1. Правовая природа уголовного преследования.....	56
§ 2. Понятие уголовного преследования.....	78
§ 3. Содержание института уголовного преследования.....	95
Глава III. УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ.....	108
§ 1. Классификация уголовного преследования.....	108
§ 2. Этапы уголовного преследования.....	113
§ 3. Виды уголовного преследования.....	140
Заключение.....	163
Библиография.....	167
Приложение 1.....	197
Приложение 2.....	204
Приложение 3.....	210
Оглавление.....	215

Мазюк Роман Васильевич

**ИНСТИТУТ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Лицензия ЛР № 066272 от 14 января 1999 г.
Сдано в набор 16.02.2009 г. Подписано в печать 20.04.2009 г.
Формат 60X88/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 13,5.
Тираж 3000 экз. (1 завод — 1000 экз.) Заказ 3294--09.

ООО Издательство «Юрлитинформ»
119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 6.

Отпечатано в ФГУП 12 ЦТ МО РФ
119019, г. Москва, Староваганьковский пер., д. 17
Тел.: 697-73-48

**Издательство «Юрлитинформ»
предлагает вниманию читателей книги
серии «Библиотека криминалиста»**

Лапин Е.С. Расследование преступлений, совершенных против интеллектуальной собственности

Лапшин В.Ф. Финансовые преступления

Красильникова Е.В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов

Кунц Е.В. Преступность среди женщин в современной России

Белов О.А. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений

Полстовалов О.В. Современные проблемы криминалистической тактики

Агафонов А.В. Половые преступления

Малютин М.П. Тактические приемы в расследовании преступлений

Мусаелян М.Ф. Террористический акт: уголовно-правовой аспект

Шолько М.А. Особенности предварительного расследования убийств, совершенных по мотиву кровной мести и кровной вражды

Благов Е.В. Квалификация при совершении преступления

Алихаджиева И.С. Проституция как социальный и правовой феномен

Волохова О.В. Расследование преступлений, связанных с обманом

Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении

Скребец Д.Д. Уголовная ответственность за посягательства на изобретательские и патентные права

Агапов П.В. Проблемы противодействия организованной преступной деятельности

**Заявки на приобретение издаваемой нами литературы,
а также отзывы о ней, свои предложения и рекомендации
о необходимой тематике направляйте по адресу:**

119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 6

ООО Издательство «Юрлитинформ»

тел. (495) 697-77-45, тел/ факс (495) 697-16-13

E-mail: zakaz@urlit.ru

ISBN 978-5-93295-494-2

9 785932 954942 >

